

Изъяснение Песни песней Соломона святитель Григорий Нисский

Предисловие. К Олимпиаде

Предисловие. К Олимпиаде

И честной твоей жизни, и чистой твоей душе признал я приличным тщательное изучение Песни песней, с намерением, как и лично, и письменно изъясняла ты нам, при надлежащем обозрении книги соделать явным сокровенное в речениях любомудрие, здоровыми понятиями очищенное от буквального, с первого взгляда усматриваемого, словозначения. Почему охотно соглашаюсь, что заботливость твоя об этом не только полезна тебе для твоей нравственности (ибо уверен, что око души твоей чисто от всякой страстной и нечистой мысли, и в сих Божественных речениях беспрепятственно усматривает беспримесную лепоту), но послужит даже неким руководством для людей более плотских, чтобы и им придти в духовное и невещественное состояние души, к какому ведет книга сия сокровенною в ней премудростию.

Но поелику некоторым из принадлежащих к Церкви кажется общим правилом держаться буквы Святаго Писания, и они не соглашаются, чтобы в нем на пользу нашу говорилось что-либо загадочно и намеками: то необходимым почитаю прежде всего пред обвиняющими нас оправдаться в этом, и именно, что не делаем ничего несообразного, стараясь в Божественном и богодухновенном Писании всячески уловлять полезное для нас; так что, если полезно сколько-нибудь буквальное чтение, понимаемое в том смысле, в каком сказано, то имеем уже в готовности требуемое: если же что сказанное с скрытностью, загадочно и предположительно не служит к пользе по ближайшему сего разумению, то таковые изречения, как предписывает слово, обучающее нас притчами, будем брать в ином значении, разумея сказанное, или как притчу, или как «темное слово», или как «изречения мудрых», или как одну из загадок (Прит. 1, 6). И по науке истолкования, пожелает ли кто назвать это применением речи, или иносказанием, или чем

другим, не будем спорить об имени, только бы держаться полезных разумений.

Ибо и великий Апостол, говоря, что «Закон духовен есть» (Рим.7,14), под именем Закона заключает и исторические повествования, так что все богодухновенное Писание для читающих есть Закон не только явственными заповедями, но и историческими повествованиями, разумеющих глубоко обучающий ведению таин и чистому образу жития. Способом же толкования пользуется Апостол, каким ему угодно, имея в виду полезное; а не заботится об имени, какое надлежит дать способу толкования. Напротив того, намереваясь обратить историю в доказательство домостроительства о заветах, в одном месте говорит, что «изменяет глас» (Гал. 4, 20); а потом, упомянув о других чадах у Авраама, рожденных ему от рабы и от свободной, воззрение на них называет иносказанием (Гал.4, 24); также, изложив некоторые исторические события, говорит: «образы прилучахуся онем: писана же быша в научение наше» (1Кор. 10, 11); и еще сказав, что не должно заграждать «устен вола молотяща», присовокупил, что не «о волах радит Бог», но «нас ради всяко написася» (1Кор.9, 9–10); а в другом месте менее ясное разумение и ведение от части называет «зерцалом и гаданием» (1Кор. 13, 12); и также переход от телесного к умственному именует обращением ко Господу и снятием покрывала (2Кор. 3, 16). Во всех же сих различных способах и наименованиях разумного воззрения Павел преподает нам один вид учения, что должно не на букве непременно останавливаться, так чтобы с первого взгляда представляющееся значение сказанного о добродетельной жизни во многом могло вредить нам, а, напротив того, переходит к невещественному и умственному взгляду, так чтобы понятия плотские изменялись по смыслу и разумению после того, как плотское значение сказанного потрясено будет подобно праху. И посему-то говорит Апостол, что «буква убивает, а дух животворит» (2Кор. 3, 6): так как история (то есть в Писании), если будем останавливаться на голых событиях, во многих местах представляет нам примеры недоброй жизни. Ибо, какую пользу относительно к добродетели доставит слушателю Пророк

Осия, рождающий «чада блужения» (Ос.1,2), и Исаия, входящий «ко пророчице» (Ис. 8,3), если остановится кто на букве сказанного?

Или сколько содействовать будут к доблестной жизни повествования о Давиде, как прелюбодеяние и убийство вместе сходятся в одно преступление? Но если найдется какое-либо основание, показывающее неукоризненность того, что устроялось этим, то истинным окажется тогда слово Апостола, что «буква убивает», так как содержит в себе примеры дурных дел, «а дух животворит» (2Кор.3,6), потому что первоначально представляющееся и достойное осуждения понятие прелагает в значения Божественные.

Знаем же, что и Само всею тварию покланяемое Слово, когда в человеческом подобии и виде при посредстве плоти сообщало Божественные тайны, так открывало нам смысл закона, что два человека, которых свидетельство истинно, по слову Его, суть Он Сам и Отец (Иоан. 8, 17–18); и поставленный на высоте медный змий, который для народа служил врачевством от смертоносных угрызений, по Его объяснению есть совершенное на кресте о нас домостроительство. Да и самих святых учеников Своих обучает тонкости разумения прикровенными и тайными словами, в притчах, в подобиях, в темных речениях, в сказаниях, предлагаемых загадочно, хотя делал им истолкование сего наедине, объясняя сказанное неясно, а иногда, если не был понимаем ими смысл сказанного, порицал их медлительность и неспособность к уразумению. Ибо, когда повелевал им Господь воздерживаться от фарисейской закваски, а они по недогадливости смотрели на свои сумы, в которых не принесли хлебного запаса, тогда укоряет, как не уразумевших, что закваскою означалось учение. И еще, когда ученики предлагали Ему трапезу, а Господь отвечал: «Аз брашно имам ясти, егоже вы не весте» (Иоан.4,32), – и они предположили, что говорит о телесной пище, принесенной Ему из другого места, тогда толкует слово Свое, что приличным для Него и соответственным брашном служит исполнение спасительной воли.

И в евангельских изречениях можно набрать тысячи таковых мест, что в них иное представляется с первого взгляда, а к иному относится смысл сказанного. Так, например, разуметь должно воду, о которой Он обетовал жаждущим, что верующие соделаются от нее источниками рек (Иоан. 7, 38); а также «хлеб, сходяй с небесе» (Иоан. 6, 33), храм разоряемый и «треми денми» воздвигаемый (Иоан. 2, 19), «путь» (Иоан. 14, 6), «дверь» (Иоан. 10, 7), «камень», ни во что вменяемый зиждущими и полагаемый во главу угла (Матф. 21, 42), двоих «на одре едином» (Лук. 17, 34), жернов мелющих: одну поемлемую, другую оставляемую (Матф. 24, 41), «труп, орлов» (Матф. 24, 28), смоковницу, делающуюся сочною и прозябающую ветви (Матф. 24, 32). Все сие и подобное сему да будет для нас побуждением пользоваться Божественными изречениями и испытывать их, быть внимательными при чтении и всеми способами исследовать, не найдется ли где слово, которое выше разумения, представляющегося по первому взгляду, руководящее мысль к Божественному и бесплотному. Посему-то мы уверены, что запрещенное для вкушения древо – не смоковница, как утверждали некоторые, и не другое какое из плодовых деревьев. Ибо, если тогда смертоносна была смоковница, то, конечно, и теперь не служила бы в пищу. Притом же дознали мы из Владычного изречения, решительно тому научающего, что ничто «входящее во уста» не может сквернить «человека» (Матф. 15, 11). Напротив того, в законе ищем другого какого-либо смысла, который был бы достоин величия Законодателя. И, если слышим, что рай есть дело Божия насаждения, и что среди рая насаждено древо жизни, то у Открывающего сокровенные тайны пытаемся дознать, каких растений делателем и насадителем бывает Отец, и как возможно в самой середине рая быть двум древам, древу спасения и древу гибели? Ибо точная середина, как в окружности круга, должна, конечно, находиться в одном средоточии. Если же по которую либо сторону средоточия поставить другое средоточие, то, по всей необходимости, вместе с средоточием переместится и весь круг, так что прежнее средоточие уже не будет серединою. Итак, если рай

был там один, то почему говорит Писание, что, хотя каждое из деревьев представлялось особо, однако же, посредине было и то, и другое, между тем, как смертоносному из них странно быть Божиим насаждением, чему учит то же Писание, утверждающее, что все дела Божии «добра зело» (Быт. 1, 31)? Если кто не усмотрит в этом истины при помощи Любомудрия, то для неспособных рассуждать покажется, что сказанное не состоятельно и баснословно. И долго было бы собирать, что найдется у каждого из Пророков, как, например, Михей говорит, что «будет в последняя дни явлена гора над верхи гор» (Мих. 4, 1), именует же горою тайну благочестия, являемую на погибель сопротивных сил.

Почему возвышенный Исаия говорит, что восходит жезл и цвет из корня (Ис. 11, 1), указывая сим на явление Господа во плоти? Или какой имеют смысл, по буквальному значению, у великого Давида, «гора усыренная» (Псал. 67, 16), или «колесница тмами тем» (Псал. 67, 18), или «сонм юнец», оставляемый «в юницах людских» (Псал. 67, 31), или нога, омоченная «в крови», или «языки псов» (Псал. 67, 24), или Ливан, на подобие тельца, истниваемый с кедрами (Псал. 28, 6)? И кроме сего можно, из остального пророчества собрав тысячи мест, научить необходимости такого взгляда на речения относительно к их смыслу, отвергнув который, как это некоторым угодно, по моему мнению, поступит всякий подобно тому, кто в снедь человеку на трапезе предложит хлебное произрастание, не обделаав его, не обмолотив колоса, не отделив на веялке зерен от мякины, не измоллов жита в муку и не приготовив хлеба по надлежащему способу печь хлебы. Посему, как необделанное произрастание составляет пищу скотов, а не людей; так иной может сказать, что составляют пищу скорее неразумных, нежели разумных людей и богодухновенные речения, не приуготовленные более тонким обозрением, и не только речения Ветхого Завета, но даже многие и в евангельском учении, как например: «лопата, отребляющая гумно» (Матф. 3, 12), плевы, отвеваемые ветром, пшеница, остающаяся при ногах веющего, «огнь негасающий», добрая житница, дерево, приносящее худые плоды, угроза

секирою, грозно указующая на посечение деревьев (Матф. 3, 10), камни, претворяемые в естество человеческое (Матф. 3, 9).

Сие пусть будет у меня написано к твоему благоразумию, как некое письменное оправдание перед теми, которые поставляют в закон в Божественных речениях не искать ничего больше, кроме ближайшего буквального их значения. Если же и свой труд предать бумаге пожелали мы после Оригена, усердно потрудившегося над этою книгою, то никто да не обвиняет нас в этом, имея в виду Божественное изречение Апостола, который говорит: «кийждо свою мзду примет по своему труду» (1Кор. 3, 8). Но сочинено это мною не напоказ; напротив того, поелику многое из сказанного в Церкви по любознательности замечено было некоторыми из окружающих нас, то, иное, именно все, что было связано в их замечании, взяв у них, а иное, что необходимо требовало дополнения, присовокупив от себя, составил я сие толкование, в виде бесед; в след за прочитанным местом предлагая обозрение сказанного, столько употребил на сие досуга, сколько в эти дни поста дозволили время и дела; потому что в продолжении их слово сие приготовлено было нами для народного слышания. Если же и продолжение жизни и мирное состояние дарует нам Податель жизни – Бог, то, может быть, простремся и до остального, потому что теперь наше слово и обозрение дошли уже до половины.

Благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми нами во веки веков! Аминь

Беседа 1. Толкование на Песн. 1, 1–3

Песн.1:1. Да лобжет мя от лобзаний уст Своих: яко блага сосца Твоя паче вина,

Песн.1:2. и воня мира паче всех аромат. Мирю излияное имя Твое. Сего ради отроковицы возлюбиха Тя.

Песн.1:3. Привлекоша тя: в след Тебе в воню мира Твоего течем. Введе мя Царь в ложницу Свою: возрадуемся и возвеселимся о тебе, возлюбим сосца твоя паче вина: правость возлюби тя.

Вы, которые, по совету Павла, как нечистого какого одеяния, совлеклись «ветхого человека с деяньми» и похотями «его» (Кол. 3, 9) и чистотою жизни возложили на себя светлые одежды Господа, какие показал Он на горе преображения, лучше же сказать, облечены в Самого Господа нашего Иисуса Христа, в Его ризу – любовь, и сообразуетесь Ему в бесстрастии и во всем Божественном, выслушайте тайну Песни песней, войдите во внутренность чистого брачного чертога, убеленные чистыми и нескверными мыслями, чтобы кому-либо, привлекая за собою страстный и плотский помысл, и не имея на себе одеяния совести, приличного Божественному браку, не быть связанным собственными своими помыслами, и чистые гласы Жениха и невесты низведя до скотских и неразумных страстей, а чрез них, покрыв себя срамными представлениями, не быть изверженным из сонма веселящихся на браке, радость брачного чертога обменяв на скрежет зубов и на плач. О сем свидетельствую, намереваясь коснуться таинственного торжества, изображенного в Песни песней. Ибо описанными здесь действиями душа некоторым образом уготовляется в невесты для бесплотного, духовного и невещественного сочетания с Богом. «Иже всем хочет спастися и в разум истины приити» (1Тим. 2, 4), указывает здесь самый совершенный и блаженный способ спасения, именно посредством любви. Ибо иным бывает спасение и посредством страха, когда удаляемся от зла, взирая на угрозы наказанием в геенне, а иные преспевают в добродетели по упованию награды,

предоставленному жившим благочестиво, приобретая доброе, не по любви, но по ожиданию воздаяния. Но кто стремится душою к совершенству, тот гонит от себя страх, потому что такое расположение – не по любви оставаться при господине, но не бежать от него по страху бичей – свойственно рабу; сей же презирует и самые награды, чтобы не показалось, будто бы награде отдает предпочтение пред Самим Дарующим пользу, напротив того, от всего сердца, от всей души и силы любит не другое что из подаваемого Им, а Его Самого, то есть, самый источник благ.

Потому сие-то расположение душам слушающих поставляет в закон Призывающий нас к общению с Собою, а утверждает сие узаконение Соломон, мудрость Которого, по Божественному свидетельству, не имеет меры, будучи равно несравнима и не применима ко всем, и до Него бывшим, и по Нем будущим, от Которого не сокрыто ничто сущее. Не думаешь ли ты, что сим именем называю Соломона, рожденного Вирсавиею, принесшего в жертву на горе тысячу волов, воспользовавшегося на грех Сидонскою советницею? Другой означает им Соломон: Который и Сам от семени Давидова происходит по плоти, Которому имя: Мир, истинный Царь Израилев, Создатель Божия храма, объявший в Себе ведение всего, премудрость Которого беспредельна, лучше же сказать, бытие Которого есть премудрость, и истина, и всякое боголепное и высокое именование, и понятие. Он-то, сего Соломона употребив в орудие, чрез него беседует с нами, сперва в Притчах, потом в Екклесиасте, а после сего – в предлагаемом любомудрии Песни песней, постепенно и в порядке указуя словом восхождение к совершенству.

Как в жизни по плоти не всякий возраст вмещает все естественные деятельности, и при самых разностях возрастов не одинаково проходит у нас жизнь, потому что младенец не занимается делами совершенных, и совершенного не берет к себе на руки кормилица, но всякому времени возраста полезно и сообразно что-либо свое: так и в душе можно видеть некоторое сходство с телесными возрастами, по которым сыскиваются некоторый порядок и последовательность,

руководящие человека к жизни добродетельной. Посему-то иначе обучает Притча, и иначе беседует Екклесиаст, любомудрие же Песни песней высокими учениями превосходит и Притчи, и Екклесиаста. Ибо учение, преподаваемое в Притчах, обращает речь еще к младенчеству, соразмерно с возрастом соображая слова. «Слыши, сыне, – говорит оно, – законы отца твоего, и не отрини заветов матери твоея» (Прит. 1, 8). Усматриваешь ли в сказанном еще нежность и необразованность душевного возраста, почему отец видит, что сын имеет еще нужду в материнских заветах и в отеческом вразумлении? И чтобы ребенок охотнее слушал родителей, отец обещает ему детские украшения за прилежание к учению; ибо детям приличное украшение – золотая цепь, блестящая на шее, и венок, сплетенный из каких-либо красивых цветов. Но, конечно, надлежит разуместь сие, чтобы смысл загадки мог путеводить к лучшему.

Так Соломон начинает описывать сыну Премудрость, в разных чертах и видах объясняя благообразие несказанной красоты, чтобы к причастию благ возбудить, не страхом каким и необходимостью, но вожделением и любовью; потому что описание красоты привлекает как-то пожелание юных к указуемому, возбуждая стремление к общению с благообразным.

Посему, чтобы паче и паче возрастало в нем вожделение, из вещественного пристрастия превратившись в невещественный союз, красоту Премудрости украшает похвалами. И не красоту только ее благообразия представляет в словах, но перечисляет и богатство, господином которого соделается, конечно, сожителем с нею. Богатство же сие рассматривается пока в убранствах Премудрости, потому что украшение правой ее руки – целые веки; так говорит Писание: «долгота жития и лета жизни в деснице ее» (Прит.3:16). А в левой руке положено многоценное богатство добродетелей, блистающее сиянием славы; ибо говорит: «в шуйце ее богатство и слава» (Прит.3:16). Потом описывает дыхание уст ее, благоухающее прекрасным ароматом правды, говоря: «от уст ее исходит правда» (Прит.3:16). А на губах ее, по слову его, вместо

естественного алого цвета цветут «закон и милост» (Прит. 3, 16). И чтобы красота у таковой невесты оказалась ни в чем не имеющею недостатка, восхваляется и ее хождение; ибо сказал: «в путях правды ходит» (Прит. 8, 20). Без похвал красоте не остается и величина; потому что рост ее увеличивается подобно какому-то величавому растению. Растение же то, которому уподобляется ее высота, как сказано, «есть» самое «древо живота», которое служит пищею «всем держащимся, а восклоняющимся твердым» и незыблемым столпом, под тем же и другим разумею Господа, потому что Он есть жизнь и опора, и буквально читается так: «древо живота есть всем держащимся ея, и воскланяющимся на ню, яко на Господа, тверда» (Прит. 3, 18). Но с прочими похвалами берется вместе и ее могущество, чтобы похвала красоте Премудрости исполнена была всех добрых качеств; ибо сказано: «Бог премудростию основа землю, уготова же небеса разумом» (Прит. 3, 19), и каждое из видимых в творении явлений приписывает слово силе Премудрости, украшая ее различными именами. Ибо называет ее и премудростию, и разумом, и чувством, и ведением, и разумением, и тому подобным.

После сего начинает Соломон приуготовлять юношу к таковому сожителству, повелевая ему иметь уже в виду Божественное брачное ложе. Ибо говорит: «не остави ю, и имется тебе; возжелай ея, и соблюдет тя. Огради ю, и вознесет тя; почти ю, да тя обимет; да даст главе твоей венец благодатей, венец же сладости защитит тя» (Прит. 4, 6, 8–9). Сими брачными уже венцами украсив невесту, повелевает быть неразлучным с нею, говоря: «егда ходиши, води ю, и с тобою да будет; егда же спиши, да хранит тя, да востающу ти, глаголет с тобою» (Прит. 6, 22). Сим и подобным сему воспламенив вожделение в юном еще по внутреннему человеку и представив в слове самую Премудрость повествующею о себе, чем наиболее привлекает она любовь слушателей, говоря притом между прочим и сие: «Аз любящая Мя люблю» (Прит. 8, 17), потому что надежда быть взаимно любимым сильнее располагает любителя к вожделению, а вместе с сим предлагая ему и прочие советы в каких-то решительных и вместе

неопределенно выраженных изречениях, и приведя его в совершенство, потом в последних притчах, в которых восписал похвалы оной доблей жене, ублажив сие доброе сожительство, наконец уже присовокупляет в Екклесиасте любомудрие, предлагаемое достаточно приведенному в вожделение добродетелей приточными наставлениями. И в этом слове, похулив приверженность людей к видимому, все непостоянное и преходящее назвав суетным, когда говорит: «все грядущее суета» (Еккл. 8, 11), выше всего восприемлемого чувством поставляет врожденное движение души нашей к красоте невидимой, и, таким образом очистив сердце от расположения к видимому, потом уже внутрь Божественного святилища тайноводствует ум Песнию песней, в которой написанное есть некое брачное уготовление, а подразумеваемое – единение души человеческой с Божественным.

Посему, кто в Притчах именуется сыном, тот здесь представляется невестою, Премудрость же поставляется на место Жениха, чтобы уневестился Богу человек, из жениха став непорочно девою, и, прилепившись ко Господу, соделался единым с Ним духом, чрез срастворение с пречистым и бесстрастным, из тяжелой плоти пременившись в чистый дух. Итак, поелику говорит Премудрость: возлюби, сколько можешь, от всего сердца и от всей силы, и пожелай, сколько вмещаешь, то осмеливаюсь присовокупить к сим словам и следующее: возлюби пламенно, потому что у бесплотных неукоризненна и бесстрастна эта страсть, как Премудрость говорит в притчах, предписывая пламенную любовь к Божественной красоте (Прит. 4, 6). Да и теперь предлагаемое слово повелевает подобное тому, не прямыми словами выражая совет свой об этом, но любомудрствует в выражениях таинственных, для построения сих учений составляя мысленный некий образ, заимствованный из услаждающего в жизни. Образ же этот есть некое брачное уготовление, в котором посредствует к страсти вожделение красоты, но не Жених, как обычно у людей, начинает обнаруживать вожделение, предваряет же Жениха дева, без стыда объявляя всем о страсти, и изъявляя желание насладиться некогда лобзанием Жениха. Ибо, когда добрые

невестоводители девы – Патриархи, Пророки, законодатели поднесли уневещенной Божественные дары, которые обычай называет брачными, именуя так подарки, предшествующие браку, (дары же эти были: отпущение прегрешений, забвение худых дел, отъятие греха, пременение естества, претворение тленного в нетленное, райское наслаждение, царское достоинство, не имеющее конца веселие), тогда, приняв Божественные дары от прекрасных дароносцев, предлагающих ей оные в пророческом учении, и вожделение она исповедует, и поспешает воздать благодарение, стараясь уже насладиться красотой вожделеваемого. Слышат сие некоторые из подруг и сверстниц, возбуждающие невесту к большему вожделению. Приходит и Жених, приводя с Собою лик друзей и любимцев Своих; таковыми же могут быть служебные духи, при помощи которых спасаются люди, или святые Пророки, которые, услышав глас Жениха, радуются и восторгаются совершением сего пречистого супружества, в котором душа, прилепляясь «Господеви», делается «един дух с Господем», как говорит Апостол (1Кор. 6, 17).

Посему снова обращаю речь к притчам, чтобы какой страстный и плотский ум, издающий еще мертвенное зловоние ветхого человека, значения богодухновенных мыслей и речений не низвел до скотского неразумия, но чтобы каждый, в исступлении ума, став вне вещественного мира, бесстрастием возвратившись некоторым образом в рай, и чистотою уподобившись Богу, в таком уже состоянии вступил во святилище проявляемых нам в сей книге таин. Если же у кого душа не уготована к таковому слышанию, то да внемлет он Моисею, который узаконяет нам не отваживаться восходить на духовную гору, не омыв прежде одежд на сердцах наших и не очистив душ приличными окроплениями помыслов. Почему теперь, в то время, как занимаемся сим обозрением, должно, как думаю, предать забвению помышления о делах супружеских, по заповеди Моисея, узаконившего тайноводствуемым пребывать чистыми от супружеских общений, и во всем приложить к себе предписания законодателя, как скоро намереваемся приступить к духовной

горе боговедения, где женственный род помыслов с вещественным их заготовлением оставляется дольней жизни. Всякая же неразумная мысль, если появится близ таковой горы, как бы камнями какими-то, побивается более твердыми мыслями. Ибо и при этом едва ли стерпим глас сей трубы, звучащей нечто великое, необычайное, превышающее силы внемлющих ей – глас, усиливаемый самою непроницаемостью мрака, в котором Бог, огнем пополающий на таковой горе все вещественное.

Итак, вступим уже во святое святых, то есть приступим к Песни песней. Ибо как в именовании *Святое святых* из превосходной степени сего слова познаем некий избыток и особую силу святости, так и названием *Песнь песней* высокое слово сие обещается научить нас тайнам тайн. Ибо много есть песней в богодухновенном учении, из которых научаемся высоким понятиям о Боге, и которые написаны великим Давидом, Исаиею, Моисеем и многими другими; из сего же надписания дознаем, что, сколько песни святых отстоят от песней внешней мудрости, столько же песни святых превышает тайна, заключающаяся в Песни песней в сравнении с которой чего-либо большего к уразумению не могут ни найти, ни вместить и слух, и естество человека. И посему-то, что всего сильнее производит в нас удовольствие (разумею страсть любви), то Соломон загадочно предположил изложению догматов, давая чрез сие знать, что душе, возводящей взор к недоступной красоте Божественного естества, надлежит столько возлюбить оное, сколько тело имеет привязанности к сродному и соплеменному, переменяя, впрочем, страсть в бесстрастие, так чтобы, по угашении всякого телесного расположения, от одного духа воскипало в нас любовию сердце, согреваемое тем огнем, который Господь пришел «вовреци на землю» (Лук. 12, 49).

Но полагаю, достаточно сказано о том, в каком расположении надлежит быть душе слышащих таинственные глаголы, и время уже на обозрение в слове предложить самые речения божественной Песни песней; а прежде всего выразумеем силу надписания. Ибо не напрасно, кажется мне,

книга сия по надписанию присвоается Соломону, но чтобы в читающих возбуждалась мысль от сказанного в ней ожидать чего-то великого и Божественного. Поелику удивление каждого человека мудростью Соломона, по свидетельству о нем, было чрезвычайно, то посему в самом начале немедленно делается упоминание об имени, чтобы читающие надеялись от книги сей чего-то великого и достойного славы Соломоновой. Как в живописном искусстве, конечно, какое-нибудь вещество разными цветами выполняет подобие животного, но кто смотрит на изображение, искусственно написанное красками, тот не останавливается на рассматривании цветных составов, наложенных на картину, обращает же внимание только на то, что художник представил красками: так в настоящем Писании надлежит не на вещество красок в речениях обращать внимание, но видеть как бы образ Царя, впечатлеваемый в чистых понятиях. Следующие, в ближайшем значении взятые речения: уста, лобзание, миро, вино, названия членов, ложа, отроковицы и подобные сим суть краски белого или желтого, или черного, или алого, или голубого, или иного какого цвета. А слагаемый из них образ есть блаженство, бесстрастие, единение с Божеством, отчуждение от злых дел, уподобление в подлинном смысле прекрасному и доброму. Вот понятия, свидетельствующие об оной Соломоновой премудрости, превосходящей пределы мудрости человеческой! Ибо что было бы необычайнее сего, как очищением от собственных своих страстей соделать, чтобы в речениях, по видимому страстных, самое естество узаконяло и преподавало нам бесстрастие? Ибо Соломон не говорит: должно стать вне страстных движений плоти, умертвив «уды, яже на земли» (Кол. 3, 5), и иметь уста, чистые от страстных речений; но так настраивает душу, что в показывающем по видимому противное, в виду имеет чистое, и страстными речениями изъясняет самую чистую мысль.

Слово началом своим да научит нас тому одному, что вводимые во святилище таин книги сей уже не люди, но тем самым, что стали учениками Христовыми, претворились по естеству в Божественное, как свидетельствует об учениках Своих Слово, что лучшими человека были те, которых

сказанное им Господом отличие отделило от людей, когда говорит: «кого Мя глаголют человецы быти?... Вы же кого Мя глаголете быти» (Мк.8:27–29)? Ибо действительно, кто и от таких речений, которых ближайшее значение указывает на плотское сладострастие, не поползается на разумение нечистое, но сими речениями при понятиях чистых руководится к любомудрию о Божественном, тот доказывает о себе, что он уже не человек, и имеет естество, не из плоти и крови сложенное, но, по бесстрастию соделавшись равноангельным, показывает уже в себе жизнь, ожидаемую в воскресение святых. Как по воскресении тело, прменясь в нетленное, соединится с душою человеческою, страсти же, тревожащие нас ныне, не восстанут с оными телами; напротив того, для жизни нашей наступит мирное состояние, мудрование плоти не будет больше мятежничать против души, в междоусобной брани противостав закону ума страстными движениями, и, победив ее грехом, водить подобно какой-то пленнице; но естество соделается тогда чистым от всего подобного, и у обоих, разумею у плоти и духа, будет одно мудрствование; потому что всякое телесное расположение в естестве уничтожится. Так слово в сей книге повелевает слышащим, хотя живем во плоти, не обращаться к ней мыслями, но иметь в виду единую душу, и все, выражающие любовь речения, чистыми и неоскверненными восписывать превышающему всякий ум благу, которое одно в подлинном смысле сладостно, вожделенно и достолюбезно, и наслаждение которым служит всегдашним поводом к большему вожделению, причастием благ усиливая пожелание. Так Моисей любил Бога; так любил Илия; так Иоанн любил Жениха, говоря: «имеяй невесту, жених есть, а друг женихов радостию радуется за глас женихов» (Иоан. 3, 29). Так Петр на вопрос «любиши ли?» с дерзновением отвечает: «Ты веси, Господи, яко люблю Тя» (Иоан. 21, 15). Так и прочие Апостолы. Так Павел, прежде гонитель, возлюбив Христа, Которого не видел, писал, выражаясь: «обручих вас, деу чисту, представи Христови» (2Кор. 3, 2). Так теперь невеста – Церковь возлюбила Жениха, подобно деве, которая говорит в песни: «да лобжет мя от лобзаний уст Своих» (Песн. 1, 1). Так Моисей бывшею у него

устаи ко устам беседую с Богом, как свидетельствует Писание, приведен еще в большее вожделение таковых лобзаний, и после стольких Богоявлений, как будто не видевший еще Бога, просит увидеть Желаемого. Так все прочие, в ком глубоко укоренена была Божественная любовь, никогда не останавливались в вожделении, все даруемое им свыше к наслаждению желаемым обращая в пищу и в поддержание сильнейшего вожделения.

Так и ныне душа, вступившая в единение с Богом, не имеет сытости в наслаждении. Чем обильнее наполняется услаждающим, тем сильнее действуют в ней пожелания. Поелику «глаголы» Жениха «дух и живот суть» (Иоан. 6, 63); а всякий, прилепляющийся к духу делается духом, и вступающий в единение с жизнью, по Господнему слову, переходит «от смерти в живот» (Иоан. 5, 24), то по сему самому к источнику духовной жизни приблизить себя желает дева-душа. А источник сей – Жениховы уста, из которых источающиеся глаголы жизни вечной наполняют привлекающие их уста, как было с Пророком, устами привлекающим дух (Псал.118,131). Посему, так как уста, привлекающие питье из источника, надлежит приложить к воде, а источник есть Господь, изрекший: «аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет» (Иоан. 7, 37); то посему душе жаждущей желательно уста свои приблизить к устам, источающим жизнь, и невеста говорит: «да лобжет мя от лобзаний уст Своих» (Песн.1:1). И Тому, Кто всем источает жизнь, и всем хочет спастися, не угодно кого-либо из спасаемых лишить сего лобзания, потому что лобзание это есть очистительное средство от всякой скверны. Посему-то, кажется мне, Господь с укоризною произносит прокаженному Симону такие слова: «лобзания Ми не дал еси» (Лук. 7, 44). Чистым стал бы он от недуга, привлеки чистоту устами. Но Симон справедливо не был возлюблен, оплотянев по болезни, по собственному вожделению оставаясь неистощимым в недуге. А душа, достигшая чистоты, так как не омрачает ее никакая плотская проказа, видит сокровище благ; имя же этому сокровищу – сердце. И Пророк молится, чтобы создано было в нем «сердце чисто» (Псал. 50, 12), из которого подается сосцам

Божественное млеко, служащее питанием душе, привлекающей благодать «по мере веры» (Рим. 12, 6). Почему говорит она: «блага сосца Твоя паче вина» (Песн. 1, 1), – сосцами по местному положению означая сердце. Конечно же не погрешит, кто под сердцем будет разуметь сокровенную и неизреченную силу Божества; да и под сосцами справедливо может иной подразумевать благие за нас действия Божественной силы, какими Бог поддерживает жизнь каждого, снабжая приличною каждому из приемлющих пищу.

Но из любомудрия сей книги дознаем мимоходом и другое некоторое учение, а именно, что есть в нас двоякое некое чувство, одно телесное, другое Божественное, как где-то в притчах говорит Слово: найдешь Божественное чувство, – потому что есть некая соразмерность душевных движений и действий с чувствилищами тела, и сие дознаем из настоящих словес Духа. Вино и молоко различаются вкусом, но когда они духовны, тогда духовна, без сомнения, и восприимлющая их душевная сила. А лобзание совершается чувством осязания; потому что при лобзании уста между собою прикасаются. Но есть некое осязание души, которым осязается слово, и которое совершается каким-то не телесным, но духовным соприкосновением, как сказал изрекший: «руки наша осязаша, о Словеси животнем» (1Иоан. 1, 1). А также и воня Божественного мира есть воня обоняемая не ноздрями, но какою-то духовною и невещественною силою, с привлечением духа, привлекающею и благоухание Христово. Ибо желание девы, выраженное в начале Песни, читается в связи так: «блага сосца Твоя паче вина, и воня мира Твоего паче всех аромат» (Песн. 1, 1–2). А сим, как предположили мы, выражается какая-либо мысль немаловажная и достойная пренебрежения. Ибо при этом сравнительном предпочтении млека из Божественных сосцев тому веселию, какое бывает у нас от вина, научаемся, может быть, сказанным, что вся человеческая мудрость, и все знание существующего, и всякая созерцательная сила, и всякое мысленное представление не могут устоять в сравнении с простейшею пищею Божественных уроков; потому что млеко истекает из сосцев, и есть пища младенцев; а вино по силе и

горячительному свойству делается наслаждением совершеннолетних, однако же совершенное во внешней мудрости ниже младенческого учения в Божественном Слове. Посему-то Божественные сосцы лучше человеческого вина, и воня Божественного мира превосходнее всякого благоухания ароматов. А в этом, по моему мнению, открывается такой смысл.

Под ароматами разумею добродетели, как-то: мудрость, целомудрие, справедливость, мужество, благоразумие и подобное сему, украшаясь которыми, каждый из нас по мере сил и по своему произволению, один так, другой иначе, приходим в благоухание, и кто из целомудрия, или мудрости, кто из справедливости, или мужества, или другого чего, признаваемого за добродетель, а иной и из всех таковых ароматов имеет в себе срастворенное благоухание. Однако же все это не может идти в сравнение с тою всесовершенною добродетелию, которая наполняет собою небеса, как свидетельствует пророк Аввакум, сказав: «покры небеса добродетель Его» (Авв. 3, 3), то есть с источною премудростию, источною правдою, источною истиною, и так далее. Воня небесного мира, сказано, имеет благодать несравнимую с теми ароматами, какие известны нам.

В последующем за сим душа невесты касается еще высшего любомудрия, показывая недоступность и неместимость Божественной силы человеческим помыслам, когда говорит: «миро изливанное имя Твое» (Песн. 1, 2), – ибо сими словами, кажется мне, означает подобное следующему: естество неопределимое не может в точности объято быть словом, имеющим значение имени; напротив того, вся сила понятий, вся выразительность речений и именований, хотя бы, по-видимому, заключали они в себе что великое и боголепное, не касаются естества в Сущем, но разум наш, как бы по следам только и озарениям каким, гадает о Слове, с помощью постигнутого, по какому-то сходству представляя себе и непостижимое. Какое ни примыслим имя, сообщающее нам понятие о мире Твоего Божества, – говорит невеста, – тем, что выражает сказуемое, означим не самое миро, но богословскими

сими именованиями покажем только малый некий остаток испарений Божественного благоухания: как по сосудам, из которых вылито миро, не познается самое миро, вылитое из сосудов, каково оно в естестве своем; хотя и по малоощутительному некоему качеству испарений, оставшемуся в сосуде, делаем некоторую догадку о вылитом мире. Сие-то именно дознаем мы из сказанного: самое миро Божества, каково оно в сущности, выше всякого имени и понятия; усматриваемые же во вселенной чудеса доставляют содержание богословским именованиям, по которым Божество именуем премудрым, всемогущим, благим, святым, блаженным, вечным, также Судиею, Спасителем и подобным сему, что все показывает некоторое, впрочем, не главное, качество Божественного мира, какое вся тварь, на подобие какого-либо мироварного сосуда, отпечатлела в себе усматриваемыми в ней чудесами.

«Сего ради, – говорит невеста, – отроковицы возлюбиша Тя, привлекоша Тя» (Песн. 1, 2–3). Так выразило (Слово) причину похвального вожделения и исполненного любви расположения. Ибо кто не возлюбит такой красоты, если только имеет око, способное взирать на лепоту? Хотя и не много постигается красота; однако же чрез уподобление видимому гадательно представляется до бесконечности разнообразною! Но как вещественная любовь не касается еще младенчествующих, потому что детство не дает в себе места страсти, а также и удрученных крайнею старостию не видим в подобном состоянии: так и в рассуждении Божественной красоты, кто еще младенец, обуревается и носится всяким ветром учения, и кто одряхлел, состарелся и приблизился к истлению, все те оказываются неподвижными к сему вожделению. Ибо таковых не касается невидимая красота, но такую только душу, которая вышла из младенческого состояния, цветет духовным возрастом, не прияла на себя «скверны или порока, или нечто от таковых» (Ефес. 5, 27), не лишена чувствительности по младенчеству и не ослабела в силах по дряхлости, слово именует «отроковицею». Она покоряется великой и первой заповеди закона, от всего сердца и всею силою возлюбив оную

красоту, которой очертания, образца и истолкования не находит человеческий разум. Посему таковые отроковицы, обогащенные добродетелями, по зрелости возраста бывшая уже внутри Божественного чертога Божественных таин, любят красоту Жениха и любовь обращают Его к себе; ибо Жених таков, что любовь вознаграждает любящих, так говоря от лица Премудрости: «Аз любящая Мя люблю» (Прит. 8, 17), и: «разделю любящим Мя имение» (имение же сие – Сам Он), «и сокровища их исполню благих» (Прит. 8, 21). Посему души сии привлекают к себе любовь нетленного Жениха, ходя, как написано, «в след Господа Бога» (Ос. 11, 10).

Причиною же их любви служит благоухание мира, к которому всегда поспешают оне, «в предняя простираяся, задняя же забывая» (Флп. 3, 13). Ибо говорят: «в след Тебе в воню мира Твоего течем» (Песн. 1, 3). Но, как недостигшие еще совершенства добродетели и юные по возрасту, дают только обещание поспешить к цели, какую указывает им воня мира. Ибо говорят: «в воню мира Твоего течем» (Песн. 1, 2–3). Душа же более совершенная, дальше простершаяся «в предняя», достигает уже цели, для которой совершается течение, и удодаивается сокровищ в ложницах. Она говорит: «введе мя Царь в ложницу Свою» (Песн. 1, 2–3). Ибо возжелавшая краями уст своих коснуться блага, и в такой мере коснувшаяся красоты, какую показывает сила изъявленного желания (изъявляла же она желание как бы лобзания некоего сподобиться чрез озарение Слова), по достижении сего, и проникнув помыслом во внутреннее святилище таин, взывает, что не в преддверии только благ течение ее, но что, имея начаток Духа, по благодати Которого, как бы в следствие какого лобзания, сподобилась испытывать «глубины Божия» (1Кор. 2, 10), и подобно великому Павлу, быв во святилище рая, говорит, что видит незримое и слышит «неизреченны глаголы» (2Кор. 12, 4).

Последующее же за сим изречение раскрывает в слове церковное домостроительство. Ибо первые, наученные благодатию, «самовидцы и слуги бывшии Словесе» (Лук. 1, 2), не ограничили блага самими собою, но и бывшим после них по преданию сообщили ту же благодать. Посему о невесте, которая

из уст Слова была первая исполнена благ и сподобилась сокровенных таин, говорят отроковицы: «возрадуемся и возвеселимся о тебе» (Песн. 1, 3). Ибо твое радование – и наша общая радость. Как ты паче вина любишь сосцы Слова, так и мы любим тебя. Твоим будем уподобляться сосцам, из которых напоеваешь млеком младенцев о Христе. Паче человека возлюбим вино, и если кто понятие сие приведет в большую ясность, то сказуемое будет таково. Возлюбил сосцы Слова «на перси» Господа припадший Иоанн (Иоан. 13, 25); он, подобно какой-то губке, приложивший сердце свое к Источнику жизни, по неизреченному некоему сообщению исполнившийся таин хранящихся в сердце Христовом, и нам предлагает исполненный словом сосец, и нас делает полными того, что вложено в него самого из Источника благ, велегласно проповедуя присносущее Слово. Посему справедливо скажем Ему: «возлюбим сосца Твоя паче вина» (Песн. 1, 3), – если только дошли мы до того, что мы уже отроковицы и не младенчествуем умом в сопряженной с юностью суетности, не сквернимся также грехом в дряхлости, оканчивающейся истлением.

А посему возлюбим поток Твоих учений, потому что «правость возлюби Тя» (Песн. 1, 3). Ибо тот это ученик, которого любил Иисус, а Иисус есть «правость». Слово же сие лучше и боголепнее, нежели пророк Давид именует Господа. Ибо Давид говорит: «прав Господь Бог» (Псал. 91, 16), – а здесь именуется правостию Тот, Кем все стропотное приводится в правое. Но да «будут» и в нас «вся стропотная в право, и острая в пути гладки» (Ис. 40, 4) по благодати Господа нашего Иисуса Христа! Ему слава во веки веков! Аминь.

Беседа 2. Толкование на Песн. 1, 4–7

Песн.1:4. Черна есмь и добра, дщери иерусалимския, якоже селения Кидарска, якоже завесы Соломони.

Песн.1:5. Не зрите мене, яко аз есмь очернена, яко опали мя солнце: сынове матери моея сваряхуся о мне, положиша мя стража в виноградех: винограда моего не сохраних.

Песн.1:6. Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши, где почиваеши в полудне? да не когда буду яко облагающаяся над стады друзей Твоих.

Песн.1:7. Аще не увеси самую тебе, добрая в женах, изыди ты в пятах паств, и паси козлища твоя у кущей пастырских.

В священной скинии свидения видимое совне не равноценно было сокровенной внутри красоте. Ибо опоны состояли из льняных тканей, и внешним украшением скинии служили завесы из козьих волосов, и покровы из красных кож; смотрящим же совне ничто в этом не представлялось великим и драгоценным. Но внутри вся скиния свидения сияла золотом, серебром и дорогими камнями. Столпы, их стояла и верхи, кадильница, алтарь, кивот, светильник, очистилище, умывальницы, завесы во входах, красота которых срастворялась всякого вида доброцветными красками, золотая нить, искусственною какою то работою нарядно сотканная вместе с синевою, багряницею, виссоном и червленицею, из всего этого составив нечто единое, делала, что ткань поражала взоры, блистая как бы лучами радуги. А что имея в виду, начинаю сим речь, без сомнения, сделается для нас явным из того, что будет сказано.

Снова предлагается нам Песнь песней, как полное изложение боговедения и любомудрия. Она есть истинная скиния свидения, в которой покровами, завесами и опонами служат некие слова и речения, выражающие любовь, показывающие отношение к любимому, также изображение красоты, упоминание телесных членов, и видимого на лице, и сокрытого под облачением одежды. А что внутри, то в подлинном смысле есть некий пресветлый светильник и кивот,

исполненный таин, и благоухающая кадилница, и очищение греха, оное всезлатое кадило благочестия, эта красота завес – благообразное исткание из доброцветности добродетелей, эти незыблемые столпы помыслов, неподвижные стояла догматов, и красота верхов, которыми истолковывается благодать во владычественном души, и омывальницы душ; и все, что относится к небесному и бесплотному житию, что закон предписывает, выражаясь загадочно, можно находить в сокрытых под буквою понятиях, если только, в купели Слова омыв всю скверну гнусной мысли, попечением о жизни соделаем себя способными к вступлению во святая святых, а не останемся не узревшими чудес внутри скинии, подвергшись смерти за то, что, вопреки предписанию закона, касались мертвого понятия или какого-либо нечистого помышления. Ибо закон духовный не позволяет таковым входа, если кто, коснувшись какой-либо мертвой и мерзкой мысли, не омоет, по Моисееву закону, ризу совести своей.

Но последовательная связь рассмотренного доселе приводит слово к обозрению того, что сказано невестою отроковицам, именно же следующего: «черна есмь и добра, дщери иерусалимския, якоже селения Кидарска, якоже завесы Соломони» (Песн. 1, 4). Прекрасно наставница сия с того именно, с чего было должно, начинает обучаемым душам делать объяснение благ. Ибо души сии в высказанном ими изъявляют готовность всякому человеческому слову, которое в переносном смысл именуют вином, предпочесть благодать, источающуюся из ее разумных сосцев, так выражая сие словом: «возлюбим сосца твоя паче вина»: потому что «правость возлюби тя» (Песн. 1, 3). Невеста, чтобы лучше дознали мы безмерное человеколюбие Жениха, Который из любви придал возлюбленной красоту, сообщает обучаемым о чуде, над нею самой совершившемся. Ибо говорит: не тому дивитесь, что возлюбила меня «правость», но тому, что черна я была от греха и делами освоилась с мраком, но Жених из любви соделал меня прекрасною, собственную Свою красоту дав мне в замен моей срамоты. Ибо на Себя восприяв скверну моих грехов, мне передал Свою чистоту и Своей красоты учинил меня

причастною Тот, Кто сперва из ненавистой соделал меня достолюбезною и потом возлюбил. После сего убеждает отроковиц, чтобы и они соделались прекрасными, указывая им на свою красоту, подобно великому Павлу, который говорит: «будите якоже аз, зане и аз, якоже вы» (Гал. 4, 12), и: «подражатели мне бывайте, якоже и аз Христу» (1Кор. 11, 1). Посему не попускает учащимся у ней душам, смотря на свою прошедшую жизнь, отчаиваться в возможности стать прекрасными, напротив того, советует, взирая на нее, из ее примера дознать, что настоящее, если оно неукоризненно, делается покровом прошедшего. Ибо говорит: хотя теперь блистает моя красота, сообщенная мне потому, что возлюбила меня «правость»; однако же знаю о себе, что первоначально была я не красива, но черна. Таким же темным и мрачным вид мой делала предшествовавшая жизнь. Впрочем, быв столько гнусною, теперь я прекрасна; потому что подобие срамоты претворено в образ красоты. Посему и вы, дщери иерусалимские, взирайте на вашу мать – горний Иерусалим. Если бы вы были и селениями Кидарскими, потому что обитал бы в вас князь власти темной (слово Кидар толкуется: помрачение); то сделаетесь завесами Соломоновыми, то есть, будете храмом Царя, вселившегося в вас, Царя Соломона (Соломон же значит: мирный, соименный миру, и завесами Соломоновыми, то есть одною частию невеста наименовала весь объем царской скинии). Подобно сему теми же представлениями с большею еще внимательностию, кажется мне, услаждается Павел, в послании к Римлянам, говоря: в этом «составляет» Божию «любовь к нам, яко еще грешником» и очерненным «сущим нам» (Рим. 5, 8), соделал нас световидными и достойными любви, потому что осиял благодатию. Как во время овладевшей всем ночи очерняется мраком даже и то, что по природе светло, а когда наступит свет, в вещах потемненных мраком не остается подобия тьмы: так, по преведении души от заблуждения к истине, и темный образ жизни прелагается также в светлую благодать. Что Христова невеста говорит отроковицам, тоже и Тимофею открывает Павел, из очерненного соделавшийся в последствии светлым, а

именно, что сподобился стать прекрасным и он, который прежде был «хульником, гонителем, досадителем» (1Тим. 1, 13) и очерненным, «яко Христос прииде в мир» (1Тим. 1, 15) очерненных соделать светлыми, призывая не праведников к Себе, но грешников в покаяние, их в бане пакибытия соделал светлыми, подобно светилам, мрачный их вид омыв водою. Сие-то самое и Давидово око усматривает в горнем граде и в чудо вменяет видимое, как во граде Божиим, о котором «преславная глаголашася», поселяется «Вавилон», упоминается блудница «Раав, иноплеменницы, и Тир, и людие ефиопстии» пребывают «тамо» (Псал. 86, 3–4), чтобы не упрекал уже сего города какой-либо человек за то, что нет в нем жителей, говоря: ужели речет еще кто Сиону: «человек родился в нем» (Псал. 86, 5)? Ибо гражданами там делаются иноплеменники, Иерусалимлянами – Вавилоняне, девою – блудница; белыми – Ефиопляне, и верхний город – Тиром. Так здесь невеста, представляя благодать Жениха, ободряет дочерей иерусалимских, что, хотя возьмет Он и очерненную какую душу, но общением с Собою соделает ее прекрасною, и что, хотя кто и селение Кидарское, но соделается светлою обителю истинного Соломона, то есть вселившегося в ней Царя мира. Потому и говорит: «черна есмь и добра, дочери иерусалимския» (Песн. 1, 4), чтобы, взирая на меня, и вам соделаться завесами Соломоновыми, хотя бы вы были селениями Кидарскими. Потом невеста присовокупляет к сказанному и следующее за тем; а сим разумение обучаемых необходимо утверждается в той мысли, чтобы не Создателю приписывать причину потемненного их вида, но начало такого вида полагать в произволении каждой души. «Не зрите мене, – говорит невеста, – яко аз есмь очернена» (Песн. 1, 5). Не такую сотворена я первоначально. Ибо сотворенной светоносными Божиими руками не естественно было бы иметь на себе какой – либо темный и черный вид. Не была, но сделалась я такою, утверждает она. Ибо не от природы я очернена, но привзошла ко мне такая срамота, когда солнце превратило образ мой из светлого в черный; «яко опали мя солнце», – говорит она. Чему же научаемся из этого? Господь в притчах говорит народу, что

сеющий слово не на добром только сердце сеет, но, если у кого оно и каменисто или заросло тернием, или лежит при пути и попирается ногами, по человеколюбию и в них ввергает семена слова, и объясняя в Своей проповеди свойства каждого сердца, продолжает: с душою каменистою происходит то, что посеянное не пускает корня в глубину, но, хотя вскоре на легком стебле обещает дать колос, однако же, когда солнце сильнее согреет то, что под ним, поелику под корнем нет влаги, стебель засыхает. В истолковании же притчи солнце именуется Господь искушением. Посему у наставницы сей научаемся следующему догмату: хотя естество человеческое, будучи изображением истинного света, сотворено сияющим, по подобию первообразной красоты, и ему несвойственны потемненные черты; однако же искушение, обманом подвергнув его палящему зною, погубило первый нежный еще и неукоренившийся росток, и прежде нежели приобретен некоторый навык к добру, и возделанием помыслов дан корням простор в глубине, тотчас засушив преслушанием, зеленеющий и доброцветный вид зноем обратило в черный.

Если же солнцем именуется сопротивное приращение искушения, то никто из слушающих да не дивится сему, научаемый тому же во многих местах богодухновенного Писания. Ибо, во второй песни степеней, имеющему помощь от «Сотворшаго небо и землю» дается такое благословение, что «не ожжет» его «солнце во дни» (Псал. 120:2, 5). И Пророк Исаия, предрекая состояние Церкви, описывает как бы некое торжество ее благоустройства, и словом как бы играя в повествовании, ибо говорит: о дочерях, вземлемых «на рамена», и о сынах, возимых «на колесницах» и отражающих жар «сеньми» (Ис. 66:12, 20), которыми загадочно изображает добродетельную жизнь, указуя младенческим ее возрастом на незрелость и незлобие, а «сеньми» на облегчение от зноя, доставляемое душам воздержанием и чистотою. Из чего познаем, что душе, которая уневещивается Богу, надлежит быть подъятою на рамена, не попираемою стопами плоти, но восседающею на величавости тела. Слыша же о колеснице, познаем просвещающую благодать крещения, по которой делаемся сынами, уже не на земле утверждающими стопы, но

возносимыми от нее к небесной жизни. А отеняемою и орошаемою делается для нас жизнь по охлаждению зноя «сеньми» добродетели. Посему вредоносно солнце сие, когда палящие его лучи не осеняются облаком Духа, какое в покров им распростирает над ними Господь. Ибо сие самое солнце приражением искушений опаляет блистательную наружность тела и вид очерняет до безобразия. Потом невеста пересказывает, откуда возымело начало претворение нашего благообразия в черноту. «Сынове матере моя, – говорит она, – сваряхуся о мне, положиша мя стража в виноградех: винограда моего не сохраних» (Песн. 1, 5). Прежде обратим внимание не на то, чтобы с крайнею точностию разбирать словосочинение, но на то, чтобы видеть связь мыслей. Если же что в точности и не связно, пусть припишется сие недостатку выразительности у перелагавших с еврейского языка на еллинскую речь. Ибо кто прилагал старание изучать еврейский образ речи, тот не найдет ничего такого, что могло бы показаться не имеющим связности. Но склад нашего языка, несходный с складом доброречия еврейского, у следующих поверхностно буквальному значению производит некоторую слитность речи. Посему смысл сказанных пред сим речений следующий. Сколько понимаем, человек первоначально не имел недостатка ни в одном из Божественных благ; делом его было только хранить, а не приобретать сии блага. Но злоумышление врагов соделало его лишившимся того, что имел, не сохранившим того доброго жребия, какой дан ему Богом в самом естестве. Вот смысл предложенных речений. Мысль же сия загадочными словами передана таким образом «Сынове матере моя, – говорит невеста, – сваряхуся о мне, положиша мя стража в виноградех: винограда моего не сохраних» (Песн. 1, 5). В немногих словах Писание догматически научает многому. И во первых тому, что подобным сему образом утверждал и Павел, а именно, что все от Бога, и «един Бог Отец из Негоже вся» (1Кор. 8, 6), и нет ни одного существа, которое не чрез Него и не от Него имеет бытие; ибо сказано: «вся Тем быша, и без Него ничтоже бысть» (Иоан. 1, 3). Но поелику вся, «елика сотвори Бог, добра зело» (Быт. 1, 31); потому что «вся премудростию сотворил» Он (Псал. 103, 24), то разумному

естеству дан дар свободы и присовокуплена сила, изобретающая вожденное, чтобы имела место произвольность, добро не было чем-то вынужденным и невольным, но вменялось в преспеяние произволению. А как свободное сие движение самовластно ведет нас к тому, что нам угодно; то в естестве существ нашелся некто во зло употребивший свободу, и, по выражению Апостола, соделавшийся «обретателем злых» (Рим. 1, 30). Он-то, поелику и сам сотворен Богом, нам брат, а поелику самовольно отказался от причастия добра, открыв вход злу и став отцем лжи, то поставил себя в ряду наших врагов во всем, в чем только цель данного нам произвола имеет в виду лучшее. Посему от него и для прочих возник повод к утрате благ, что и последовало с естеством человеческим. И бывшая некогда черною, а теперь соделавшаяся доброю, причину потемненного вида основательно приписывает таковым сынам матери, научая нас сказанным, что хотя для всех существ одна причина существования и как бы одна мать и потому все, представляемое существующим, состоит между собою в братстве, но разность произволения разделила естество на дружественное и враждебное. Ибо отступившие от сношения с добрым и отступлением от лучшего осуществившие зло (потому что нет иного осуществления злу, кроме отделения от лучшего) прилагают все старание и всячески промышляют, как и других присоединить к общению в зле. И потому невеста говорит: «сынове матери моея» (множественным числом показывает многовидность порока) воздвигли во мне брань, – не набегом отвне нападая, но самую душу соделав полем происходящей в ней брани, потому что в каждом идет брань, как толкует Божественный Апостол, говоря: «вижду ин закон во удех моих, противувоюющ закону ума моего и пленяющ мя законом греховным, сущим во удех моих» (Рим. 7, 23). Посему, когда сия междуусобная брань воздвигнута была во мне братьями моими, врагами же моего спасения, сделалась я очерненною, а будучи побеждена врагами, не сохранила и винограда моего, под которым разуметь надобно виноград в раю. Ибо и там человек поставлен был «хранити» рай (Быт. 2, 15); нерадение же о

хранении извергает человека из рая, отступившего от востока делает обитателем западов. Посему восток является западом. Ибо сказано: «пойте» Господу «возшедшему на запады» (Ис. 67, 5), чтобы, когда во тьме воссияет свет, и тьма претворилась в луч света, и очерненная соделалась снова доброю.

Видимую же несовместимость буквального чтения с найденным смыслом можно устранить следующим образом: невеста говорит: «положиша мя стража в виноградех» (Песн. 1, 5). А это одинаково с сказанным: «положиша Иерусалим, яко овощное хранилище» (Псал. 78, 2). Ибо не они поставили ее стражем Божественного винограда, как понял бы иной по ближайшему смыслу речи. Напротив того, стражем поставил ее Бог, они же «сваряхуся» только о ней, и «положиша» ее, «яко кущу в винограде, и яко овощное хранилище в вертограде» (Ис. 1, 8). Ибо, за преслушание лишившись хранимых ею плодов, представляла она из себя бесполезное зрелище, когда не стало в ней охраняемого. И поелику Бог поставил человека «делати и хранить рай», то невеста говорит следующее: Бог положил душу мою в жизнь (жизнию была та сладость рая, в которую «делати и хранить» ее поставил Бог человека); а враги вместо «рая сладости» на попечение душе моей отдали свой виноград, которого «грозд» производит «горечь, и грозд – желчь». Таковым виноградом был Содом, таковою розгою был Гоморр, осужденный вместе с Содомом, откуда лукавые точила содомлян изливали неисцельную «ярость змиев» (Втор. 32, 32–33). Но многих из людей и доныне можно видеть попечителями и стражами таковых виноградных: они старательно соблюдают в себе страсти, как бы боясь утратить зло. Посмотри на этих лукавых стражей идолослужения, совершаемого нечестием и любостыжательностью, как неусыпны они в хранении зол, почитая ущербом для себя лишиться беззакония. И в рассуждении иного в глубоко приравнявших в себя сластолюбие или гордыню, или кичливость, или иное что подобное, можно также видеть, как со всяким хранением объемлют они это, вменяя себе в прибыль, чтобы душа никогда не была чистою от страстей. Посему оплакивает это невеста, говоря: потому стала

я черна, когда, охраняя плевелы врага и дурные их отпрыски, и ухаживая за ними, «винограда моего не сохраних» (Песн. 1, 5).

О, сколько страдания в слушающих с чувствительным сердцем возбуждают слова, сии: «винограда моего не сохраних!» Явный это плачь, к возбуждению сострадания извлекающий воздыхания у Пророков. «Како бысть блудница град верный, Сион полн суда» (Ис. 1, 21)? Почему оставлена «дщерь Сионя, яко куща в винограде» (Ис. 1, 8)? «Како седе един град, умноженный людьми? владыя странами, бысть под данию» (Плач. 1, 1)? «Како потемне злато, изменися сребро доброе» (Плач. 4, 1)? Как стала черною сиявшая в начале истинным светом? Все это сбылось со мною, – говорит невеста, – потому что «винограда моего не сохраних». Виноград этот – бессмертие; виноград этот – бесстрастие, уподобление Богу, отчуждение от всякого зла. Плод сего винограда – чистота. Светел и зрел этот грозд, отличающийся особенным видом и непорочностью услаждающий чувствилища души. Завитки сего винограда – связь и сроднение с вечною жизнью; возрастающие ветви – возвышенности добродетелей, восходящие на высоту Ангелов; а зеленеющие листья, тихим веянием приятно колеблемые на ветвях, – разнообразное убранство Божественными добродетелями, цветущими духом. Приобретя все это, – говорит невеста, – и величаясь наслаждением сих благ, как не сохранившая винограда, очернена я слезами, как лишившаяся чистоты, облеклась в мрачный вид, потому что такова была видом кожаная риза. Да и теперь, поелику возлюбила меня «правость», снова став прекрасною и световидною, не доверяю своему благополучию, боюсь опять утратить красоту, не успев в хранении ее, по незнанию надежного к тому способа.

Посему, оставляя речь, обращенную к отроковицам, невеста снова с изъявлением желаний призывает Жениха, в имя Возлюбленному обращая свое сердечное к Нему влечение. Ибо что говорит? «Возвести ми, егоже возлюби душа моя, где пасеши, где почиваеши в полудне? да не когда буду яко облагающаяся над стады друзей Твоих» (Песн. 1, 6). Где пасешь Ты, прекрасный Пастырь, возьмлющий на рамена целое стадо?

Ибо все естество человеческое есть единая овца, которую восприял Ты на рамена. Покажи мне «место злачное», сделай известною «воду покойную» (Псал. 22, 2), приведи меня на питательную пажить, назови меня по имени, да услышу Твой голос, извещающий, что я – Твоя овца, и гласом Твоим дай мне жизнь вечную. «Возвести ми» Ты, «Егоже возлюби душа моя». Ибо так именую Тебя, потому что имя Твое выше всякого имени, и для всякого разумного естества неизреченно и невместимо. Посему именем извещающим о Твоей благодати служит влечение к Тебе души моей. Ибо как не возлюбить мне Тебя, так возлюбившего меня, и притом очерненную, что полагаешь душу Свою за овец, которых пасешь? Невозможно и придумать любви, которая была бы больше Твоей, на душу Твою обменившей мое спасение. Посему извести меня, – продолжает невеста, – «где пасеши», чтобы мне, найдя спасительную пажить, насытиться небесною пищею, не вкушающий которой не может войти в жизнь: и чтобы, притекши к Тебе – источнику, извлечь мне Божественное питание, которое источаешь Ты жаждущим, изливая воду из ребра после того, как железом отверста эта водотечь, вкушивший которой сам делается источником воды, текущей в жизнь вечную. Ибо если упасешь меня там, то, без сомнения, упокоишь «в полудне», когда, вместе с Тобою почив в мире, упокоюсь в неотененном свете; не отенен же повсюду полдень, потому что солнце сияет над самою вершиною, где упокоеваешь пасомых Тобою, когда чад Своих приемлешь с Собою на ложе. Но полуденного упокоения никто не сподобляется, не соделавшись сыном света и дня. Кто равно стал далек и от вечерней и от утренней тьмы, то есть от того, с чего начинается, и чем оканчивается зло, тот «в полудне» упокоевается Солнцем правды. Посему, – говорит невеста, – научи меня, как надлежит почитать, и какой путь к полуденному упокоению, чтобы меня, по ошибке избравшую себе недоброе руководство, незнание истины не свело вместе с стадами, чуждыми для Твоих пажитей.

Сие говорила невеста в мучительной заботе о дарованной свыше красоте, и в сильном желании дознать, как можно благообразию ее сохраниться навсегда. Но еще не

удостоивается она Женихова гласа, «Богу лучшее», что о ней «предзревшу» (Евр. 11, 40), чтобы замедление наслаждения воспламенило любовь ее большим вожделением, и от сего вместе с любовью возрасло веселие. Напротив того друзья Жениховы беседуют с нею, в предлагаемом совете объясняя способ, как обезопасить настоящие блага. Да и их речь прикровенна по своей неясности. Она читается так: «аще не увеси самую тебе, добрая в женах, изыди ты в пятах паств» твоих, «и паси козлица у кущей пастырских» (Песн. 1, 7). Хотя смысл речений сих явствен по связи с тем, что уже исследовано; однако же в словосочинении, по-видимому, есть некоторая неясность. Посему какой же смысл речи? Самое надежное для нас охранение – познать себя, и тому, кто видит не себя, но что-либо иное около себя, не думать, будто бы видит себя, чему подвергаются не углубляющиеся в себя самих, которые, усматривая у себя телесную силу, или красоту, или славу, или могущество, или какое обилие богатства, или кичливость, или вес, или рост тела, или благообразие лица, или иное что подобное, думают, что это они сами. Поэтому бывают они ненадежными охранителями себя самих, по привязанности к чуждому не храня и пренебрегая свое собственное. Ибо как человеку охранять то, чего он не знает? Посему самая надежная стража благ, какие у нас, – не не знать себя самих и каждому знать о себе, что он такое, с точностию отличать себя от того, что около него, чтобы, когда не приметит того, вместо себя не охранять чужого. Ибо кто имеет в виду жизнь в этом мире, и здешние драгоценности признает достойными охранения, тот не умеет своего собственного отличить от чужого; потому что все преходящее – не наше. Да и как владеть человеку тем, что проходит мимо и утекает? Итак, поелику постоянство и неизменность свойственны естеству духовному и невещественному, а вещество преходит, непрестанно изменяясь каким-то течением и движением, то удаляющийся от постоянного по необходимости непременно носится вместе с неимеющим постоянства. И кто гонится за преходящим, оставляет же постоянное, тот погрешает в том и другом, потому что одно упускает, а другого не может удержать. Поэтому совет

друзей Жениховых выражает сказанное: «аще не увеси ты самую тебе, добрая в женах, изыди ты в пятах паств, и паси козлища у кущей пастырских». Что же это значит? – Кто не познал себя, тот исключается из стада овец, делается же принадлежащим к стаду козлов, которым отведено место по левую руку. Ибо так добрый Пастырь овец поставил по правую руку, а козлищ отлучил от лучшего жребия, поставив по левую руку.

Итак, из совета друзей Жениховых научаемся следующему: должно смотреть на самое естество вещей, и не заключать об истине по обманчивым следам. Слово же об этом надлежит изложить яснее. Многие из людей не рассуждают сами, каково естество вещей, но, смотря на обычай живших прежде, погрешают в здравом суждении о действительном, не какое-либо разумное рассуждение, но неразумный обычай полагая в основание к оценке прекрасного; отчего усиливаются достигнуть начальства и властительства, ставят в великое иметь в свете знатность и вещественный вес, между тем как неизвестно, чем каждое из сих преимуществ кончится после настоящей жизни; потому что не безопасным поручителем за будущее служит обычай, концем которого оказывается часто присоединение к стаду козлов, а не овец. Конечно же, разумеешь это выражение, взятое из евангельского образа речи. Но кто имеет в виду, чем собственно отличается естество человеческое (а это есть разум), тот пренебрежет неразумный обычай; и что не приносит пользы душе, того не изберет, признав прекрасным. Поэтому не надобно обращать внимание на следы пасомых, какие в этой оземленелой жизни отпечатлеваются пятами совершивших путь ее; ибо суд наш о том, что предпочтительнее, если основывается на видимом, сомнителен, пока не будем вне этой жизни и там не узнаем, кому мы следовали. Посему, кто не по самой действительности отличает хорошее от худого, но идет по следам шедших прежде, и предшествовавший обычай жизни берет себе в учителя собственной жизни, тот во время праведного суда, часто сам не зная как, делается из овцы козлищем. Посему и он может от друзей Жениховых услышать следующие слова: если ты, душа, из очерненной соделавшаяся

доброю, прилагаешь попечение о том, чтобы дар благообразия оставался при тебе вечно, то не блуждай по следам проходивших жизнь прежде тебя. Ибо неизвестно: не козлищ ли стезя тобою видима, и ты, последуя за ними, потому что не видны тебе протоптавшие следами своими этот путь, когда жизнь будет тобою пройдена и заключат тебя в затвор смерти, не увеличишь ли собою стада козлищ, по следам которых, сама того не зная, проходила ты жизнь. Ибо «аще не увеси ты самую тебе, добрая в женах, изыди ты в пятах паств, и паси козлища у кущей пастырских».

Яснее можно выразить сие по другому какому-то списку, в котором словосочинение не имеет, по-видимому, недостатка в связи. Ибо сказано: «если себя самой не ведаешь ты, добрая в женах; то сошла ты со следов стад, и пасешь козлов против кущей пастырских». Так что смысл, открывающийся в сих речениях, в точности согласен с тем взглядом, какой пред сим представлен касательно сего изречения. Итак, Писание говорит: чтобы тебе, душа, не потерпеть сего, будь внимательна к себе. Ибо это надежное хранилище благ. Знай, сколько пред прочею тварию почтена ты Сотворшим; не небо соделано образом Божиим, а также не луна, не солнце, не красота звезд, ниже иное что видимое в твари: ты одна стала отображением естества, всякий ум превышающего подобием нетленной красоты, отпечатком истинного Божества, вместилищем блаженной жизни, отражением истинного света, на который взирая, сама будешь тем же, что и Он, уподобляясь Сияющему в тебе лучом, отражающимся от твоей чистоты. Нет существа так великого, чтобы могло с тобою померяться величиною; целое небо объемлется Божиею дланию, а земля и море заключаются в горсти руки Божией. Однако же Тот, Кто столько всемогущ и всеобъемлющ, Кто всю тварь сжимает в длани, Сам делается всецело вмещаемым в тебе: и обитает в тебе, и не утесняется, ходя в твоём естестве, Сказавший: «вселюся в них, и похожду» (2Кор. 6:12, 16). Если на это обратишь внимание, то ни на чем земном не остановишь ока. Что об этом говорит? Даже и небо, по мнению твоему, не будет для тебя чудно. Ибо как тебе, человек, дивиться небесам, когда видишь, что сам ты

долговечнее небес? И небеса преходят, а ты во веки пребываешь с Присносущим. Не подивишься широте земли и в беспредельность простирающемуся морю, будучи, подобно вознице, правящему парю коней поставлен начальствовать над сими стихиями, имея их благопокорными и подвластными своему изволению, потому что земля прислуживает тебе жизненными потребностями, и море, как взнузданный какой конь, подставляет тебе хребет и человека охотно приемлет на себя всадником. Посему, если сама себя познаешь «ты, добрая в женах», то презришь весь мир и, всегда имея пред очами невещественное благо, не обратишь внимания на блуждающие по этой жизни следы. Итак, будь всегда внимательна к себе самой и не станешь блуждать около стада козлов, во время Суда вместо овцы не окажешься козлом, не будешь отлучена от стояния одесную, но услышишь сладостный глас, который руноносным и кротким овцам изречет: «приидите благословеннии Отца Моего, наследуйте уготованное вам Царствие, от сложения мира» (Матф. 25, 34). Да сподобимся его и мы о Христе Иисусе Господе нашем! Ему подобает слава во веки веков! Аминь.

Беседа 3. Толкование на Песн. 1, 8–13

Песн.1:8. Конем в колесницах Фараоновых уподобих ты, ближняя Моя.

Песн.1:9. Что украшены ланиты твоя, яко горлицы, выя твоя, яко монисты?

Песн.1:10. Подобия злата сотворим ти с пестротами серебра.

Песн.1:11. Дондеже Царь на восклонении Своем, нард мой даде воню свою.

Песн.1:12. Вязание стакти брат мой мне, посреде сосцу моею водворится:

Песн.1:13. грезн Кипров брат мой мне, в виноградех Енгаддовых.

Рассмотренное нами прежде настоящего чтения, в предисловии к Песни песней, имеет сходство с появляющимся после ночи около утра рассветом; ибо не полный этот свет, но предначатие света. А подобно сему и сказанное, хотя предуказует нам восхождение истинного света, но не содержит в себе самого ясно показавшегося солнечного круга. Ибо там говорят невеста, друзья и отроковицы; а теперь, подобно солнечному кругу, воссиявает голос Самого Жениха, сиянием лучей затмевая всю светлость видимых прежде звезд и рассветавшего утра. И все прежнее имеет силу неких очистительных жертв и окроплений, которыми приведенная в чистоту душа приуготовляется к принятию Божественного; а настоящее слово есть причащение самого Божества, потому что Бог Слово собственным Своим гласом преподает слушающему причастие неумаляющейся силы. И как при Синае двухдневными очищениями приуготовленный Израиль на третий день утром сподобляется Богоявления, не занятый уже измовением одежд, но явно приемлющий Самого Бога, ради чего предварительными очищениями омывал душевную скверну, так и теперь, в предыдущих словах в предшествовавшие два дня сделанное обозрение предисловия к Песни в такой мере доставило пользу, в какой заключающийся в сказанном смысл омыло и очистило от плотской скверны. В

сей же день, который есть третий после первого и второго очищения, явится Сам Бог Слово, не мраком и бурею, не трубным звуком и огнем, страшно посядающим окрестность горы от подошвы до вершины, объявляя и обнаруживая Свое присутствие, но приятным и удободоступным, из страшного одного вида преобразившись к веселию невесты. Поелику невесте было нужно узнать места упокоения, где пребывает добрый пастырь, чтобы по незнанию не потерпеть чего неприятного. И потом друзья к дознанию истины преподали надежный способ – душе на себя обращать внимание и себя познавать (потому что незнание себя признали началом и следствием неведения и всего иного, что надлежит знать; да и как познать что-либо, не зная себя?) то, по достаточном уже очищении владычественного в душе, для любящей невесты воссиявает при этом Слово, одобрением настоящего побуждающее к совершенству; ибо похвала преспеянию влагает в преуспевших сильнейшее пожелание наилучшего.

Посему какое слово изречено деве истинным Словом? «Конем Моим, – сказано, – в колесницах фараоновых уподобихся, ближняя Моя» (Песн. 1, 8). Но поелику нет возможности с первого взгляда усмотреть смысл сказанного, то надлежит тщательно, сколько будет можно, исследовать предложенное. Из истории дознаем, что коням фараоновым противопоставлена была иная сила – облако, жезл, сильный ветер, разделенное на двое море, песчаная глубина, стеной отвердевшие волны, сухая бездна, посреди водяных стен образовавшаяся суша – и все это послужило во спасение израильтянам, тогда как фараон со всем воинством, с конями и колесницами покрыт был волнами. Посему, так как никакой конной силы не было противопоставлено египетскому воинству, то трудно дознать, каким коням, оказавшим себя против колесниц египетских, уподобляется теперь Словом невеста. «Конем Моим, – говорит Он, – одержавшим победу в колесницах фараоновых, уподобихся, ближняя Моя» (Песн. 1, 8). Не явно ли, что, как невозможно одержать победу в морском сражении, не сокрушив силы морского воинства на кораблях противников, так и в конном сражении не будет побежден тот, кому противниками не

противопоставлено никакой конной силы? Посему, если в воинстве египтян наибольшую силу составляла конница, то ей противопоставленную невидимую силу, которою совершена победа над египтянами, Слово наименовало конями. Ибо и они чувствовали, кто борется с ними, и взывали друг к другу: «Господь поборает на египтяны; бежим от лица Господня» (Исх. 14, 25). Явно же, что истинный Военачальник, сообразно с военным уготовлением сопровитников, вооружил собственную Свою силу. Посему была некая невидимая сила, чудесами на море соделавшая гибель египтян; ее-то Слово и наименовало «конями». И мы предполагаем, что это было Ангельское воинство, о котором говорит Пророк: «яко всядеши на кони Твоя, и ездение Твое спасение» (Авв. 3, 8); и о колеснице Божией сделал упоминание Давид, говоря: «колесница Божия тмами тем» (Псал. 67, 18); в нее впряжены тысячи «гобзующих». Также и сила, подмлющая Пророка Илию с земли выпры в эфирную страну, называется в Писании конями, да и самого Пророка история называет «колесницею Израилевою и конями» (4Цар. 2, 12); и Пророк Захария обошедших целую вселенную, тех, которыми «земля населена есть и молчит» (Зах. 1, 11) наименовал конями, обращающими речь к Всаднику, стоящему «между» двумя «горами» (Зах. 1, 8). Посему у Обладающего всем есть некие кони, то подмлющие Пророка, то населяющие вселенную, то впряженные в колесницу; иные же в деле спасения людей приемлют на себя всадником Бога, и иные сокрушают египетскую силу. Итак, поелику, по словам Священного Писания, оказывается великая разность в образе действий, то приблизившаяся к Богу путем добродетели уподобляется коням, истребителям египетской силы; ибо так говорит ей Слово: «конем Моим в колесницах фараоновых уподобих тя, ближняя Моя» (Песн. 1, 8).

Много великих похвал заключают в себе слова сии, и уподобление этим коням составляет некий перечень пресепаний. Ибо все, что упоминается об Израиле во время пресельничества у египтян – рабство, тростие, брение, плинфы, вся земляная работа, жестокие приставники при таких делах, каждый день требующие у них подати брением, ради которых и

вода делается кровью, и свет помрачается, и жабы вползают в дома, и пещный прах производит на телах горящие струпы и все по порядку, пруги, скнипы, гусеницы, град и что потерпели первородные, – все это и то, что лучшего пересказывает история, а именно, чем совершается спасение израильтян, служит поводом к похвалам душе, вступившей в единение с Богом. Ибо невеста не была бы уподоблена оной, истребившей злых египтян, силе, которою Израиль освободился от жестокого мучительства, если бы не преуспела в такой мере во всем этом и в истреблении Египта, и в приуготовлении для шествия к Богу из тины египетской преселяемых в землю обетования. А поелику, как говорит божественный Апостол, все, что содержит в себе Богодухновенное Писание, преднаписано в научение нам (Рим. 15, 4), то и сказанным невесте советует нам слово, что и нам надлежит, восприяв на себя возседшим Слово, преборов египетских коней с самыми колесницами и всадниками и потопив в воде все их лукавое владычество, таким образом, уподобиться оной силе, как неких коней, погрузив в воде сопротивное воинство. А чтобы яснее дознать сказанное, то вот значение его. Невозможно уподобиться тем коням, которыми потоплены в глубине колесницы египетские, если кто, таинственной водою освободившись от рабства сопротивнику и в воде оставив всякую египетскую мысль и всякий иноплеменный порок и грех, не выйдет из нее чистым, нисколько не вводя с собою в следующую за тем жизнь египетской совести. Ибо, кто совершенно чист от всех египетских язв: крови, жаб, гнилых струпов, тьмы, пругов, скнипов, града, огненного дождя и прочего, о чем упоминает история, тот достоин уподобиться оной силе, всадником которой делается Слово. Без сомнения же, не безызвестно нам, что означается язвами, почему язвою для Египтян стали кровь, запах жаб, преложение света в тьму и все прочее по порядку. Ибо кто не знает, в следствие какой жизни делается иной кровию из пригодного прежде в питье, изменившись в испорченное, и какими делами в собственном доме порождает зловоние жаб, как светлую жизнь претворяет в дела, любезные ночи и темные, которыми геенская пещь разжигает гнилые

струпы осуждения? Так и каждое из египетских зол не трудно обратить в назидание и целомудрение слушателя, но напрасно было бы распространяться в слове о том, что всеми признано.

Посему, став лучше их и подобных им и приблизившись к Богу, и сами, конечно, услышим: «конем Моим в колесницах фараоновых уподобих тя, ближняя Моя»(Песн.1,8). Но, может быть, целомудренных и ведущих чистую жизнь огорчает уподобление коню, потому что многие из Пророков запрещают нам уподобляться коням. Иеремия именем коней означает прелюбодейное неистовство, когда говорит: «кони женонеистовни сотворишася, кийждо к жене искренняго своего ржаше» (Иер. 5, 8). Великий Давид почитает страшным делом, если кто станет «яко конь и меск», и у сделавшихся такими повелевает стягивать челюсти «бродями и уздою» (Псал. 31, 9). Поэтому Соломон в продолжение слова отклоняет такую мысль, говоря: хотя ты и конь, но не таковы твои челюсти, чтобы для сжатия их была нужда в бродях и узде; напротив того, ланита твоя украшается чистотою горлиц, ибо говорит: «что украшени ланиты твоя яко горлицы?» (Песн. 1, 9) А наблюдавшими подобные вещи засвидетельствовано, что птица сия, если сожителство будет расторгнуто, на последующее время не ищет себе пары, и, таким образом, в ней естественно преуспевает целомудрие. Посему в значении похвалы взято здесь имя сей птицы, то есть челюсти Божественных коней вместо узды служит подобие горлице, чем означает, что таковым коням прилична жизнь чистая. Посему с удивлением говорит им Слово: «что украшени ланиты твоя яко горлицы?»

Присовокупляет же Оно к этому и другую в уподоблении похвалу, говоря: «выя твоя яко монисты» (Песн. 1, 9). Ибо, однажды вдавшись в иносказательное значение, от видимого у коней примышляет похвалу невесте; хвалит же выю, выгибающуюся в виде круга, какою бывает она, как видим у величавых коней, потому что упоминание о монистах указывает на круг, вид которого, представляемый выею, делает коня благолепнейшим себя самого. Ибо слово: «ормос» (в переводе с греческого – цепь, вогнутость берега, место для стояния кораблей) в собственном смысле употребляется о приморских

местах, где лунообразно вдающийся внутрь берег, в недра свои принимает морские воды и доставляет в себе покой приплывающим из моря; а в смысле переносном тем же словом называется по наружному виду шейное украшение – цепь. И когда вместо «ормос» – «цепь» говорим уменьшительно: «ормиснос» – «цепочка», тогда таковым словом показываем подобие внешнего вида в малом очертании. Посему уподобление выи монистам показывает, что Слово великие похвалы восписывает невесте. Во-первых, потому что конь, изгибая шею в виде круга, смотрит, как ступают собственные ноги его, которыми бежит непреткновенно и безопасно, не спотыкаясь о камень, не оступаясь в яму; не мало же служит к похвале души, – обращать ей внимание самой на себя, со всякою безопасностью ускорять божественное течение, преодолевая и минуя все препятствия в течении, бывающие от каких-либо искушений. Потом, самое первообразное значение слова: «ормос», откуда, по подобию наружного вида, шейное украшение названо монистами («ормиснос»), заключает в себе преизбыток великих неких похвал, когда выя уподобляется означаемому словом: «ормос». Какие же похвалы чрез это открывает нам Слово? Приятна и спасительна для пловцов пристань, приятно после злострадания в море найти какой-либо тихий залив («ормос»), где, забыв испытанные на море бедствия, вполне предаются успокоению, за продолжительные труды утешая себя тишиною; не имеют уже более ни страха кораблекрушения, ни мысли о подводных камнях, ни опасения от разбойников, ни бушевания ветров, ни воздымаемого ветрами из глубин моря; напротив того, обуреваемые находят себя вне всех этих опасностей, потому что море в заливе спокойно. Посему, если кто приведет душу свою в такое состояние, что в неволненном безмолвии будет она иметь тишину, нимало не возмущаемая духами злобы, не надмеваясь гордостью, не пенясь волнами раздражительности, не обуреваясь другою какою-либо страстию, не носясь всяким ветром, воздвигающим различные волны страстей, если у кого душа сама приходит в такое состояние и обуреваемых в житейском море треволнениями всякого рода зол упокоивает в

себе, раскрыв пред ними гладкую и неволненную добродетельную жизнь, так что вступивший в нее не подлежит уже бедствиям крушения, то прекрасно уподобляется похваляемым в слове мнистам, так как множественным числом означает совершенство в каждом роде добродетели. Ибо, если бы уподоблена была одному только мнисту, то, конечно, похвала была бы несовершенною, как непредставляющая того же свидетельства и о прочих добродетелях. Теперь же уподобление многим мнистам заключает в слове полное свидетельство о добродетелях. И это есть некий совет, предлагаемый в слове всей вообще Церкви, а именно, что не должно нам, имея в виду какое-либо одно из добрых дел, оставаться нерадивыми о преспеянии в прочих, напротив того, если мнистом у тебя стало целомудрие, чистою жизнью, как некими бисерами, украшающее выю, то пусть будет у тебя и другое мнисто, содержащее в себе драгоценные камни заповедей и увеличивающее собою красоту выи. Пусть будет у тебя и иное украшение на вые – благочестивая и здравая вера, кругом облегающая собою выю души – эта золотая гривна, блистающая на вые чистым златом Боговедения, о которой говорит книга Притчей: «венцею благодатей приимеши на твоём версе и гривну злату о твоей выи» (Прит. 1, 9). Итак, вот совет, подаваемый нам мнистами.

Время же подвергнуть обозрению и последующие слова, с какими друзья Жениховы обращаются к деве; читаются оные так: «подобия злата сотворим ти с пестротами сребра. Дóндеже Царь на восклонении своем» (Песн. 1, 10–11). Для имеющего в виду связь всей речи смысл этих слов представляется несколько зависящим от сообщенного нам прежде взгляда и последовательно из него вытекающим; смысл же буквальный, получая глубину от переносных значений, делает трудным к уразумению выражаемое речью загадочною. Поелику лепота души уподоблена коням – истребителям египетских колесниц, то есть Ангельскому воинству, а коням сим, – говорит прекрасный Всадник, – уздою служит чистота, которую означил он уподоблением ланит горлицам, убранство же выи составляют различные гривны, сияющие добродетелями, то и друзьям

желательно сделать некое присовокупление к красоте коней, подобиями злата убрав сбрую, которую испещряют чистотою серебра, чтобы тем паче сияла красота убранства, когда светлость золота срастворена с блеском серебра. Но, оставив переносные значения слов, необходимо не лишать речь полезного для нас смысла. Хотя душа, достигшая чистоты посредством добродетелей, уподобилась оным коням, однако же еще не подчинилась Слову и не носила на себе ради спасения Носимого на таковых конях: надлежало коню сперва самому всем украситься и тогда уже принять на себя всадником Царя. Но сверху ли приспособляет Себе коня Тот, Кто, по слову Пророка, вседает на нас, коней Своих, и к нашему спасению совершает «яждение» (Авв. 3, 8), или в нас делается обитающим, ходящим и проникающим до глубин нашей души, нимало не разнится сие по смыслу. В ком есть что-либо одно из того и другого, в том преуспеет и остальное. Ибо имеющий на себе Бога, конечно, имеет и в себе; и приявший в себя, подъял Того, Кто в нем. Посему Царь упокоится на коне сем, а для Божия могущества одно и то же, как сказано, и седалище, и «восклонение»; то ли, другое ли будет в нас, благодать равна. Посему, так как приспешники царские убранством коня делают его годным к восприятию Царя, а в рассуждении Бога одно и то же: быть Ему в ком и на ком, то приспешники и служители, оставив продолжение речи в переносном значении, коня соделали ложем. Ибо надлежало нам, – говорят они, – «подобия злата» сотворить «с пестротами сребра», которые украсили бы вид коня, чтобы Царь был на нем, – поясняют они, – не как на седалище, но как на «восклонении Своем». Такой вид имеет связь речи, как показало Слово.

Но и следующее стоит того, чтобы не проходить сего мимо, не обратив внимание на то, почему в украшения берутся не самое золото, а «подобия злата», и не самое серебро, но из этого вещества на подобии злата выбитые «пестроты?» Наше о сем предположение таково: всякое учение о неизреченном Естестве, хотя оно, по-видимому, представляет всего более боголепную и высокую мысль, есть подобие злата, а не самое золото; ибо невозможно в точности изобразить превысшее

понятия благо. Хотя будет кто и Павлом, посвященным в тайны рая, хотя услышит несказанные глаголы, но понятия о Боге пребудут невыразимыми, потому что, по сказанному Апостолом, «глаголы» о сих понятиях «неизреченны» (2Кор. 12, 4). Посему сообщающие нам добрые некие умозаключения о разумении таин не в состоянии сказать, в чем состоит самое естество; называют же «Сиянием славы, Образом ипостаси» (Евр. 1, 3), «Образом» Божиимъ (Кол. 1, 15), «Словом в начале, Богом Словом» (Иоан. 1, 1); все же это нам, которые не видим этого сокровища, кажется златом, а для тех, которые в состоянии взирать на действительное, есть не золото, но подобие золота, представляющееся в тонких пестротах серебра. Серебро же есть означение словами, как говорит Писание, – «серебро разжженное язык праведного» (Прит. 10, 20). Посему такова выраженная сим мысль: естество Божие превышает всякое постигающее разумение, понятие же, какое о Нем составляется в нас, есть подобие искомого, потому что показывает не тот самый образ, «егоже никтоже видел есть, ниже видети может» (1Тим. 6, 16), но как в зеркале и в загадочных чертах оттеняется некоторое представление искомого, составляемое в душах по каким-то догадкам. Всякое же слово, означающее таковые понятия, имеет силу какой-то неделимой точки, которая не может объяснить, чего требует мысль, так что всякое разумение ниже мысли Божественной, а всякое истолковательное слово кажется неприметною точкою, которая не может расшириться до всей широты смысла. Посему Писание говорит, что душа, руководимая такими понятиями к помышлению о непостижимом, должна одною верою уготовлять себя в обитель Естеству, превосходящему всякий ум. Сие-то и значит, что говорят друзья: тебе, душа, прекрасно уподобившаяся коню, сотворим некие изображения и подобия истины. Ибо такова сила сих сребрянных словес, что речения кажутся какими-то искрометными воспламенениями, которые не могут сделать в точности видимым заключаемого в них смысла. Но ты, прирав в себя их, чрез веру соделайся подъяремником и обителю Того, Кто по вселении в тебя намерен восклониться у тебя. Ибо ты – престол Его, а соделаешься и домом. Иной же, может быть,

скажет, что Павлова душа, или иная какая ей подобная, сподобилась таковых глаголов. Ибо Павел, однажды соделавшись избранным сосудом Владыке, и на себе и в себе имел Господа, быв и конем, как пронесший «имя Его пред языки и цари» (Деян. 9, 15), и домом, вмещающим неместимое естество, потому что не сам уже жил, но показывал в нем Живущего (Гал. 2, 2) и представлял опыты, как в нем глаголет Христос (2Кор. 13, 3).

Когда сие в дар чистой и девственной душе принесли друзья Жениховы, то есть «служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение» (Евр. 1, 14), тогда невеста, по приращении дарований, делается в некоторой мере более совершенною. И более приблизившись к Возлюбленному, прежде нежели красота Его открылась очам, к искомому соприкасается чувством обоняния, и силою сего обоняния уразумев, как бы качества какого тела, говорит, что благовоние Его узнала по благоуханию мира, которому имя – нард, с такими словами обращаясь к друзьям: «нард мой даде воню свою» (Песн. 1, 11). Как вы, – говорит она, – приносите мне в дарах не самое беспримесное золото Божества, но подобия золота, в понятиях для нас вместимых, а не в ясных словах, открывая, что надлежит знать о Боге, мелкими пестротами словесного серебра представляя некоторые образы искомого, так и я по благоуханию моего мира ощутила чувством собственное Его благовоние. Некий подобный сему смысл, кажется мне, имеет сказанное. Поелику искусственная и соразмерная некая смесь из многих и различных, но не разного качества имеющих запах, ароматов составляет таковое миро, одно же некое вложенное в него благовонное произрастание, которому имя – нард, именование сие дает целому составу; и сие, из всех ароматических качеств слагаемое в одно благоухание, достигшее чистоты чувство принимает за самое благовоние Жениха, то, как думаем, Слово научает нас сказанным, что, хотя составляющее самую сущность – то, что выше произведения существ и управления ими, неприступно, неприкосновенно и непостижимо; однако же заменяется это для нас тем благовонием, которое, подобно миру, приуготовляется в

нас чистотою добродетелей, и уподобляется чистотою своею – чистейшему по естеству, благию – благому, не растлением – нетленному, неизменною – неизменяемому, и всеми добродетельными в нас преуспеяниями – истинной добродетели, о которой говорит Пророк Аввакум, что занимает все небеса (Авв. 3, 3). Посему невеста, друзьям Жениховым произнося слова сии: «нард мой даде воню свою» мне, по моему мнению, так, и подобно сему, Любомудрствует: если кто, всякий благоуханный цветок или аромат собрав с различных лугов добродетели, и всю свою жизнь благоуханием каждого из своих предначинаний соделав единым миром, соделается во всем совершенным, то, хотя по природе не может возводить неуклонного взора к Самому Богу Слову, как и смотреть на солнечный круг, однако же в себе самом, как в зеркале, видит солнце, потому что лучи оной истинной и Божественной добродетели, истекающим от них бесстрастием просиявающие в жизни, достигшей чистоты, делают для нас видимым невидимое и постижимым недоступное, в нашем зеркале живописуя солнце. А что касается до заключающегося в сем понятия, одно и то же, назвать ли сие лучами солнца, или истечениями добродетели, или ароматными благоуханиями, ибо, что ни приложим из этого к цели слова, из всего составляется одна мысль, что добродетелями приобретаем мы ведение о благе, превосходящем всякий ум, как бы по некоторому образу делаем заключение о первообразной Красоте.

Так и невеста – Павел, уподобляющийся добродетелями Жениху, и жизнь живописуя в себе неприступную красоту, из плодов духа: любви, радости, мира и подобных сему видов мироваря сей нард, сказал о себе, что он – «Христово благоухание» (2Кор. 2, 15), и в себе обоня неприступную оную и превосходную благодать, и другим предоставляя себя – свободно пользоваться им, как неким благовонным курением, между тем как благоухание, по собственному каждого расположению делается в них или животворным, или смертоносным. Как одно и то же миро, если прикоснутся к нему кантар (насекомое карапузик) и голубь, не одинаково действует на обоих, но голубь от благоухания мира делается более

сильным, а насекомое гибнет; так действовал и великий Павел – этот Божественный фимиам. Если кто был голубь, подобно Титу, или Силуану, или Тимофею, то разделял с ним благовоние мира, по его примерам преуспевая во всяком добре. А если кто был Димас, или Александр, или Ермоген, то, не терпя фимиама воздержания, подобно насекомым, они бежали от благоухания. Почему и сказал благоухающий таковым миром: «Христово благоухание есмы в спасаемых и в погибающих: овем убо воня смертная в смерть, овем же воня животная в живот» (2Кор. 2, 15–16).

Если же и евангельский нард имеет нечто сродное с миром невесты, то, кому угодно, может из написанного заключить и об ином нарде пистике многоценном, который, будучи излиан на главу Господа (Матф. 26, 7), всю храмину исполнил благовония (Иоан. 12, 3). Может быть, и этого мира не чуждо миро, которое невесте «даде воню» Жениха, в Евангелии же, излианное на Самого Господа, наполняет благоуханием храмину, в которой была вечеря, потому что, кажется мне, и там жена в пророческом некоем духе предсказала миром таинство смерти, как свидетельствует Господь о сделанном ею, говоря: «на погребение Мя сотвори» (Матф. 26, 12). И Господь дает повод храмину, наполненную благовонием, представлять себе как весь мир и целую вселенную, сказав: «идеже аще проповедано будет Евангелие во всем мире» (Матф. 26, 13), благоухание дела сего будет передаваемо с проповедию Евангелия, и самое Евангелие, – говорит Господь, – будет памятником сей жене. Итак, поелику в Песни песней нард дает невесте воню Жениха, а в Евангелии целого тела Церкви во всей вселенной и во всем мире помазанием делается благоухание, наполнившее тогда всю храмину; то, может быть, по этому находится некое общение между тем и другим, так что и то, и другое кажется одним. И об этом довольно.

Следующее же изречение, сообразно с содержанием описываемого в брачной песни, по-видимому, произносится уготовавшегося уже для брачного чертога, показывает же в себе высшее и совершеннейшее любомудрие, преуспевать в котором свойственно только совершенным. Посему что значит

сказанное: «вязание стаки брат мой мне; посреде сосцу моею водворится?» (Песн. 1, 12). Говорят, что любящие наряжаться женщины не наружными только убранствами имеют попечение привлекать к себе сожителей, но стараются посредством какого-либо благовония приятными для мужей своих соделать и тела, под покровом одежды скрывая сообразно с потребностью действующий аромат, который, издавая собственное свое благоухание, ароматным благовонием напоевает и тело. При таком же у них обычае, на что отваживается высокоумная она дева? «Вязание», – говорит, – у меня, которое к вые привешиваю на груди, и им придаю благоухание телу – не какой-либо другой благовонный аромат, но Сам Господь; Он, соделавшись «стаки», возлежит в «вязании» совести, водворяясь в самом сердце моем, потому что местное положение сердца, как говорят наблюдатели подобных вещей, среди сосцев. Там, в том месте, где хранится доброе сокровище, – говорит невеста, – есть у ней «вязание». Но говорят, что сердце есть и некий источник в нас теплоты; из него по биющим жилам во все тело разделяется теплота, от которой телесные члены, согреваемые огнем сердца, делаются и теплыми, и исполненными жизни. Посему приившая во владычественный ум благоухание Христово и сердце свое соделавшая «вязанием» для такового фимиама, все поодиночке житейские предначинания, как члены какого тела, приуготовляет исходящим из сердца духом, чтобы кипели они, и никакое беззаконие ни в одном телесном члене не охлаждало любви к Богу.

Но поступим к следующим словам. Послушаем, что говорит о плодах своих виноградная «лоза», плодовая, распростирающая ветви, как выражается Пророк, «во всех странах дому» Божия (Псал. 127, 3) и кольцами любви обвивающаяся около Божественной и пречистой жизни. «Грезн Кипров, – говорит она, – Брат мой мне, в виноградех Енгаддовых» (Песн. 1, 13). Кто так блажен, или лучше сказать, кто столько выше всякого блаженства, что, смотря на собственный свой плод, в самом грозде души своей видит Владыку виноградаря? Ибо вот сколько возросла в

собственном нарде познающая благоухание Жениха, соделавшая Ему из себя благовонное стакти, в вязание сердца восприявшая аромат, чтобы благо сие навсегда осталось у ней не выдыхающимся; она соделывается матерью Божественного грозда, до страдания пребывающего Кипровым, то есть цветущего, а в страдании изливающего вино; ибо вино, веселящее сердце, по домостроительстве страдания, делается и именуется «кровию гроздовою» (Втор. 32, 14). Посему, так как наслаждение гроздом двояко: одно цветом, когда увеселяет чувства благоуханием; другое – созревшим уже плодом, когда можно по произволу или наслаждаться вкушением, или увеселять себя вином на пиршествах, то здесь невеста просит плода у цветущего грезна, цвет винограда называя «Кипром». Ибо рожденный нам отрок Иисус, в приявших Его различно преспевая «премудростию и возрастом, и благодатию» (Лук. 2, 52), не во всех одинаков, но по мере того, в ком пребывает, сколько человек в состоянии вместить Его, таким и оказывается: или младенчествуящим, или преспевающим, или совершенным, по природе грозда, который не всегда усматривается на лозе в одном и том же виде, но меняет вид со временем, – зеленея, цветя, спея, созревая, делаясь вином. Посему виноградная лоза величается собственным своим плодом, который, хотя не созрел еще для вина, но ожидает исполнения времен, однако же не остается без употребления для наслаждения, потому что вместо вкуса увеселяет обоняние, чувствовалища души услаждая ожиданием благ – парами надежды: ибо верность и несомненность уповаемой благодати делается наследием для терпеливо ожидающих чаемого ими. Посему-то «грезн Кипров» есть грозд, обещающий вино, но еще не соделавшийся вином, а напротив того цветом (цвет же есть надежда) удостоверяющий в будущей благодати. Присовокупление же слова: «Гадди» означает тучную страну, где насажденная виноградная лоза производит сочный и сладкий плод. Описатели местностей говорят, что участок Гадди способен произращать сочные грозды. Посему, так как чья воля согласна с законом Господним, кто в нем поучается всю ночь и весь день, тот делается вечно зеленеющим деревом,

утучняемым притоками вод, приносящим плод в надлежащее время; то и лоза Женихова поэтому, насажденная в Гадди – месте тучном, то есть в глубине разума, орошаемая и возвращаемая Божественными учениями, плодопринесла сей цветущий и «Кипров грезн», в котором видит своего Делателя и Насадителя. Как блаженно таковое делание, которого плод уподобляется образу Жениха! Поелику Жених, как говорит Премудрость, есть истинный свет, истинная жизнь, истинная правда и все сему подобное, то, когда кто-либо в делах оказывается тем же, чем и Жених, тогда он, смотря на гроздь собственной своей совести, видит в нем Самого Жениха, в светлой и чистой жизни, как в зеркале, отражая свет истины. Посему и говорит плодовая лоза: мой есть «грезн», по цвету «Кипров», тот самый истинный грезн показавший себя на «жерди» деревянной (Числ. 13, 24), которого кровь для спасаемых и веселящихся удобопиема и спасительна, о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.

Беседа 4. Толкование на Песн. 1:14–2

Песн.1:14. Се еси добра, искренняя Моя, се еси добра: очи твои голубине.

Песн.1:15. Се еси добр, брат мой, и еще красен одр наш со осенением,

Песн.1:16. преклади наши кедровыя, дски наши кипарисныя.

Песн.2:1. Аз цвет польный, и крин удольный.

Песн.2:2. Якоже крин в тернии, тако искренняя Моя посреде дщерей.

Песн.2:3. Яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов: под сень Его восхотех и седох, и плод Его сладок в гортани моем.

Песн.2:4. Введите мя в дом вина, вчините ко мне любовь:

Песн.2:5. утвердите мя в мирех, положите мя в яблоцех: яко уязвлена любовью аз.

Песн.2:6. Шуйца Его под главою моею, и десница его обимет мя.

Песн.2:7. Заклях вас, дщери Иерусалимли, в силах и крепостех села: аще возставите и возбудите любовь, Дóндеже восхощет.

Сказывают, что очищающие золото по правилам искусства, если красота блеска его померкла от какого-либо с намерением примешенного нечистого вещества, помогают доброцветности плавлением на огне, повторяют это неоднократно и при каждом расплавлении смотрят, на сколько после первого при последующем плавлении золото стало светлее, и до тех пор не перестают очищать вещество огнем, как самый вид золота засвидетельствует собою, что оно чисто и не имеет никакой подмеси. А почему, приступая к настоящему обзору прочитанного, сделали мы упоминание об этом, будет сие для нас явствовать из самого смысла того, что написано. Естество человеческое в начале было какое-то златое и сияющее подобием пречистому благу, но после сего от примеси порока соделалось худоцветным и черным; как в первых стихах песни

слышали мы от невесты, что нерадение о винограде соделало ее очерненною. Его-то врачуя от безобразия, в премудрости зиждущий все Бог не новую какую-либо красоту, которой не было прежде, устрояет для него, но очерненное преплавляя в чистое, чрез это разложение приводит его в прежнюю лепоту. Посему, как строгие испытатели золота после первого плавления смотрят, на сколько прибыло красоты в веществе, утратившем нечистоту в огне, и потом, после второго плавления, если недостаточно очищено первым, вычисляют увеличивающуюся красоту золота, и многократно делая то же, известными науке средствами пробовать узнают всегда приращение красоты; так и теперь Исправляющий это очерненное золото, как бы плавлением каким просветляя душу подаваемыми ей врачествами, в предшествовавших сему словах засвидетельствовал о благообразии в видимом каких-то коней, а теперь уже открывшуюся в деве красоту одобряет как действительно красоту деви; ибо говорит: «се еси добра, искренняя Моя, се еси добра: очи твои голубине» (Песн. 1, 14).

Слово научает сказанным, что восстановление красоты состоит в том, чтобы человеку соделаться искренним Источника красоты, снова приобщиться к истинной красоте, от которой он удалился. Ибо сказано: «се добра еси, искренняя Моя». Потому прежде сего не была ты «добра», что, став чуждою первообразной красоты, от дурного сближения с пороком, изменилась до гнусности. Смысл же сказуемого таков: естество человеческое соделалось готовым принимать все, что ему по мысли; и к чему поведет его склонность произвола, в то и изменяется; приняв в себя страсть раздражительности, делается раздраженным; когда одолеет похоть, предается сластолюбию; когда явится склонность к боязни, к страху и к одной из страстей, принимает на себя образ каждой страсти; как и наоборот великодушие, чистоту, миролюбие, негневливость, несокрушимость печальми, отважность, непреткновенность – все сии качества прияв в себя, отличительный признак каждого из них выказывает состоянием души, наслаждаясь в безмятежии миром. Посему, так как добродетель не имеет никаких связей с пороком, следует, что невозможно быть обоим

вместе в одном человеке. Отступившийся от целомудрия непременно предается невоздержной жизни, и возгнушавшийся нечистою жизни самым отвращением от зла преуспевает в жизни неоскверненной. Так и все другое: смиренномудрый далек от гордыни, и надмившийся кичливостию отринул смиренномудрие. И какая надобность останавливаться на сем, говоря о всем подробно? Как в рассуждении того, что противоположно по естеству, отсутствие одного делается положением и присутствием другого; так, поелику имеем мы произволение, и в нашей власти – сообразоваться, с чем нам желательно, то соделавшейся красивою прилично говорит Слово: отступив от общения с злом, приблизилась ты ко Мне, а став близкою к неприступной красоте, сама соделалась прекрасною, подобно некоему зеркалу, изобразив в себе Мои черты. Ибо действительно, зеркалу подобен человек, претворяющийся согласно с образами произвольно избранными. Увидит ли он золото, является золотом и показывает в образе самые лучи сего вещества; появится ли что отвратительное, – чрез уподобление отпечатлевает в себе гнусность этого, представляя в собственном своем виде какую-нибудь лягушку или жабу, или тысяченожку, или иное что-либо неприятное на взгляд, что только из этого нашлось бы перед глазами. Итак, поелику душа, которую очистило Слово, порок оставив позади, приняла в себя солнечный круг и сама воссияла с явившимся в ней светом, то посему говорит ей Слово: прекрасна уже ты стала, приблизившись к Моему свету, приближением привлекая общение красоты.

«Се еси добра, – продолжает Жених, – искренняя Моя»; потом, останавливая на ней внимание, и как бы усмотрев, что совершается в ней какое-то приращение и усиление красоты, снова повторяет то же слово, сказав: «се еси добра». Но, произнося это в первый раз, наименовал ее искреннею; а здесь называет, как узнается она по виду очей; ибо говорит: «очи твои голубине». Прежде, когда уподобляема была коням, похвала ограничивалась ланитою и выею; теперь же, когда явною стала собственная ее красота, похваляется приятность очей. А похвала очей состоит в том, что «очи голубине»; сие же кажется

мне, дает видеть такую мысль: поелику в чистых зеницах очей бывают видимы лица, на которые око пристально смотрит (ибо сведущие в естествословии говорят, что глаз, принимая в себя вторжения подобий, которые текут от видимых вещей, чрез это самое производит зрение); то поэтому похвалю благообразия очей делается вид голубицы, открывающийся в их зеницах; ибо на что человек пристально смотрит, подобие того и в себя приемлет. Посему, так как не смотря уже на плоть и кровь, обращает он взор к жизни духовной, как говорит Апостол, духом живя, духом ходя (Гал. 5, 25), духом умерщвляя деяния плотские (Рим. 8, 13), и став всецело духовным, а не душевным и не плотским; то поэтому о душе, освободившейся от плотского пристрастия, дается свидетельство, что в очах у него вид голубицы, то есть, что в зрительной силе души светятся черты жизни духовной. Итак, поелику чистым соделалось око невесты; и способным принять в себя черты голубицы; то начинает она посему взирать на красоту Жениха. Теперь дева в первый раз пристально смотрит на образ Женихов, когда в очах у ней голубица. Ибо «никтоже может рещи Господа Иисуса, точию Духом Святым» (1Кор. 12, 3).

И дева говорит: «се еси добр, брат мой, и еще красен» (Песн. 1, 15). С этого времени ничто другое не кажется мне прекрасным; напротив того, отвратилась я от всего, что прежде почиталось таким; не ошибаюсь уже в суждении о красоте, так чтобы прекрасным признать что, кроме Тебя, или какую человеческую похвалу, или славу, или знатность, или могущество в этом мире. Хотя для обращающих внимание на чувство и прикрашено это призраком красоты, но оно не то, чем признается. Да и как быть прекрасным тому, что даже вовсе не имеет самостоятельности? Ибо высоко ценимое в этом мире имеет бытие в одном только мнении думающих, что оно существует. Но Ты действительно прекрасен, и не только прекрасен, но всегда таков в самой сущности прекрасного, непрестанно пребывая тем, что Ты Сам в Себе, не временем цветешь, а в другое время перестаешь опять цвести, но вечности жизни спротяженна Твоя красота; ей имя — человеколюбие. Ибо от колена Иудова воссиял нам Христос

(Евр. 7, 14), иудейский же народ состоит в братстве с народом, приходящим к Тебе из язычников; посему, по причине явления Божества Твоего во плоти, прекрасно Ты наименован Братом возлюбившей.

Потом дева присовокупляет: «одр наш со осенением» (Песн. 1, 15), то есть, естество человеческое познало Тебя, или познает, по домостроительству соделавшегося приосененным. Ибо говорит дева: ты, добрый брат, прекрасно и пришел к одру нашему; соделавшись приосененным: а если бы не приосенил Ты Сам Себя, пречистый луч Божества прикрыв зраком раба; кто стерпел бы Твое явление? «Не бо узрит» кто «лице Божие, и жив будет» (Исх. 33, 20). Посему Ты, прекрасный, пришел, но соделавшись таким, что мы возмogli принять Тебя; – пришел, лучи Божества приосенив покровом тела. Ибо естество смертное и скорогибнущее как могло бы уготовиться к сочетанию с естеством пречистым и неприступным, если бы между нами, живущими во тьме, и между светом, не послужила средою сень тела? «Одром» же именует невеста единение естества человеческого с Божеством, объясняя оное в применительном смысле, как и великий Апостол обручает нас Христу – деву, увещивает душу, и говорит, что прилепление друг к другу двоих до общения в одно тело есть великая тайна единения Христова с Церковью; ибо, сказав: «будета два в плоть едину», присовокупил: «тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа, и во Церковь» (Ефес. 5, 32). По сей-то тайне душа – дева общение с Богом наименовала «одром». А сим «одром» не иначе возможно было сделаться, как в следствие пришествия к нам Господа, приосененного телом.

Он не только Жених, но и Домоздатель; Сам и зиждет в нас дом, и служит веществом для здания. Ибо налагает на доме кровлю, украшая дело веществом негниющим, – а таковы кедр и кипарис, в которых свойственная деревьям твердость выше всякой причины гниения; ни времени не уступает, ни червю не дает в себе зародиться, ни плесенью не изъедается. Из деревьев кедры, так как длинны, связывают широту дома под кровлю; а кипарисы так называемую обшивкою украшают внутреннее устройство дома. Читается же сие так: «прекляди

дому нашего кедровья, дски наши кипарисныя» (Песн. 1, 16). Но загадочное значение деревьев, без сомнения, явно для тех, которые следят за связью мыслей. Господь в Евангелии различные приращения искушений именует дождем, говоря о хорошо построившем дом на камне, что «сниде дождь, и возвеша ветры, и приидоша реки» (Матф. 7, 25), и здание осталось ничего не претерпевшим при этом. Итак, по причине сего зловредного дождя, потребны нам таковые «преклады», а ими будут добродетели, которые, будучи тверды и неуступчивы, не допускают внутрь себя притока искушений, да и во время искушений противятся влиянию порока. Дознаем же сказанное, с предлагаемым здесь сличив изречение у Екклесиаста, ибо там говорится: «в леностех смирится строп, и в празднестве рук прокаплет храмина» (Еккл. 10, 18). Если деревья, употребленные на кровлю, по тонкости гибки и не тверды, а хозяин дома ленив для того, чтобы приложить попечение о здании, то не будет пользы от кровли, и дождь протечет каплями. Ибо кровля по необходимости вдавливается, уступая тяжести воды, и хилость деревьев не противится, подламываясь от приращения тяжести; посему вода, скопившаяся во впадине, переходит внутрь, и самые «капли», по слову притчи, «изгоняют человека из дому его» в дождливый «день» (Прит. 27, 15). Так загадочным значением притчи повелевается, чтобы по твердости добродетелей были мы неуступчивы притоком искушений, без чего, размягчаемые прибоем страстей, сделаемся со впадинами и примем в свои таибницы со вне проникающий в сердце приток таких вод, от которых портится сберегаемое в нас. «Кедры» же сии суть «Ливанстии, ихже насадил» Господь, на которых «птицы вогнездятся», которыми «еродиево жилище предводительствует» (Псал. 103, 16–17). Итак, кедры, то есть добродетели, доставляют безопасность дому брачного ложа; на них гнезятся души, соделавшиеся птицами и улетевшие от сетей, ими «предводительствует еродиево жилище», которым Писание называет дом; сказывают же, что птица сия имеет отвращение от совокупления, и если по какой-то естественной необходимости составляют они между собою пары, то делают сие, сжимаясь при этом с негодованием, и выказывая

неудовольствие: почему, кажется мне, именем сей птицы Слово Божие загадочно означает чистоту.

Сии же «преклады» на кровле чистой ложницы видит невеста, усматривает же и кипарисное украшение, которое какую-то выглаженностию и складностию в сложении частей придает блеск видимой красоте; ибо невеста говорит, что кипарисная обшивка кровли; а обшивкою называется какое-то сплочение прилаженных и чисто выструганных досок, разнообразящее красоту кровли. Чему же сим научаемся? Кипарис естественно благовонен; он не допускает также гнилости и пригоден для всякой художественной плотничной работы, по своей гладкости и стройности слоев годен также для резных украшений. Посему, думаю, научаемся мы сказанным, не только по навыку преспевать в добродетелях тайно, но не быть нерадивыми и о видимом благообразии. Ибо надлежит промыслять «добрая» пред Господом и пред «человеки» (Рим. 12, 13), быть явленными «Богови», и увещавать человеки (2Кор. 5, 11), «свидетельство добро имети от внешних» (1Тим. 3, 7), сиять пред людьми делами светлыми «и благообразно ходить ко внешним» (1Сол. 4, 12). Таковы «дски» по благоуханию Христову, намеком на которое служит кипарис, искусно обделываемый в благообразии жизни, как прекрасно и стройно умел слагать подобное сему премудрый здатель Павел, который говорит: «вся у вас по чину и благообразно да бывают» (1Кор. 14, 40).

Так по преуспейнии в этом бывает приращение в нас красоты, потому что равнина нашего естества произращает благоуханный и чистый цвет; имя же цвету крин, в котором естественно усматриваемая белизна дает подразумевать блистание целомудрия. Ибо сие скажет о себе невеста, говоря: после того, как при одре нашем приосенен стал телом Жених, который построил Себе меня в дом, кровлю подперев кедрами добродетелей, и потолок украсив благоуханием кипарисов, и я на поле естества соделалась цветом, отличающимся от прочих цветов и доброцветностию и благоуханием; ибо возросла из удолий крином. Читается же сие так: «Аз цвет польный, и крин удольный» (Песн. 2, 1). Ибо действительно, по

предварительному нашему обозрению, душа возделана на равнине естества. И слыша о поле, разумеем широту человеческого естества, способность его принимать в себя многие и бесчисленные понятия, речения и уроки. Итак, обработанная Возделывающим естество наше, показанным выше способом, душа благоуханным, белым и чистым цветом возрастает на поле нашего естества. Поле же сие, хотя, по сравнению с небесным жительством, именуется «удолием», но тем не менее есть поле, и возделанной на нем душе нет препятствия правильно сделаться цветом; потому что росток из углубления восходит в высоту, что, как можно видеть, бывает с крином. Ибо стебель крина, по большей части в виде тростника выбегая от корня прямо в верх, дает потом на верхушке цветок, находящийся в немалом промежуточном расстоянии от земли, чтобы, как думаю, красота его в превыспренности оставалась чистою, не оскверняемою смешением с землею.

Посему и правдивое око, взирая на соделавшуюся, или вождевшую соделаться, цветом деву (ибо в сказанном подразумеваем то и другое, – или что величается она, как соделавшаяся тем, чем возжелала, или что должна стать цветом Делателя, по Его премудрости из удолий человеческой жизни появившись в красоте крина) – правдивое, говорю, око Жениха, видя благое вождение взирающей на Него девы, намеревается ли только она соделаться, или уже соделалась, чем пожелала, прекрасно изъявило изволение, чтобы соделалась она крином, не заглушаемым терниями жизни, которые Жених наименовал «дщерями», молча, как думаю, указывая на враждебные человеческой жизни силы, которых отец называется обретателем злобы. Посему Жених говорит: «якоже крин в тернии, тако сестра Моя посреде дщерей» (Песн. 2, 2). Какое усматриваем совершающееся в душе преспеяние в восхождении на высоту! Первое восхождение то, что душа уподобилась коням, истребителям египетской силы; второе восхождение – то, что стала искреннею и соделала очи свои голубиными; посему третье восхождение – то, что наименована не искреннею только, но сестрою Владыки. Ибо говорит Он:

«иже аще сотворит волю Отца Моего, Иже есть на небесех, той брат Мой и сестра Ми, и мати есть» (Матф. 12, 49).

Итак невеста, поелику соделалась цветом и тернистые искушения нисколько не повредили ей в том, чтобы стать кринком, забыв же «люди своя и дом отца своего» (Псал. 44, 11), обратила она взор к истинному Отцу; то посему и именуется сестрою Господа, как введенная в сие родство Духом усыновления, и освободившаяся от общения с дочерьми лжеименного отца, снова соделывается превзошедшею себя самую, и очами голубиными, то есть духом пророчества, видит тайну. Говорит же она следующее: «яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов» (Песн. 2:3) Посему что же видит она? Святое Писание именует обыкновенно лесом нечистую человеческую жизнь, заросшую различными видами страстей, где гнездятся и укрываются губительные звери, природные свойства которых, при свете и солнце оставаясь бездейственными, приобретают силу во тьме; ибо по захождении солнца, – говорит Пророк, – с наступлением ночи, во время ее звери выходят из нор (Псал. 103, 19–20). Итак, поелику пустынный зверь, питающийся в лесу, разорил прекрасный виноград естества человеческого, как говорит Пророк: «озоба и вебрь от дубравы, и уединенный дивий пояде и» (Псал. 79, 14), то в лесу насаждается посему яблонь, которая как тем, что она дерево единой сущности с человеческим веществом (ибо искушено «по всяческим по подобию разве греха» (Евр. 4, 15), так и тем, что приносит такой плод, которым услаждаются чувствилища души, большее имеет отличие от леса, нежели какое у крина от терния. Ибо крин имеет приятность только по виду и благоуханию, а приятность яблони удовлетворяет трем чувствам, увеселяя глаз красотою вида, услаждая чувство обоняния благовонием, и, делаясь пищею, доставляет услаждение чувству вкуса. Посему невеста хорошо видит различие свое со Владыкою; потому что Он бывает нам усладою для очей, став светом, и миром для обоняния, и жизнью для ядущих; «ядый» Его «да жив будет», как негде говорит Евангелие (Иоан. 6, 57), а человеческое естество, усовершенное добродетелию, делается цветом, только не

делателя питающим, но украшающим себя само. Ибо не Он имеет нужду в наших, но мы нуждаемся в Его благах, как говорит пророк: «благих моих не требуеши» (Псал. 15, 2).

Посему достигшая чистоты душа видит Жениха, соделавшегося яблоню «посреде древес лесных», чтобы, привив к Себе все дикие ветви в лесу, приуготовить к обильному произращению подобного плода. Посему, как, по причине уподобления тернию, признали мы чадами лжеименного отца тех дочерей, которые, будучи насаждены подле цвета, со временем и сами переходят к благодати крина: так и здесь, услышав об уподобившихся таковым лесным деревьям, предполагаем, что означают не друзей, но противников Жениховых и те, которых из бывших сынами тьмы и чадами гнева Жених общением плода преобразует в сынов света и в сынов дня.

Почему обучившая чувства душа говорит: «плод Его сладок в гортани моем» (Песн. 2, 3). Плод же, без сомнения, есть учение; ибо Пророк говорит: «коль сладка гортани моему словеса Твоя, паче меда устом моим» (Псал. 118, 103). «Яко яблонь посреде древес лесных, тако брат мой посреде сынов: под сень Его восхотех и седох, и плод Его сладок в гортани моем». Ибо тогда подлинно услаждаются Словом чувствилища души, когда при зное искушений осеняет нас сень яблони, и не дает нам сгорать от такого солнца, опаляющего обнаженную голову. Но найти прохладу под сению древа жизни можно не иначе, как разве когда вожделение приводит к тому душу. Видишь, для чего вложена в тебя вожделевающая сила? – Для того, чтобы возбудить в тебе любовь к яблоне, наслаждение которою в приближающихся бывает многообразно; потому что и глаз упокоевается видением красоты, и нос вдыхает благоухание, и тело питается, и уста услаждаются, и отвращается зной, и сень делается престолом, на котором восседает душа, отрекшись от «седалища губителей» (Псал. 1, 1).

Потом невеста говорит: «введите меня в дом вина, вчините ко мне любовь: утвердите мя в мирех, положите мя в яблоцех: яко уязвлена любовью аз» (Песн. 2, 4–5). Душа, прекрасно

уподобившаяся коням, чтобы совершить ей Божественное течение, как бы частыми и усиленными скачками простирается вперед, не возвращается же назад к тому, что улучила в достигнутом уже прежде. Она жаждет еще, и такова сила жажды, что не довольствуется чашею премудрости для утоления жажды не почитает достаточным влить в уста целую чашу, но домогается, чтобы ввели ее в самый дом вина, чтобы примкнуть уста к самым точилам, изливающим сладкое вино, увидеть грозд, сгнетаемый в точилах, и ту виноградную лозу, которая питает таковой гроздь, и Делателя истинной виноградной лозы, соделывающего грозд сей столько питательным и приятным. Излишним было бы делом разбирать каждое из сих понятий порознь, потому что явно усматриваемое в каждом из них переносное значение. Без сомнения же желательно уразуметь оную тайну, почему от истоптания точила багряными делаются Жениховы одежды, о которых говорит Пророк: «почто червлены ризы Твоя, и одежды Твоя яко от истоптания точила» (Ис. 63, 2)? Ради сего и подобного сему невеста желает быть внутри дома, в котором совершается сие таинство вина. Потом, вошедши внутрь, устремляется еще к большему, ибо просит подчинить ее любви, – «Любы» же, по слову Иоанна, «есть Бог» (1Иоан. 4, 8), подчинить Которому душу, как объявил Давид, есть спасение (Псал. 61, 2). Итак, говорит невеста, поелику я в дом вина, то подчините меня любви, или «вчините ко мне любовь». Какую ни употребишь перестановку слов, в том и другом случае, то есть, когда душа, или подчиняется любви, или подчиняет себе любовь, означаемое то же.

Или, может быть, сими словами научаемся мы одному из высших догматов, а именно тому, какую любовь надлежит воздавать Богу, и какое иметь расположение к другим. Ибо, если надобно всему быть по чину и благообразно, то в подобном сему тем паче прилична чинность. И Каин не был бы осужден за то, что худо «разделил», если бы, «право» принеся, сохранил приличие по чину касательно того, что было им оставлено на потребу себе, и что посвящено Богу. Ему должно было в жертву Богу принести начатки из первородных, а он, что было более

ценного, тем насытившись сам, предложил Богу остатки. Посему надлежит знать чин любви, предписываемый законом, – как надобно любить Бога, как ближнего, и жену, и врага, чтобы исполнение любви не соделалось каким-то беспорядочным и превратным. Ибо Бога любить должно всем сердцем, всею душою и силою, и всем чувством, а ближнего, как себя самого, и жену тому, у кого чистая душа, как Христос любит Церковь, а тому, кто более страстен, как свое тело; так повелевает установитель порядка во всем подобном, Павел (Ефес. 5, 25. 28); и врага любить должно так, чтобы не воздавать злом за зло, но благодеянием вознаграждать за обиду. Ныне же можно видеть, что любовь у многих смешана, беспорядочна, и по причине ничем несогласимой нестройности действует погрешительно. Одни и деньги, и почести, и жен, если расположены к ним горячее, любят от всей души и всеми силами, так что желали бы положить за них и жизнь; а Бога только для вида; ближнему же едва оказывают и такую любовь, какую предписано иметь ко врагам; а к ненавидящим имеют такое расположение, чтобы огорчившим отмстить большим злом. Итак, невеста говорит: «вчините ко мне любовь», чтобы воздавала я ее Богу, сколько должно, а каждому из других без недостатка в надлежащей мере. Или в слове сем можно подразумевать и следующее: поелику я, – говорит невеста, – возлюбленная в начале, за преслушание была причислена ко врагам, а ныне снова возвратилась в ту же милость, любовь примирившись с Женихом, то законность и неизменность сей милости подтвердите мне вы, друзья Жениховы, со тщанием и внимательностью соблюдая непременно во мне склонность к лучшему.

Сказав это, невеста опять переходит к более возвышенной речи, потому что просит для прочности благ подкрепить ее мирами, и говорит: «утвердите мя в мирех». Какие необычайные и новые подпоры! Как мира соделаются столпами дома? Как твердость построения кровли опирается на благоухании? Не явно ли, конечно, что достояние добродетелей, многими способами с успехом приобретаемое, по различию действий и именуется? Ибо не только увидеть доброе и придти в общение с

наилучшим, но и сохранить непреткновенность в прекрасном есть добродетель. Посему желающий быть утвержденным «в мирех» домогается себе твердого пребывания в добродетелях. Ибо добродетель есть миро, потому что она удалена от всякого зловония грехов.

Иной подивится сказанному в след за сим: почему вожделевает невеста устлать дом не кустами какими и тернами, и сеном, и тростником, лучше же, как говорит Апостол, не древами, тростием и сеном (1Кор. 3.12), из чего уготовляются вещественные дома; но постилкою на потолке дома у ней служат яблоки; ибо говорит: «положите мя в яблоцех», чтобы этот плод стал для нее всем и во всем, – красотою, миром, услаждением, пищею, прохладою, доставляемою им тенью, покойным седалищем, подпирающим столпом, покрывающим потолком. Ибо, как красота, с вожделением рассматривается; как миро, доставляет приятность обонянию, как пища, утучняет тело и услаждает вкус; как сень, дает прохладу от жара, как седалище, успокаивает после труда; как кровля дома, служит покровом живущим в доме; как столп, делает непреткновенным; как видимое яблоко, украшает потолок. И придумает ли кто какое зрелище красивее разложенных яблок, когда плоды сии, в порядке расположенные на какой-либо плоскости без всяких между собою промежутков, разнообразят вид тем, что краснота одного яблока перемешана с беловатостию другого? Посему, если возможно, чтобы положение яблок было видимо подъемлющимся на плоскости вверх, то может ли что быть изящнее этого вида? А сие не невозможно для вожделения духовных благ; потому что не тяжел плод этого вида, не тянет и не клонится к земле, но по природе имеет стремление в высоту. Ибо добродетель восходить вверх, и обращает взор горе. Посему красотою таких яблок вожделевает невеста убрать потолок собственного дома. Ибо, кажется мне, главная забота слова не о том, чтобы от сложения яблоков на подстилке видимо было какое-то заметное зрелище. Какое было бы в этом путеводство к добродетели, если бы в сказанном не усматривалось какой-либо полезной для нас мысли?

Посему, какая это мысль, по нашему гаданию? В лесу естества нашего по человеколюбию Произросший, чрез причастие Плоти и Крови соделался яблоком; ибо в сем плоде можно видеть подобие по цвету и плоти, и крови; белесоватостию он уподобляется свойству плоти, а разлитая по ней краснота свидетельствует видом, что плод имеет сродство с естеством крови. Посему, когда душа, услаждающаяся Божественным, вожделеет обратить взор на этот кров, сею загадкою научаемся следующему: то, что, взирая горе, обращаем внимание на яблоки, значит, что к небесному жительству путеводимся евангельскими учениями, которые открыл нам Пришедший свыше и превыше всех Сущий, в явление Свое во плоти показав в Себе самом образцы всех добрых дел, как говорит Господь: «научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем» (Матф. 11, 29). Тоже самое говорит и Апостол, предписывая нам смиренномудрие (одним примером можно доказать всю истину сего слова). Ибо взирающим горе говорит: «сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе, Иже во образе Божии сый, не восхищением непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим», с плотию и кровию Пребывавший в жизни и «вместо подлежащая Ему радости», добровольно Приобщившийся нашего унижения и Снисшедший до испытания смерти (Флп. 2, 5–8). Посему невеста говорит: «положите мя в яблоцех», чтобы, взирая всегда в высоту, видеть мне образцы добрых дел, показуемые в Женихе; там кротость, там негневливость, там незлопамятность на врагов и человеколюбие к оскорбляющим, за злобу воздаяние благодеянием; там воздержание, чистота и великодушие, отсутствие всякого тщеславия и житейской прелести.

Сказав сие, невеста хвалит стрельца за меткость, за то, что искусно направил в нее стрелу; ибо говорит: «уязвлена любовью аз». Сим словом указывает на стрелу, глубоко лежащую в ее сердце; Устреливший сею стрелою есть любовь. Дознали же мы из Святого Писания, что любовь есть Бог. Он пускает в спасаемых избранную стрелу Свою, едиnorodного Сына, Духом жизни помазав тройное жало острия. Острие же

есть вера, чтобы, в ком будет она, вместе со стрелою введен был и Устреливший, как говорит Господь: «Аз и Отец едино есма» (Иоан. 10, 30); и: «приидем и обитель у него сотворим» (Иоан. 14, 23). Посему душа, возвысившаяся божественными восхождениями, видит в себе сладкую стрелу любви, которою уязвлена, и уязвление обращает себе в похвалу, говоря: «уязвлена любовью аз». Какая прекрасная язва! Какое сладостное поражение, с которым во внутренность проникает жизнь там, где пронзила стрела, отверзшая себе как бы некую дверь и вход! Ибо вместе и прияла в себя стрелу любви, и стрельба изменилась немедленно в брачное веселие. Ибо известно, как руки распоряжаются луком, сообразно с потребностью исправляя то или другое дело; левая рука держит лук, а правая тянет к себе тетиву, привлекая за разрезной конец стрелу, придерживанием левой руки направляемую к цели. Посему служившая незадолго прежде целию для стрелы теперь вместо стрелы себя видит в руках стрельца, между тем как иначе правая и иначе левая рука объемлет стрелу. Но поелику в последствии образы представлений приводятся в переносном значении из брачной песни, то невеста не то представила, что левою рукою поддерживается острие стрелы, а правая объемлет другую ее часть, так чтобы душа стала стрелою в руке сильного, направляемую к горней цели; напротив того, представила, что левая рука подложена, вместо острия, под «главою», а правою объемлется прочее, чтобы, как думаю, в слове сими вдвойне загадочными выражениями вместе изложено было любомудрие божественного восхождения, показывая, что и Жених, и стрелец наш есть один и тот же, что чистая душа служит для Него и невестою, и стрелою, и как стрелу, направляет Он ее к доброй цели, как невесту, восприимлет в общение неистленной вечности, «долготу жития и лета жизни» даруя десницею, а шуйцею «богатство» вечных благ и «славу» Божию (Прит. 3, 16), которой непричастными делаются ищущие славы мира сего. Посему говорит: «шуйца Его под главою моею» (Песн. 2, 6), – шуйца, которою стрела направлена в цель. А десница Его, меня объемля и привлекая к Себе, делает легкою к возношению горе и пускает вверх, и не

отлучает от стрельца, так что вместе и несусь в следствие вержения, и упокоеваюсь в руках Владыки. Об отличительных же свойствах сих рук говорит книга Притчей, что «долгота жития и лета жизни в деснице» Премудрости, «в шуице же ея богатство и слава» (Прит. 3, 16).

Потом невеста обращает речь к дочерям горного Иерусалима; речь же сия есть убеждение, предлагаемое с закланием, – всегда умножать и возвращать любовь, пока не приведет в исполнение воли Своей Тот, Кто «всем хочет спастися и в разум истины прийти» (1Тим. 2, 4). Вот сия речь, которую произносит невеста: «заклях вас, дочери иерусалимли, в силах и крепостях села: аще воставите, и возбудите любовь, Дóндеже восхощет» (Песн. 2, 6). Клятва есть слово, собою удостоверяющее в истине; действие же клятвы двояко: она или сама удостоверяет слушающего в истине, или закланием других приводит в необходимость ни в чем не лгать. Например: «клятся Господь Давиду истинною, и не отвержется ея» (Псал. 131, 11). Здесь клятвою подтверждается верность обетования. Когда же Авраам, прилагая попечение о благородном супружестве единокровного, повелевает рабу своему в брачное сожителство Исааку не приводить никого из рода ханаанского, осужденного на рабство, чтобы примесь рабского рода не причинила вреда благородству преемства, а напротив того избрать сыну супругу в отечественной ему земле и в родстве его; тогда закланием приводит раба в необходимость не вознерадеть о приказании, и если пошлет его, ради себя самого сделать то, что признал он за благо для сына; так слуга заклиняется Авраамом устроить Исааку приличное супружество. Посему, так как действие клятвы двояко, то здесь душа, восшедшая на такую высоту, какой видели мы ее достигшею в исследованном нами прежде, обучаемым ею душам указуя дальнейший путь к совершенству, своею клятвою не удостоверяет слушающих в несомненности того, что улучила сама; но закланием руководить их к жизни добродетельной, к неусыпной и бодрственной любви, до тех пор, пока не исполнится благая Его воля, которая в том состоит, чтобы все спаслись и в разум истины пришли. А клятва, как там была о

«стегне» патриарховом (Быт. 24, 9), так здесь «в силах и крепостях села»; ибо так говорит Писание: «заклях вас, дочери иерусалимли в силах и крепостях села: аще воставите, и возбудите любовь, Дóндеже восхощет». В словах сих рассмотреть должно, во первых, какое это «село»; потом, какая «крепость» села и «сила» его, и есть ли между ними разность, или тем и другим означает одно; сверх того, что значить «возставить», и что – возбудить любовь; а выражение «дондеже восхощет» объясняется сказанным прежде.

Что «селом» Владычнее слово означает мир, явно сие каждому из Евангелия; а что «преходит образ мира сего» (1Кор. 7, 31), и ничего не оказывается прочного в непостоянном естестве, это явно по громогласному свидетельству Екклесиаста, который все видимое и преходящее причислил к вещам суетным. Посему, какая же сила у такого села, которое есть мир? Или какая крепость в том, памятование о чем с закланием, данное дочерям иерусалимским, повеление делает ненарушимым? Если смотреть на видимое, будто бы в нем есть какая-то сила, то подобное предположение отвергает Екклесиаст, именуя суетою все, на что указывают, и чего домогаются люди в видимом. Ибо суетное несостоятельно; а несостоятельное по сущности не имеет силы. Или, может быть, в означении слова: «сила» множественным числом найдется какая догадка о выражаемом им понятии? Ибо из Святого Писания известно нам такое различие в рассуждении подобных имен: когда говорится в единственном числе «сила», тогда таким речением разумение отсылается к Божеству; а когда то же имя произносится во множественном числе то представляется словом естество ангельское. Так «Христос – Божия Сила и Премудрость» (1Кор. 1, 24); здесь единственным числом Писание дает разуметь Божество. «Благословите Господа вся силы Его» (Псал. 102, 21), – здесь множественное число «силы» показывает значение разумного ангельского естества. А слово «крепость», сопоставленное с словом «сила», усиливает значительность понятия; так Писание повторением равносильных речений тверже выражает, что ему желательно. Так в словах: «Господи, крепосте моя и утверждение мое»

(Псал. 17, 23), каждое из речений означает одно и то же, но сопоставление равносильных слов показывает усиление означаемого. Посему множественное означение «сил» и подобообразное упоминание о «крепостях» возводит, как видно, мысль слышащих к естеству ангельскому, так что заклинание, представляемое наставницею обучаемым душам в подтверждение сокровенного, делается силою не преходящего мира, но всегда пребывающего естества Ангелов, на которых повелевается взирать, чтобы их примером утверждались непоколебимость и постоянство добродетельного жития. Поелику имеем обетование, что по воскресении жизнь человеческая соделается подобною состоянию Ангелов (Обетовавший же не лжив); то следует и жизнь в мире сем приуготовлять к жизни, чаемой после сего, так чтобы, живя во плоти, и проводя время на селе мира сего, жить не по плоти и не сообразоваться веку сему, но и во время жизни в мире иметь попечение о жизни чаемой. Посему невеста клятвенным подтверждением внушает душам обучаемых, чтобы жизнь их, с преспеянием проводимая на этом селе, имела в виду небесные силы, подражая бесстрашием чистоте ангельской. Ибо, когда так восставляется и возбуждается любовь, то есть возвышается от присовокупления, и возрастает до большей меры; тогда, как сказала невеста, исполняется воля Божия, как на небе, так и на земле, по причине ангельского бесстрастия, преуспевающего и в нас. Вот что уразумели мы в словах: «заклях вас, дщери иерусалимли, в силах и крепостях села: аще воставите, и возбудите любовь Дóндеже восхощет». Если же найдется иное какое слово, более приближающееся к истине искомого; то примем благодать, и возблагодарим Открывающего сокровенные тайны Духом Святым о Христе Иисусе, Господе нашем. Ему подобает слава во веки веков! Аминь.

Беседа 5. Толкование на Песн. 2, 8–17

Песн.2:8. Глас Брата моего: се Той идет скача на горы и прескача на холмы:

Песн.2:9. подобен есть Брат мой серне, или младу еленю на горах Вефилских. Се Сей за стеною нашею, проглядая оконцами, принимаяй сквозе мрежи.

Песн.2:10. Отвещает Брат мой и глаголет мне: востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя,

Песн.2:11. яко се зима прейде, дождь отиде, отиде себе:

Песн.2:12. цветы явишася на земли, время обрезания приспе, глас горлицы слышан в земли нашей:

Песн.2:13. смоквь изнесе цвет свой, винограды зреюще даша воню. Востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя,

Песн.2:14. голубица Моя в покрове камене, близ предстения: яви ми зрак Твой, и услышан сотвори ми глас Твой: яко глас Твой сладок и образ Твои красен.

Песн.2:15. Имите нам лисы малыя, губящия винограды: и виногради наши созревают.

Песн.2:16. Брат мой мне, и аз Ему, пасый в кринах,

Песн.2:17. дондеже дхнет день, и двинутся сени. Обратися, уподобися ты, Брате мой, серне, или младу еленю на горах юдолей.

В нынешнем чтении предложенное нам из Любомудрия Песни песней и приводит в пожелание обозреть превысшие блага, и в души наши влагает печаль, внушая некоторым образом отчаяние невозможностию уразуметь непостижимое. Ибо как не ощутить человеку печали, усматривая, что приведенная в чистоту душа, после того, как в стольких восхождениях возвышена любовью до приобщения блага, по видимому, как говорит Апостол, не постигла еще искомого? Хотя, смотря на оные восхождения, которые совершены по сказанному в предшествовавших беседах, ублажил я ее за то восхождение, в которое познала она сладкую яблонь, отличив ее от бесплодия лесных деревьев, и сень яблони соделала вожденною, и усладившись плодом, вошла в ложницу

веселия (веселие же именует она вином, от которого веселится сердце вкушающих), и вчиненная в любовь, утверждается «в мирех», обложенная яблоками, и приняв в сердце стрелу любви, снова в руках стрельца сама делается стрелою, руками сильного направляемую в цель истины. Видя сие и подобное сему, рассуждал я, что возвысившаяся на столько степеней душа достигла самого верха блаженства. Но, сколько видно, совершенное доселе есть еще только предначатие восхождения, потому что душа все оные восходы именует не каким-либо обозрением или ясным постижением истины, но гласом желанного, которого свойства отличаются по слуху, а не по разумению и познаются и увеселяют. Посему, если душа, столько возвысившаяся, сколько, как знаем, возвысился Павел, восхищенный до третьих небес, не оказывается еще в точности достигшею подлежащего ей; что, по всей вероятности, будет с нами, или что заключить нам о себе, которые не приблизились даже и к преддвериям «таинниц», предстоящих нашему обозрению? А неудобозримость искомого можно видеть из сказанного душою.

«Глас Брата моего», – говорит она; не вид, не лице, не очертание, указывающее на естество искомого, но «глас», доставляющий только догадку, а не твердое свидетельство о том, Кто Таков издающий глас. Ибо что изрекаемое походит больше на уподобление, а не на какую-либо несомненную удостоверенность в постижении, явствует сие из того, что слово не ограничивается одним каким-либо смыслом и не один образ имеет в виду; напротив того, из сказуемого явно, что душа в сих видениях увлекается многим, думая видеть и нечто иное, и не останавливаясь постоянно на одних и тех же чертах постигнутого. Сказано: «се Той идет», не стоя на месте, не дожидаясь, чтобы во время остановки познал Его устремляющий на Него взор, но похищая себя из вида прежде, нежели душа пришла в совершенное познание. Ибо продолжает она: «идет скача на горы и прескача на холмы» (Песн. 2, 8). И хотя признается теперь «серною», но опять уподобляется и молодому оленю. Душа говорит: «подобен есть Брат мой серне,

или младу еленю на горах Вефильских» (Песн. 2, 9). Так всегда постигаемое имеет то одни, то другие черты.

Сие-то по первоначальному понятию приводит меня в печаль, ввергая в отчаяние достигнуть точного уразумения Превысшего. Впрочем, возложив надежду на Бога, дающего «глагол благовествующим силою мною» (Псал. 67, 12), должно попытаться и сие обозрение последовательно и в некоторой связи приноровить к тому, что уразумели мы прежде. «Глас Брата моего», – говорит душа, – и тотчас присовокупляет: «се Той идет». Что же подразумеваем в этом? То, что, может быть, сказанное предугадывает открытое нам Евангелием домостроительство Бога Слова, как предвозвещенное Пророками, так вполне открытое Богоявлением Сына во плоти. Ибо Божественный глас свидетельствует делами, и с словом обетования согласуется исполнение, как говорит Пророк: «якоже слышахом, тако и видехом» (Псал. 47, 9). Душа говорит: «глас Брата моего» (то есть, что мы слышали): «се Той идет» (это прияли мы очами), «многочастне и многообразне древле Бог глаголавый отцем во пророцех» (вот и слышание гласа), «в последок дний глагола нам в Сыне» (Евр. 1, 1–2), Это и есть сказанное невестою: «се Той идет, скача на горы и прескача на холмы», как сродно и сообразно серне в особенном некоем отношении, и опять, по другому понятию, уподобляясь «младу еленю». Серна означает остроту зрения у Назирающего всяческая. Ибо сказывают, что животное сие, чрезвычайно зоркое, по этой силе имеет свое имя: но быть зорким то же, что и быть видящим. Итак, Кто над всем назирает, у Кого все в виду, Тот потому, что все видит, именуется Богом всяческих. Посему, так как во плоти явился Бог, явившийся миру для низложения сопротивных сил, то уподобляется Он серне, как Призревший с небес на землю, и молодому оленю, как Перескакивающий чрез горы и холмы, то есть, Попирающий и Сокрушающий лукавые высоты демонской злобы. Ибо Писание горами называет то, что приведено в смятение крепостию Его, как говорит Давид, преложено в «сердца морская» (Псал. 45, 3), и погружено в сродном сему месте бездны. Об этих горах Господь сказал ученикам: «аще имате веру, яко зерно горушно, рцыте горе сей»

(указывая при сем слове на одного лукавого на новые месяцы мучающего беса): «двигнися и верзися в море» (Матф. 17, 20). Итак, поелику естеству молодых оленей свойственно истреблять ядовитых пресмыкающихся, дыханием и качеством плоти своей обращать в бегство этот род змей, то посему Назирающий всяческая уподобляется «серне» и «еленю младу», как попирающий и истребляющий сопротивную силу, которая в переносном значении названа горами и холмами.

Посему Женихов был тот глас, которым «глаголал Бог во пророцех», и по гласе пришло Слово, «скача» на сопротивные горы «и прескача на холмы», равно покоряя под ноги Свои всякую отступническую силу и низшую, и высшую. Ибо различие холмов от гор то и дает разуместь, что и властвующий над сопротивными низлагается подобно своему подчиненному, попираемый с силою и властью. Ибо одинаково покоряются лев и дракон, – эти высшие, и также змий и скорпион, почитаемые низшими. Скажу для примера: в толпах, следовавших за Господом, были горы – бесы, или в синагогах, или в стране Герасинов, или в других многих местах, высившие и возносившие главу над естеством человеческим. Из них были и холмы, и горы, и высшие, и низшие. Но молодой елень, истребитель змиев, и учеников претворяющий в естество оленей, когда говорит: «се даю вам власть наступати на змию и на скорпию» (Лук. 10, 19), на всех равно налагает стопу, тех обращая в бегство, а с сих прескача на других и тем доказывая, что величие высоких по добродетели не затемняется высотами порока. Ибо горы Вефильские, как видно из толкования имени, указывают на жизнь высокую и небесную; потому что речение: Вефиль, как утверждают знатоки еврейского языка, значит: «дом Божий», почему сказано: «на горах Вефильских».

Их-то увидело соделавшееся чистым и зоркое око души, скачущее вместе с Божественными оными скаканиями по высотам сопротивных; и о том, что будет в последствии времени, ведет речь, как уже о настоящем, по достоверности и несомненности чаемой благодати взирая на надежду, как на дело. Ибо говорит, что «Той», Кто с благодвижною скоростью скачет на горы и перескакивает с холмов на холмы, показывает

Себя неподвижным, остановясь позади стены и беседуя «сквозе mreжи оконцев». Буквально же читается так: «се Сей стоит за стеною нашею, проглядаяй оконцами, приницаяй сквозе mreжи» (Песн.2,9). Посему описываемое в слове, если понимать чувственно, таково: Возлюбивший с невестою, пребывающею внутри дома, беседует в окна, между тем как разделяет обоих находящаяся среди них стена, но словесное общение происходит беспрепятственно, глава проглядывает в окно, и глаз проникает внутрь сквозь оконные сетки. Высший же взгляд держится того смысла, какой найден по предыдущему исследованию. Ибо слово постепенно и последовательно приближает естество человеческое к Богу, сперва озаряя его чрез Пророков и предписания закона. Так понимаем, что Пророки суть «оконца», вводящие свет, ткань же законных предписаний – «mрежи», а сквозь то и другое проникает внутрь луч истинного света. Но после сего происходит совершенное озарение светом, когда «сидящим во тме и сени» является «Свет» (Матф. 4, 16) истинный, по растворении с естеством нашим. Посему сперва лучи пророческих и законных понятий, воссиявающие душе сквозь понимаемые нами «оконца» и «mрежи», возбуждают желание увидеть солнце на открытом небе. И таким образом пожеланное исполняется потом на самом деле.

Послушаем же, что глаголет Церкви Тот, Кто не вошел еще внутрь, но стоит и вещает ей в проводники света. Ибо говорит она: «отвещает Брат мой и глаголет мне, востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя, яко се зима преиде, дожд отиде, отиде себе, цветы явишася на земли, время обрезания приспе, глас горлицы слышан в земли нашей, смоквь изнесе цвет свой, винограды зреюще даша воню». (Песн. 2, 10–13). Как прекрасно описывает приятность весны Творец ее, Которому говорит Давид: «жатву и весну Ты создал еси» (Псал. 73, 17)! Полагает конец зимней унылости, сказывая, что прошла и зимняя угрюмость и неприятность дождей. Указывает на луга, наполненные и украшающиеся цветами. О цветах же говорит, что они в полной красе, и пригодны к обрезанию, так что, без сомнения, собиратели цветов сорвут их на плетение венков или

на приуготовление мира. К приятности времени присоединяет слово и то, что рощи оглашаются пением птиц, раздаются в слух приятный голос горлиц. Упоминает также о смокве и о винограде, о будущем от них наслаждении, которому полагается начало видимым, а именно в смокве произращением зародышей, а на виноградной лозе появлением цвета; почему обоняние услаждает она благовонием. Так слово роскошно описывает весеннее время года, отмечая все угрюмое и останавливаясь на приятных изображениях. Но нет, думаю, надобности удерживать мысль на описании сих приятностей; а напротив того, ими надлежит путеводиться к означаемым сими описаниями таинствам, чтобы открылось нам богатство мыслей, сокровенное в речениях. Посему, что же значит то, о чем говорим мы?

Человеческий род оцепенел некогда от мраза идолослужения, когда удободвижное человеческое естество преложилося в неподвижное естество чтилищъ. Ибо сказано: «подобни им да будут творящии я и вси надеющиися на ня» (Псал. 134, 18). Сему и следовало произойти. Ибо как возводящие взор к истинному Божеству приемлют в себя черты, свойственные естеству Божественному; так внимающий суете идолов претворяется в то же, что у него пред глазами, из человека делаясь камнем. Итак, поелику, окаменев от служения идолам, неподвижно было к лучшему естество, оцепеневшее от мраза идолопоклонства; то по сему самому в лютую зиму сию воссиявает солнце правды и производит весну; когда полуденный ветер разрешает таковое оцепенение, и вместе с воссиянием солнечных лучей согревает все освещаемое ими, чтобы и окаменевший от мраза человек, как скоро разгорячится духом, и согрет будет лучом Слова, снова соделался водою, текущею в жизнь вечную. Ибо сказано: «дхнет дух Его, и потекут воды» (Псал. 147, 7), по обращении камня «во езера водная» и насекомого «во источники водныя» (Псал. 113, 8); о чем открытое взывал иудеям Креститель, говоря, что камни сии будут воздвигнуты, и соделаются чадами Патриарху, уподобляясь ему добродетелию (Матф. 3, 9).

Итак, вот что слышит от Слова Церковь, в пророческие «оконца» и сквозь законные «мрежи» приемля луч истины, когда стояла еще преобразовательная стена учения, разумею закон, дающий «сень грядущих благ», но не указующий «самого образа вещей» (Евр. 10, 1). Позади сей-то стены стояла истина, тесно связанная с прообразом, сперва чрез Пророков озарявшая Церковь Словом, а потом явлением Евангелия рассеявшая всякое подобное тени представление прообраза, при чем средостение разорено, внутренний же воздух в доме соединился с эфирным светом, так что нет более потребности в освещении чрез оконца, когда сам истинный свет евангельскими лучами просвещает все внутреннее. Посему-то Слово, воставляющее «низверженные» (Псал. 144, 15), в проводники света вызывает Церкви, говоря: восстань от падения, поползнувшаяся в срамоту греха, потерпевшая запинание от змия, падшая на землю, и пребывающая в падении преслушания, восстань. Даже недостаточно тебе быть восстановленною только от падения, – продолжает слово, – но «и прииди», преспеянием в добре совершая течение добродетели. Сие дознали мы и на расслабленном. Слово не воставляет только сие бремя одра, но и повелевает ему ходить; при чем, кажется мне, переходением с места на место Писание означает поступление к лучшему и возрастание в оном.

Посему Жених говорит: «востани, и прииди». Какая сила в повелении! Глас Божий подлинно есть глас силы, как говорит псалмопевец: «се даст глас свой, глас силы» (Псал. 67, 34); и: «Той рече, и быша, Той повеле, и создашася» (Псал. 32, 9). Вот и теперь сказал лежащей: «востани», и еще: «прииди» и повеление немедленно исполняется на деле. Ибо невеста вместе и приемлет в себя силу Слова, и восстает на ноги, и предстоит и делается ближнею свету, как засвидетельствовано Самим Словом, давшим сие приказание; ибо так говорит: «востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя» (Песн. 2, 10). Что за порядок в слове! Как одно соединено тесно с другим! Как связно, как бы в цепи какой, сохраняется последовательность понятий! Слышит невеста повеление, укрепляется в силах от этого слова и восстает, проходит,

приближается, делается доброю, именуется голубицей. Ибо возможно ли прекрасный образ увидеть в зеркале, в котором не бывало изображения какого-либо прекрасного лица? Посему и зеркало естества человеческого не прежде стало прекрасно, но уже после того, как приблизилось к прекрасному, отразило в себе образ Божественной красоты. Как имело оно в себе вид змия, пока лежало на земле, и на него взирало; так, подобно сему, поелику восстало, лицом к лицу стоит с добром, а порок оставило позади себя; то, на что взирает, образ того и приемлет на себя. Взирает же на первообразную красоту, а красота – голубица. Приблизившись чрез это к свету, делается светом, во свете же отражается прекрасный образ голубицы, разумею ту голубицу, образ которой известил о присутствии Святого Духа.

Так Слово, подав глас невесте, и как ближнюю, наименовав ее доброю, а за доброту назвав голубицею, продолжает и последующую речь, сказав, что не владычествует более унылость душевной зимы, потому что мраз не противостоит лучу. «Се, – говорит Слово, – зима прейде, дожд отиде, отиде себе» (Песн. 2, 11). Многоименным делает зло, придавая ему наименования по различиям действий. Одно и то же и зима, и дождь, и капли, но в отдельности каждым из сих именовании означает одно какое-либо в особенности искушение. Зимой, что зеленело, вянет, краса дерев, естественно украшающихся листьями, опадает с ветвей и смешивается с землею, умолкает сладкопение голосистых птиц, предается бегству соловей, немеет ласточка, чуждается гнезда горлица, все уподобляется унылости смерти, мертвеет отпрыск, умирает зелень, и как кости, с которых снята плоть, так ветви, обнаженные от листьев, делаются неприятным зрелищем вместо того благообразия, какое ветвям доставляли зеленые отпрыски. Что же скажет иной о бедствиях на море, бывающих зимою? Как оно, вращаясь и воздымаясь из глубин, уподобляется буграм и горам, прямо вверх подымая водяную вершину? Как подобно неприятелю устремляется на сушу, несется из берегов, непрерывными ударами волн, как приражениями военных орудий, потрясая землю? Но все сии и подобные сим зимние невзгоды представляй себе в иносказательном значении. Что значит

отцветающее и увядающее зимою? Что – падающее с вершин и разрешающееся в землю? Что – умолкающий голос певчих птиц? Что – ревущее водами море? Что идущий при этом дождь? Что – дождевые капли? Как дождь отходит «себе»? Ибо всем этим загадочное изображение таковой зимы означает нечто одушевленное и произвольное.

Хотя слово наше и не станет объяснять сего по порядку, но слушающему, может быть, явен смысл, заключающийся в каждом изречении. Так, например, естество человеческое цело первоначально, пока было в раю, напаяемое водою одного источника, и зеленело, когда вместо листьев украшал его стебель бессмертия. Но поелику зима преслушания иссушила корень; то цвет опал, и разложился в землю, человек утратил лепоту бессмертия, по охлаждении любви к Богу от умножившихся беззаконий иссохла зелень добродетелей; а от сего сопротивными духами воздвигнуто в нас множество различных страстей, от которых постигают душу гибельные крушения. Но вот пришел Сотворивший весну душ наших, Который запретил лукавому духу, воздвигшему некогда море, а ветрам и морю сказал: «молчи, престани» (Мк.4, 3–9); и все пришло в тишину и благоведрие, все снова начинает расцветать, и наше естество украшается свойственными ему цветами. Цветы же жизни нашей суть добродетели, которые ныне цветут, плод же свой приносят во время свое. Потому говорит Слово: «зима прейде, дождь отиде, отиде себе: цветы явишася на земли, время обрезания приспе» (Песн. 2, 11–12). Видишь, – говорит, – луг, цветущий добродетелями? Видишь целомудрие – этот белый и благовонный крин? Видишь стыдливость – эту розу? Видишь эту фиалку – Христово благоухание? Почему же не соплетаешь из них венца? Теперь время, в которое собравшему надлежит украситься плетением таковых венцев, «время обрезания приспе». О сем свидетельствует тебе глас горлицы, то есть, «глас вопиющего в пустыни» (Мк. 1, 3); ибо горлица эта – Иоанн, этот предтеча светлой весны, указующий людям прекрасные цветы добродетели и предлагающий их намеревающимся стать собирателями цветов; потому что указывал на Цвет от корня

Иессеева, на Агнца Божия, взявшего грех мира, и внушал покаяние в худых делах и добродетельное житие.

Ибо продолжает Слово: «глас горлицы слышан в земли нашей» (Песн. 2, 12), землю, может быть, именует осуждаемых за порочную жизнь, какими Евангелие представляет мытарей и блудниц. Ими услышано было Иоанново слово, когда прочие не принимали проповеди. А сказанное о смокве, что «изнесе цвет свой» (Песн. 2, 13), будем разуметь так: смоква от действия на нее теплоты весьма сильно втягивает в себя влагу из глубины, и как скоро в сердцевине ее скопляется много сырости, при переваривании соков, происходящем в растении, естество по необходимости извергает из ветвей, что в соках было негодного и землистого; и делает это многократно, чтобы подлинный и питательный плод дать от себя в надлежащее время чистым от негодного качества. Сие же вместо сладкого и совершенного плода, в виде плода также производимое смоквою, называется цветом, который хотя и сам может со временем стать снедным для желающих, однако же – не плод, а служит только предначатию плода. Посему, кто увидит это, тот, конечно, собирает уже почти плоды; потому что «цвет», о котором сказано, что «изнесе его» смоковница, служит знаком годных в снедь смокв.

Поелику Слово описывает невесте духовную весну; а время сие сопредельно с двумя временами года, временем зимней унылости и временем вкушения плодов летом; то, хотя ясно возвещает Оно, что худые времена миновались, однако же не совершенно еще показывает плоды добродетели, но сберегает их к надлежащему времени, когда настанет жатва. А что означает жатвою, конечно, знаешь из Господнего слова, в котором сказано, что «жатва кончина века ест» (Матф. 13, 39). Теперь же указывает Слово на цветущие при добродетелях надежды, которых плод, как говорит Пророк, появится «во время свое» (Псал. 1, 3). Итак, поелику естество человеческое, подобно упоминаемой здесь смоковнице, в продолжение умопредставляемой нами зимы, собрало в себя много дурной влаги, то Соделывающий для нас душевную весну, и надлежащим возделыванием Возвращающий человечество,

сперва вместо побегов прекрасно извергает из естества все, что в нем есть земленистого и бесполезного, очищая исповедию от излишеств, и потом уже, правилами более образованной жизни налагая на него некие черты чаемого блаженства, как бы цветом каким, провозвещает будущую сладость смокв. Сие-то и означает сказанным, что «смоква изнесе цвет свой».

Так разумеи и зреющий виноград, из которого вино, веселящее сердце, наполнит некогда чашу премудрости, и «с высоким проповеданием» (Прит. 9, 3) предложено будет сопиршественикам, с правом почерпнуть в нем доброе и трезвенное упоение, разумею то упоение, в котором человек от вещественного восторгается к Божественному. Теперь виноград украшается цветом, и издается им некое благоухающее, приятное и сладостное испарение, срастворенное с объемлющим Духом; без сомнения же, наученный Павлом, знаешь этого Духа, Который соделывает «благоухание» сие в «спасаемых» (2Кор. 2, 15).

Сии признаки прекрасной весны душ наперед указывает Слово невесте и понуждает поспешнее насладиться предлагаемым, возбуждая ее своими речами и говоря: «востани, прииди ближняя Моя, добрая Моя, голубице Моя» (Песн. 2, 13). Сколько догматов в речениях сих кратко указывает нам Слово! Ибо богодухновенному учению несвойственно из какого-либо пустого суесловия останавливаться на одних и тех же речениях. Напротив того, повторением сим показывается некая великая и боголепная мысль, именно же скажется нечто подобное следующему. Блаженное, вечное и всякий ум превышающее Естество, все естества Собою объемля, никаким не объемлется пределом. Ибо в рассуждении Его не представляется ничего, ни времени, ни места, ни цвета, ни очертания, ни вида, ни объема, ни количества, ни протяжения, ни иного чего описующего, именования, или вещи, или понятия; напротив того, всякое добро, о Нем умопредставляемое, простирается в беспредельность и некончаемость. Где не имеет места зло, там нет никакого предела добру. В нас, при изменчивости естества, поелику в произволении нашем есть равная возможность склоняться к тому и другому из противоположного, и доброе, и

злое попеременно уступают место друг другу, и пределом доброго делается появляющийся порок; и все предначинания душ наших, одно другому противоположные и противящиеся, друг другу уступают место, и друг другом определяются. Но Естество простое, чистое, однообразное, непреложное, неизменяемое, всегда одно и то же, никогда из Себя не выходящее, потому что не допускает до Себя возможности быть в общении с злом, пребывает беспредельным в добре, не видя даже пред Собою и предела, потому что не имеет в виду ничего противоположного. Посему, когда человеческую душу привлекает к общению с Собою, тогда по преимуществу в лучшем в равной тому всегда мере ставит ее выше, нежели сколько она причастна; потому что душа по причастии превосходнейшего становится непрестанно выше себя самой, и, возрастая, не останавливается в возрастании; добро, которого она причастна, однако пребывает наравне с нею, и душа, всегда более и более причащающаяся наравне с тем находит оное непрестанно в преизбытке.

Итак, обратим взор на невесту, по восхождениям добродетели, как бы по ступеням лестницы, руководимую Словом на высоту. Сперва Слово «оконцами» Пророков и «сквозе мрежи» заповедей закона вводит светлый луч, приглашает ее приблизиться к свету и стать прекрасною при свете, приняв на себя вид голубицы. Потом, когда, сколько могла вместить, примет на себя красот, опять Слово, как еще вовсе непричастную красот, привлекает к приобщению красоты превышей, чтобы, по мере преспеяния, при представляющейся непрестанно новой красоте, возрастало в ней вместе пожелание, и представлялось ей, что она, по преизбытку открываемых всегда в высоте благ, едва только приступает к восхождению. Посему-то Слово восставшей уже невесте повторяет: «востани», и идущей: «прииди». Ибо и для того, кто действительно встал, никогда не прекратится нужда восставать непрестанно, и для поспешающего ко Господу не истощится путь к продолжению Божественного течения. Всегда надлежит восставать, и приближающимся даже к цели в течении своем никогда не успокаиваться. Сколько раз повторяет Жених:

«востани» и «прииди», столько же раз дает силу на восхождение к большему совершенству. Так разумеи и что далее предложено в слове. Повелевающий из прекрасной делаться прекрасною предлагает прямо апостольское слово, предписывая «в той же образ» преобразаться «от славы в славу» (2Кор. 3, 18), так что – слава для нас, если и непрестанно приемлемое и всегда обретаемое, хотя бы оно было чем-то наиболее всего великим и возвышенным, признается нами меньшим чаемого впоследствии, Посему и той, которая по прежним преспеяниям была голубицею, тем не менее снова повелевается по преобразовании в лучшее стать тою же голубицею. И если исполнится это последующее слово и то, что выше сего, покажет опять сим же наименованием.

Ибо говорит: прииди в себя, «голубице Моя, в покрове камене; близь предстения» (Песн. 2, 14). Посему какое восхождение к совершенству означает сказанным теперь? То, чтобы не иметь более в виду старания о привлекающем, но путеводителем к лучшему избрать собственное вождение. Ибо сказано: «прииди в себя»; не от скорби, не по нужде, но собственными своими рассуждениями, без понудительной необходимости, усилив в себе ревность о прекрасном, потому что добродетель не знает над собою властелина, произвольна, свободна от всякой необходимости. Таков был Давид, который молится, чтобы о вольных только делах его благоволил Бог (Псал. 118, 108), и дает обещание принести жертву «волею» (Псал. 53, 8). Таков каждый из святых, посвящающий себя Богу и приводимый к тому не нуждою. Посему и ты покажи совершенную готовность воспринять в себя вождение восхождения к лучшему. А соделавшись таковою, – говорит Слово невесте, – придешь в покров каменный, «близь предстения». Сказанное Словом (ибо загадочную сию речь надлежит переложить в более ясную) имеет такой смысл: один покров душе человеческой – высокое Евангелие; кто под сим покровом, тот после того, как истина раскрыла сокровенные гадания заповедей, не имеет уже нужды в учении прикровенном понятиями иносказательными и загадочными. А что «камнем» называется евангельская благодать, не будет сего оспаривать

никто, сколько-нибудь приобщившийся вере. Ибо из многих мест Писания можно дознать, что «камень» есть Евангелие. Посему смысл сказанного таков: если ты, душа, упражнялась в законе, если сквозь пророческие «оконца» увидела разумением лучи света, то не оставайся дольше под тению стены закона, потому что стена производит «сень грядущих благ», а «не самый образ вещей»: напротив того, перейди по близости от стены на камень, потому что камень в связи с «предстением»; так как евангельской вере «предстением» служит закон, и во взаимной между собою связи учения, одно другому по силе своей близкие. К заповеди: не прелюбодействуй, что ближе другой заповеди: не пожелай, и к этой: будь чист от убийства, также другой: не скверни сердца своего гневом? Итак, поелику «покров каменный» в связи «с предстением», то не далек для тебя переход со стены на камень. Обрезание на стене, обрезание и на камне; овца и здесь и там; там кровь, и здесь кровь; там Пасха, и здесь Пасха; и все почти тоже, одним и тем же между собою связано, кроме одного, что камень духовен, а стена перстна, и с стеною вместе образуется телесное и земное, а евангельский камень не имеет в себе плотского брения понятий. Но и обрезание приемлет человек, и пребывает всецело здоровым, не терпя никакой утраты от урезания в составе естества. Хранит он и субботу тем, что не делает зла, и не допускает праздности в добре, научившись, что делать добро позволительно и в субботу. Вкушение пищи признает безразличным, и не касается нечистого; ибо научен «Камнем», что не сквернит ничто входящее устами (Матф. 15, 11). Напротив того, отвергая во всем телесные наблюдения закона, смысл речений прелагает на духовное и разумное значение, согласно с Павлом, который сказал: «закон духовен есть» (Рим. 7, 14). Ибо кто так приемлет закон, тот становится под покровом евангельского «Камня», тесно соединенным с телесным «предстением».

Вот что взывало Слово невесте «в оконца», и прекрасно отвечает на это голубица сия, озаренная лучом мыслей, и уразумевшая «Камень», который есть «Христос» (1Кор. 10, 4). Ибо говорит: «яви ми зрак Твой, и услышан сотвори ми глас

Твой: яко глас Твой сладок, и образ Твой красен» (Песн. 2, 14). Сказанное же ею имеет такой смысл: не беседуй больше со мною пророческими и законными гаданиями, но в такой мере, сколько могу видеть, покажи мне Себя явно, чтобы стать мне внутри евангельского «Камня», оставив «предстение» закона. И сколько вместит мой слух, столько в уши мои дозволю войти гласу Твоему; ибо если глас этот и в «оконца» так сладок, то кольми паче будет любезен при явлении Твоем лицом к лицу. Так говорит невеста, уразумев тайну евангельского «Камня», на сколько руководило ее к тому многократно и многообразно в «оконцах» бывшее Слово, и приходит в вождение Богоявления во плоти, чтобы Слово стало плотию, Бог явился во плоти, и слуху нашему стал слышен Божественный глас, обещающий достойным вечное блаженство. Но как сходны с сим прошением невесты слова Симеона, который говорит: «ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, по глаголу Твоему, с миром: яко видесте очи мои спасение Твое» (Лук. 2, 29–30)! Ибо он увидел, как желала видеть невеста. Сладкий же глас Женихов познают приявшие благодать Евангелия, изрекшие: «глаголы живота вечного имаши» (Иоан. 6, 68).

Посему чистый Жених приемлет прошение невесты, как справедливое, и намереваясь показать Себя ей явно, сперва понуждает ловцов изловить лисиц, чтобы винограду не было от них больше препятствия к созреванию, говоря: «имите нам лисы», которые, хотя малы, но губят виноград: виноград же зацветет, если ничто не будет им больше причинять вреда. «Имите нам лисы малыя, губящия виноград: и виногради наши созревают» (Песн. 2, 15). Можно ли следовать за высотой сих мыслей по их достоинству? Какое чудо Божественного величия заключает в себе это слово! Какой преизбыток Божия могущества выражается значением сказанного! Тот, о ком говорится так многое, этот «человекоубийца» (Иоан. 8, 44), «во злобе сильный» (Псал. 51, 1), у кого язык изощрен, «яко бритва» (Псал. 51, 2) «со угльми пустынными» (Псал. 119, 4), «кто ловит, яко лев во ограде своей» (Псал. 9, 30), этот «змей великий» (Иез. 29, 3), «отступник» (Иов. 26, 13), «ад», расширяющий уста свои (Авв. 2, 5), «миродержитель» темной власти (Ефес. 6, 12),

имуций «державу смерти» (Евр. 2, 14), и как от лица его сказует пророчество тот, кто отемлет «пределы языков», которые «поставил»; как очевидно, Вышний «по числу Ангел Своих» (Втор. 32, 8), кто объемлет «вселенную, яко гнездо», и берет «яко оставленная яйца» (Псал. 10, 13), кто говорит, что выше облак поставит «престол» свой и будет «подобен Вышнему» (Ис. 14, 14), и о ком столько страшного и ужасного сообщает Слово в книге Иова, что «ребра его медяны, хребет его железо слияно» (Иов. 40, 13), и внутренности «якоже смирит камен» (Иов. 41, 6), и все подобное, чем только Писание изображает страшное это естество, – сей-то столько могущественный вождь столь многих демонских полчищ, какое имя получает от истинного и единственного Моущества? И его «малою лисою», а с ним и всех окружающих его, все подвластное ему воинство, с равным уничтожением именует лисами же Посылающий на уловление их ловцов, которыми могут быть ангельские силы, торжественно предшествующие Владыке при явлении Его на земле, вводящие в мир Царя славы и указующие незнающим, «кто есть сей Царь славы», крепкий и сильный «в брани» (Псал. 23, 8); а также может иной сказать, что это «служебнии дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение» (Евр. 1, 14); и еще иной в праве утверждать, что ловцы сии суть посланные для изловления сих зверей Апостолы, которым сказал Господь: «сотворю вы ловцы человеком» (Матф. 7, 4). Ибо не успели бы в ловитве человеков мрежею слова уловляющие души спасаемых, если бы сих зверей, этих малых лисиц, не изгнали прежде из нор, то есть из сердец, в которых они гнездились, и тем не очистили места Сыну Божию, где приклонить Ему главу, когда лисий род не будет больше гнездиться в сердцах.

По крайней мере, кого ни предполагает Слово ловцами, из данного им повеления познаем великое и неизреченное Божие могущество. Не сказало Слово: изловите «вепря от дубравы», озобавшего виноград Божий, или «уединенного дивия» (Псал. 79, 14), или рыкающего льва, или кита великого, или подводного змия. Ибо такими приказаниями Слово показало бы ловцам некоторую силу противоборствующих. Напротив того, как

говорит оно, все земные владычества, с которыми борьба у людей, начала, и власти, и миродержители тьмы, и духи злобы суть «малыя лисы», коварные и бедные в сравнении с нашею силою. Если их одолеете, то восприимете благодать свою. Виноград наш – естество человеческое, и плодоношение гроздов начинается цветами добродетельного жития. Итак, «имите нам лисы малыя, губящия винограды: и виногради наши созревают». Услышала Божие повеление виноградная лоза – жена, о которой говорит Давид: «жена твоя, яко лоза плодovitа» (Псал. 127, 3). И увидела она, что силою Повелевшего освобождена от губительства сих зверей, и немедленно предала себя Делателю, разорившему средостение ограды; потому что к единению с желанным не имеет уже препятствия в стене закона.

Но говорит: «аз Брату моему, и Брат мой мне, пасый в кринах, Дбндеже дхнет день, и двигнутся сени» (Песн. 2, 16–17), то есть, говорит невеста: лицом к лицу увидела я Присносущного, тем, что Он есть, но ради меня от сестры моей, синагоги, воссиявшего в человеческом образе, и в Нем успокаиваюсь, делаюсь Его обителию. Ибо Он есть Пастырь добрый, который не сено дает в пищу пасомым, но чистыми кринами питает овец, не сеном уже питая сено; потому что сено есть пища, свойственная естеству бессловесному, а человек, как существо словесное, питается истинным словом; а если насытится сеном, то сам сделается сеном. Сказано: «всяка плоть сено» (Ис. 40, 6), пока она плоть. Но если кто соделается духом, родившись от Духа, то уже не травяною будет кормиться пищею, но пищею его будет Дух, о чем и дают разуметь чистота и благоухание крина. Посему и сам питающийся будет чистым и благоуханным крином, изменяясь по свойству пищи. Вот тот день, который разливается, или дышит, лучами, как наименовало Божественное слово, разливание лучей, производимое Духом, назвав дыханием, от чего приходят в движение тени этой жизни, в которые со тщанием всматриваются не озарившие еще душевного ока светом истины, но на тень и суетное взирающие, как на нечто состоятельное, действительно же сущее упускающие из вида,

как не существующее. Напротив того, питающиеся кринами, то есть, утучняющие душу чистою и благоуханною пищею, удалив от себя всякое обманчивое и призрачное представление вожделеваемого в этой жизни, увидят истинную основу сущности вещей, став сынами света и сынами дня.

Видит сие невеста и побуждает Слово привести скорее в исполнение надежду приобщиться благ, говоря: «обратися, Брате, уподобися серне, или младу еленю на горах юдолей» (Песн. 2, 17). Как серна, смотри и Ты, Который видишь помышления человеческие, читаешь помыслы сердец. Уничтожь порождение злобы, как молодой елень, истребляя породу змей. Усматриваешь ли юдоли гор человеческой жизни, восстания которых подобны не вершинам, но дебрям? Посему-то Слово со всею скоростью поспешает на юдоли гор, потому что все высящееся против истины есть бездна, а не гора, юдоль, а не возвышенность. Почему, если ступишь на них, – говорит невеста, – то всякая таковая «дебрь наполнится», и всякая таковая «гора смирится» (Ис. 40, 4). Так говорит душа, которую пасет Слово, не среди каких-либо терний, или былий, но в благоухании кринов чистого жития, которыми да насытимся и мы, пасомые словом о Христе Иисусе, Господе нашем! Ему подобает слава и держава во веки веков! Аминь.

Беседа 6. Толкование на Песн. 3, 1–8

Песн.3:1. На ложи моем в нощех исках егоже возлюбил душа моя, исках Его, и не обретох Его, воззвах Его, и не послуша мене.

Песн.3:2. Востану убо, и обыду во граде, и на торжищах, и на стогнах, и поищу, егоже возлюбил душа моя: поисках Его, и не обретох Его, звах Его, и не послуша мене.

Песн.3:3. Обретоша мя стрегущии, обходящии во граде: видесте ли, егоже возлюбил душа моя?

Песн.3:4. Яко мало егда преидох от них, Дóндеже обретох, егоже возлюбил душа моя: удержал Его, и не оставил Его, Дóндеже введох Его в дом матери моея и в чертог зачещения мя.

Песн.3:5. Заклях вас, дщери иерусалимския, в силах, и в крепостех сельных: аще подвижете и воздвижете любовь, Дóндеже аще восхощет.

Песн.3:6. Кто сия, восходящая от пустыни, яко стебло дыма, кадящее смирну и ливан, от всех благовоний мироварца?

Песн.3:7. Се одр Соломонь, шестьдесят сильных окрест его от сильных Израилевых:

Песн.3:8. вси имущи оружия, научени на брань, муж, оружие его на бедре его, от ужаса в нощех.

В настоящем чтении из Песни песней снова научаемся великим и возвышенным догматам, потому что повествование невесты есть любомудрие, тем, что повествует она о себе, обучающее, какими пред Богом надлежит быть любителям премирной Лепоты. А что дознаем из предложенных словес, то подобно следующему – ибо, думаю, наперед надлежит изложить смысл, заключающийся в речениях, а потом уже привести богодухновенные сии изречения в связь с обозренным прежде – итак (если сказать, выразившись кратко), в сказанном открывается некое следующему подобное учение: естество существ, по самому высшему разделу, состоит из двух частей: одна часть – существа чувственные и вещественные, а другая – существа духовные и неведественные. Чувственным называем все, что постигаем чувствами, а духовным, – что не подлежит

чувственному наблюдению. И естество духовное не имеет пределов и неопределимо; а чувственное, без сомнения, объемлется некими пределами. Ибо кроме того, что всякое вещество различается по количеству и качеству, усматриваемые в нем объем, наружный вид, поверхность и очертание делаются пределом составляемого о нем понятия, так что исследывающий вещество ничего сверх этого не может заимствовать из своего представления. А духовное и невещественное, будучи свободно от подобного ограждения, ничем не ограничиваемое, не знает предела. Но и естество духовное делится также двояко: как есть несозданное Естество, творящее существа, всегда сущее тем, что Оно есть, всегда Само Себе тождественное, не приемлющее никакого приращения и не допускающее умаления благ; так и естество, приведенное в бытие сотворением, всегда обращает взор к первой Причине существ, и причастием Сей вечно преизбыточествующей Причины соблюдается в добре, и некоторым образом непрестанно создается, в следствие приращения благ изменяемое в нечто большее, так что и в нем не усматривается какого-либо предела, и возрастанию его в наилучшем не полагается никакой границы, а, напротив того, настоящее благо, хотя бы казалось оно особенно великим и совершенным, всегда и непрестанно служит началом высшего и большего. Посему и в этом оправдывается апостольское слово, когда естество, простираясь «в предняя», в забвение приходит о достигнутом прежде (Флп. 3, 13). Ибо всегда нечто большее, в преизбытке находимое добрым, к себе привлекая расположение причащающихся, не позволяет обращать взор к прошедшему, чрез наслаждение тем, что предпочтительнее, устрняя памятование о том, что ниже по достоинству. Посему, как думаем, такова мысль, которой научает нас невеста Любомудрием своего повествования. Но время уже сперва припомнить самую букву богодухновенных словес, а потом заключающийся в речениях смысл привести в связь с обозренным прежде.

«На ложи моем в нощех исках егоже возлюби душа моя, исках Его, и не обретох Его, воззвах Его, и не послуша мене.

Востану убо, и обыду во граде, и на торжищах, и на стогнах, и поищу, егоже возлюбил душа моя: поисках Его, и не обретох Его. Обретоша мя стрегущии, обходящии во граде: видесте ли, егоже возлюбил душа моя? Яко мало егда преидох от них, Дóндеже обретох, егоже возлюбил душа моя: удержал Его, и не оставил Его, Дóндеже введох Его в дом матери моея и в чертог зачещения мя» (Песн.3,1–4). Почему же в сказанном находим мысли, обозранные нами прежде догматически? В предшествующих восхождениях к Слову невеста при каждом совершившемся приращении изменяема была всегда к лучшему, и никогда не останавливалась на приобретенном ею благе. То уподоблена коням, ниспровергшим египетского мучителя; то еще по убранству на шее приравнена монистам и горлицам. Потом, как бы не удовольствовавшись сим, восходить еще к высшему; ибо по сладости нарда познает Божественное благоухание. Но и на сем не останавливается, а напротив того, и Самого еще Возлюбленного, как некий благовонный аромат, примыкает к себе посреди словесных сосцов, из которых источает вошедшие во вместилище сердца Божественные учения. После сего делает плодом своим Самого Делателя, именуя Его гроздом, который в цвете своем благоухает чем-то сладостным и приятным. И, достигнув такого возраста вследствие таковых восхождений, называется доброю, делается искреннею, и красота очей ее уподобляется голубям. Потом поступает еще к большему; потому что, соделавшись более острозрительною, дознает красоту Слова, и дивится, как, подобно доброй сени, нисходит Оно на одр дольней жизни, осененное вещественным естеством человеческого тела. При этом описывает в слове дом добродетели, для крыши которого пригодным веществом служат кедр и кипарис, не принимающие гнилости и тления, чем и объясняется в слове постоянство и непреложность расположения к добру. При этом сравнительно показывается и видоизменение ее в отношении к лучшему; представляется она крином в тернии; а также и ею усматривается различие Жениха с другими; потому что именуется Он яблонюю посреди бесплодного леса, которая красуется доброцветностию плодов, и под тень которой

пришедши невеста бывает в доме вина, утверждается «в мирех», полагается в плодах яблони, прижав в сердце избранную стрелу, и от сладостного уязвления сама делается опять стрелою в руках Стрельца, потому что левая рука направляет вершину к горней цели, а правая удерживает стрелу при себе. После сего, как достигшая уже совершенства, и прочим изображает в слове свое усердие к Любимому, и их каким-то заклинанием возбуждая к любви.

Посему, кто не скажет, что душа, столько возвысившаяся, находится на самом крайнем пределе совершенства? Однако же, конец достигнутого прежде делается началом руководства к высшему. Ибо все оное признано звуком гласа, посредством слуха, обращающего душу к созерцанию таинств; и она начинает видеть Любимого, являющегося очам в ином виде; потому что походит Он на серну и уподобляется молодому оленю. И сие явление не стоит неподвижным для нашего взора на месте своем, а напротив того, скачет по горам, с окраин перескакивая на вершины холмов. И снова невеста приводится в высшее состояние: когда пришел к ней другой глас, которым побуждается оставить тень стены, стать под открытым небом, и упокоиться «в покрове камене, близ предстения» (Песн. 2, 14), и насладиться весеннею красотою, собирая и цветы этого времени года зрелые, красивые и годные к «обрезанию» (Песн. 2, 12), и все, что только наслаждающимся дарит весна для наслаждения, при мусикийском пении птиц. И невеста, став от сего еще совершеннее, признает себя достойною явно увидеть лице Вещающего, и от Него принять слово, не чрез других уже произносимое. При сем справедливо снова ублажить душу, сим высоким восхождением пришедшую на самую вершину вождеваемого. Ибо кто примыслит для блаженства что-либо большее сего – видеть Бога? Но и это, как составляет конец достигнутого прежде, так делается началом надежды высших благ. Ибо невеста снова слышит глас, повелевающий ловцам, для спасения словесных виноградов, изловить портящих плоды зверей – оных малых лисиц. И когда сие сделано, начинается взаимное переходение одного в другого, и Бог бывает в душе, и душа также переселяется в Бога. Ибо говорить невеста: «Брат

мой мне, и аз» (Песн. 2, 16) в Нем, пасущем в кринах, и человеческую жизнь из подобных тени представлений преложившем в действительность существ. Видишь ли, на какую высоту вступила невеста, по пророческому слову, приходя «от силы в силу» (Псал. 83, 8)? Она достигла, кажется, самого верха в надежде благ; ибо что выше сего – пребывать в Самом Любимом, и в себя воспринять Любимого? Однако же, и сего достигши, снова сетует, как имеющая нужду во благе, и как не получившая еще предмета своего вождения, затрудняется, огорчается, и такое затруднение души объявляет, пересказывая о том всем, описывая в слове, как находила искомое.

Все же сие дознаем из обозрения предложенных нами речений, из которых ясно научаемся, что и величие естества Божия не ограничивается никаким пределом, и никакая мера ведения не служить таким пределом в уразумении искомого, за которым надлежало бы любителю высокого остановиться в стремлении «в предняя»; а напротив того, ум, высшим разумением восходящий к горнему, находится в таком состоянии, что всякое совершенство ведения, достижимое естеству человеческому, делается началом пожеланию высших ведений.

С точностию вникни в предлагаемое обозрению слово, выразишь наперед то, что чувственное изображение в слове есть брачный чертог, и что брачное некое учреждение представляет обозрению такие предметы, любомудрие о которых, значения сих понятий перелагая в нечто чистое и невещественное, посредством представляемого ими, излагает догматы, загадочным смыслом того, что делается при сем, воспользовавшись также к уяснению раскрываемого учения. Посему, так как слово душу представило невестою, от всего же сердца, от всей души и всею силою любимый ею Бог именуется Женихом; то в следствие сего душа, пришедши, как думала, на самую вершину уповаемого, и помыслив о себе, что уже в самом тесном единении с Возлюбленным, совершенное приобщение блага именуется «ложем», и «нощию» называет время тьмы, именем же ночи указывает на созерцание невидимого, подобно тому, как созерцал Моисей, быв во мраке,

«идеже бяше Бог» (Исх. 20, 21), как говорить Пророк, «положивый тму закров Свой, окрест Его» (Псал. 17, 12). В сию-то тму поставленная душа научается тогда, что от достижения совершенства она столько же далека, как и не приступавшие еще к началу; ибо говорит: как сподобившаяся совершенства, уже как бы на ложе каком упокоеваясь в постижении познанного, когда, оставив чувствилища, пребывала я внутри невидимого, когда объята была Божественною ночью, ища Сокровенного во мраке, тогда, хотя имела я любовь к Возлюбленному, но это Любимое мною улетало из объятия помыслов. Искала я Его «на ложи моем в нощех», чтобы познать, какая Его сущность, откуда ведет начало, чем оканчивает, в чем Его бытие, но «не обретох Его» (Песн. 3, 1), звала Его по имени, какое только можно мне было изобрести имя для Неименоваемого, но не было имени, значение которого касалось бы Искомое. Ибо как званием по имени мог быть обретен, Кто «паче всякого имени» (Флп. 2, 9)? Посему-то говорить невеста: «воззвах Его, и не послуша мене» (Песн. 3, 1). Тогда познала я, что великолепию, славе и святине Его нет конца. Посему-то снова восстает и озирает мыслию духовное и премирное естество, которое именует «градом». Вот, – говорит, – Начала, Господства и поставленные для Властей Престолы (это «торжество» небесных, (Евр. 12, 23), которое именует она «торжищем», это необъятное числом множество, которое означает именем «стоги»), не найдется ли между ними Любимое? Посему невеста, разыскивая, обошла весь ангельский чин, и когда в обретенных благах не увидела Искомое, так стала рассуждать сама с собою: не постижимо ли хотя для Ангелов Любимое мною? и говорить им: не «видесте ли» хотя вы, «Егоже возлюби душа моя?» (Песн. 3, 3) Поелику же молчали на такой вопрос, и молчанием показали, что и для них непостижимо Искомое ею, то, когда пытливым умом обошла весь оный премирный град, и от духовных и бесплотных существ не узнала Желанного, тогда, оставив все обретаемое, таким образом, признала Искомое по одной непостижимости того, что Оно такое; потому что в сем Познаваемом всякий постижимый признак служит для ищущих препятствием к

обретению. Посему говорит: «мало егда преидох от них» (Песн. 3, 4), оставив всю тварь, и прошедши все умопредставляемое в твари, миновав всякий доступный путь, верю «обретох» Любимое, и уже не выпущу из объятия веры Обретенного, держась Его, пока не будет внутри «чертога» моего. А чертог, без сомнения есть сердце, которое тогда делается вместительным для Божественного вселения, когда возвращается в состояние, в каком было первоначально при образовании своем «заченшею». И, конечно, кто под именем «матери» будет разумеать первую причину нашего устройства, тот не погрешит. Но время Божественные вещания снова предложить в буквальном их чтении, чтобы речения сии применить к обозренному. «На ложи моем в нощех исках егоже возлюбил душа моя, исках Его, и не обретох Его, возвах Его, и не послуша мене. Встану убо, и обыду во граде, и на торжищах, и на стогнах, и поищу, егоже возлюбил душа моя: поисках Его, и не обретох Его. Обретоша мя стрегущии, обходящии во граде: видесте ли, егоже возлюбил душа моя? Яко мало егда преидох от них, Дóндеже обретох, егоже возлюбил душа моя: удержал Его, и не оставил Его, Дóндеже введох Его в дом матери моея и в чертог зачещения мя» (Песн. 3, 1–4). После этого невеста снова по человеколюбию беседует со дочерьми иерусалимскими (которых прежде сравнительно по красоте с невестою, уподобленную крину, Слово наименовало тернием) и, заклиная силами мира, возбуждает к равномерной любви, чтобы изволение Жениха и на них оказалось действенным. Но в предшествовавших беседах говорено было, какой это мир, в котором сии крепости и силы, и какое это изволение Любимого от всего сердца и от всей души, и потому нет потребности снова длить слово о том же, когда обозрен уже нами смысл сих речений, достаточно объясняющий разумеемое в сем месте. Напротив того, поступим к продолжению слова, если только возможно будет и нам взойти с этою совершенною голубицею, воспаряющею в высоту, и услышать голос друзей Жениховых, в чудо вмещающих восхождение ее от пустыни, которое тем паче увеличивает изумление в зрителях, что пустыня производить подобную, так что уподобляется она красоте деревьев,

возвращенных в пустыне испарениями благоуханий; а благоуханиями были смирна и ливан. Вместе с испарением их восставала и восходила вверх какая-то пыль утонченных ароматов, так что вместо сей пыли, растворенной в воздух, было разлияние тонких ароматных частиц, от чего пыль подымалась прямо ввысь. Читается же сие так: «кто сия восходящая от пустыни, яко стебло дыма кадящее смирну и ливан, от всех благовоний мироварца?» (Песн. 3, 6).

Если кто с точностью вникнет умом в сказанное, то найдет истину учения, какое мы предуразумели. Как в зрелищных представлениях, хотя одни и те же показывают в действии данную им историю, однако же зрители об изменяющих разными личинами на себе вид думают, что являются совершенно другие, и в являющемся теперь рабом и частным человеком вскоре потом видят витязя и воина, и он опять, оставив наружность подчиненного, принимает на себя вид военачальника, или даже облачается в образ царя: так и преспевая в добродетели, не всегда с теми же отличительными чертами остаются, по причине вожделения высших благ, преобразующиеся «от славы в славу» (2Кор. 3, 18); а напротив того, непрестанно, по мере преспевающего в каждом совершенства сих благ, просиявает особая некая свойственная жизни черта, из одной изменяемая в другую, по причине приращения благ. Посему, кажется мне, удивляются видимому друзья Жениховы, которые еще прежде знали невесту доброю, да и «доброю в женах»; а после того убрали красоту ее «подобием злата с пестротами серебра» (Песн. 1, 10). Теперь же, не усматривая в ней ни одного из прежних признаков, но отличая по высшим приметам, дивятся не только восхождению, но и тому, откуда могла придти. Ибо сие служит к усилению изумления, что видят восходящею одну, и видимое уподобляется роще дерев. Им представляется, что видят выбегающие и вырастающие в высоту «стебла». Питает же стебла сии не тучная какая-либо и орошенная, но сухая, жаждающая, пустынная земля. Посему, в чем же укореняются стебла сии, и из чего растут? Корнем для них служит ароматная пыль, а поливкою – испарение благоуханий, орошающее рощу

сию благовонием. Сколько слово сие заключает в себе похвал той, о которой засвидетельствовано подобное сему? Ибо то, что друзья Жениховы спрашивают друг друга о представшей их взорам, как об являющейся в ином виде, а не в прежнем образе, служит совершеннейшею похвалою преспеяния в добродетели, свидетельствуя о великом изменении и превращении в невесте к лучшему. Ибо вот слова удивляющихся, вменяющих в чудо этот, вопреки обычному виду цветущий образ: «сия восходящая от пустыни» (Песн. 3, 6), как прежде мы видели, была черна, как же сложила с себя очерненный образ? От чего белоснежным блистает у нее лице? Пустыня, как видно, причиною сего; она сделала то, что невеста, подобно некоему отпрыску, дала побеги в высоту; пустыня претворила ее в такую красоту. Ибо не по случайному какому стечению обстоятельств, и не по безрассудному какому жребию произошло восхождение ее на высоту; напротив того, собственными трудами, воздержанием и попечительностью приобрела красоту. Так некогда и душа Пророка соделалась жаждущею Божественного источника, потому что «плоть» его, став «пустою, непроходною и безводною», ощутила в себе Божественную жажду (Псал. 62, 2). Посему и невеста тем самым, что восходит от пустыни, представляет о себе свидетельство, что внимательностию и воздержанием вошла на великую и значительную высоту, и чрез это соделалась чудом для друзей Жениховых, которые красоту ее объясняют многими подобиями, потому что одним и объять всего не возможно. И сперва уподобляют изящество ее «стеблю», и стеблю не одному, но делается уподобление примечаемых в ней чудес множеству деревьев, чтобы изображением рощи указывалось на многовидность и разнообразие добродетелей. Потом в образ красоты берется кадильный дым, и притом не простой, но срастворенный из «смирны» и «ливана», чтобы в одно сливалась приятность их испарений, которыми изображается красота невесты. Новою для нее похвалою служит соединение сих ароматов. Смирна употребляется при погребении тел, а ливан по некоей причине освящается в честь Богу. Посему намеревающийся посвятить себя на служение Богу не иначе

будет ливаном, воскуряемым Богу, как разве соделается прежде смиренною, то есть, умертвит «уды свои, яже на земли» (Кол. 3, 5), спогребшись Приявшему за нас смерть, и умерщвлением удов на собственную свою плоть восприяв ту смиренную, которая употреблена при погребении Господа (Иоан. 19, 39). А по совершении сего всякий вид благоуханий добродетели, раздробленных, как бы в ступе какой, в колесе жизни, производит из себя ту сладостную пыль, которую прияв с дыханием, благоуханным делается тот, кто исполнен умащенного миром духа.

После свидетельства о красоте невесты, друзья Жениховы, уготовители чистого брачного чертога, невестоводители непорочной невесты, показывают ей красоту царского одра, чтобы тем паче привести невесту в вождение Божественного и пречистого сожителства с Царем. Вот описание царского одра, на который указывая невесте, представляют ее взору изображаемое в слове; ибо говорят: «се одр Соломонь, шестьдесят сильных окрест его от сильных Израилевых, вси имуще оружия, научены на брань: муж, оружие его на бедре его, от ужаса в нощех» (Песн. 3, 7–8). Что сего сказания об одре нет в истории, ясно будет всякому из повествуемого о Соломоне в смысле плотском. Слово со всею точностию описало его дворец, трапезу и прочий образ жизни в продолжение царствования, но об одре не сказало ничего нового и особенного; почему по всей необходимости должно не останавливаться в толковании на букве, но при тщательнейшем некоем наблюдении, отступив мыслию от вещественного значения выражений, обратить речь к духовному обзору. Ибо какое украшение для брачного одра составят шестьдесят оруженосцев, у которых все сведения – военные страхи, а наряд – примкнутое при теле оружие и окружающий их ночной ужас? Писание словом «ужас», какой, как говорит оно, бывает при сих оруженосцах, указывает на исступленную боязнь, происходящую от каких-то ночных страхований. Посему всячески должно отыскать в сих речениях какой-либо смысл, сообразный с обозренным прежде. Какой же это смысл? Кажется, что Божественная красота имеет в страшном

достолубезное, делающееся видимым по противоположности красоте телесной: ибо в телесной красоте влечет к вожделению, что приятно и усладительно на взгляд и далеко от всякого страшного и раздраженного расположения, а она пречистая красота есть страшное и изумляющее мужество. Поелику страстное и нечистое вожделение телесное, имеющее себе место в плотских членах, как разбойничье какое скопище, строит козни уму, и, уловив его в свою волю, нередко отводит в плен, а это враждебно Богу, потому что, как говорит Апостол, «мудрование плотское вражда на Бога» (Рим. 8, 7), то следует любви Божественной происходить от противоположного телесному вожделению, так что, если последним правят во всем вольность, изнеженность и прихотливая роскошь, то устрашающее и изумляющее там мужество делается пищею Божественной любви. Ибо когда мужественное раздражение приведет в ужас и обратит в бегство засаду сластолюбия, тогда откроется чистая красота души, неоскверняемая никакою страстию телесного вожделения. Посему-то брачный одр Царя по необходимости окружается оруженосцами, которых опытность в военном деле и готовый при бедре меч производят ужас и изумление в омраченных помыслах, подстерегающих ночью и «во мраце состреляющих правыя сердцем» (Псал. 10, 2).

А что вооружение остенияющих собою одр истребительно для нечистых удовольствий, это сделается явным из описания, в котором слово говорит: «вси научени на брань: муж, оружие его на бедре его» (Песн. 3, 8). Ибо действительно, имея при бедре привешенный меч, знающим можно, как надлежит, вести брань с плотию и кровию. Да и не несведущий в понятиях и загадочных речениях Писания по упоминанию о бедре понимает, конечно, означаемое, а именно, что меч есть Слово. Посему, кто препоясан сим страшным оружием (разумею меч целомудрия), тот достолубезен для нетленного одра, есть один от «сильных Израилевых», и достоин быть включенным в список шестидесяти.

Не сомневаемся же, что и число сие имеет некое таинственное значение; но это явно тем одним, кому благодать

Духа открывает сокровенные тайны. А мы утверждаем, что хорошо довольствоваться с первого взгляда усматриваемыми понятиями в слове, как узаконяет Моисей о Пасхе, чтобы употребившие в снедь снаружи видимые мяса не касались с пытливостью скрытого в костях неясности (Исх. 12, 10). Если же кто вожделевает сокровенных мозгов слова; то пусть просит у Открывающего сокровенное достойным. Впрочем, чтобы не показалось, будто бы обходим слово без упражнения в нем, и не радим о Божией заповеди, повелевающей «испытывать Божественные Писания» (Иоан. 5, 39), сказанное о шестидесяти рассмотрим так. Двенадцать жезлов, по числу колен Израилевых, берутся Моисеем по повелению Божию; но всем предпочтен один – как один из всех прозябший. Еще Иисусом Навином берутся из Иордана камни в равном числе с коленами Израильскими, и ни один из них не отринут; потому что все равночестно приняты во свидетельство таинства на Иордане. В сих повествованиях большая есть последовательность; ибо слово показывает некоторое преспеяние народа в усовершенствовании себя, так что в начале законодательства нашелся один живой и прозябший жезл, прочие же отринуты, как сухие и бесплодные; но по прошествии долгого времени, когда Израильтяне достигли точнейшего уразумения законных им предписаний, так что поняли и приняли вторично совершенное над ними Иисусом обрезание, и когда каменный нож отъял у них все нечистое (конечно же, разумный слушатель понимает означаемое камнем и ножом): тогда, по утверждении в них законной и добродетельной жизни, как и естественно было ни один из камней, взятых во имя колен Израильских, не оказался отринутым. Поелику же всегда надлежит домогаться приращения благ, то, когда прошло время, и сил у Израиля стало больше, ибо в предлагаемых нам изречениях Слово говорит о «сильных Израилевых», тогда берется уже не по одному камню, или по одному жезлу, от колена, но, вместо жезлов или камней, от каждого колена по пяти мужей воителей, «наученных на брань от сильных Израилевых», вооруженных мечем, остенияющих собою Божественный одр, из которых посему ни один не бывает отринут, потому что пять делаются

начатком каждого колена, а это число, двенадцать раз само с собою сложенное, дает полное число шестидесяти. Посему надобно, чтобы от каждого колена пять страшных оруженосцев стали хранителями царского одра, так что если бы не доставало до пяти, то не полное число не было бы и принято. Но нельзя ли, наконец, отважиться на рассуждение о том, почему от каждого колена вооружаются пять воинов, чтоб стать стражами царского одра, и почему каждый из сих пяти по вооружению, привесив к бедру меч, делается страшным для противоборствующих? Или очевидно, что единый камень заменяют сии пять оруженосцев, служа каждому чувству, имеющему при себе, на поражение сопротивников, приличный ему меч? Меч ока – всегда взирать ко Господу, смотреть прямо и не оскверняться никаким нечистым зрелищем. Оружие также слуха – слышание Божественных учений и то, чтоб не принимать никогда слухом суетного слова. Так можно и вкус, и осязание, и обоняние вооружить мечем воздержания, обороняя, чем следует, каждое из чувств. От сего оцепенение и ужас поражают потемненные помыслы, для которых удобным временем строить козни душам служат ночь и тьма, когда, – сказал Пророк, – дикие звери с лукавством отыскивают себе пищу в стадах Божиих, ибо сказано: «положил еси тму, и бысть ночь, в нейже пройдут вси зверие дубравнии: скимни рыкающие восхитити» (Псал. 103, 20–21). Поелику же всякий спасаемый делается Израильтянином: «не вси бо сущии от Израиля, сии Израиль» (Рим. 9, 6); напротив того, всякий, кто устремляет взор к Богу, за такой образ действия в собственном смысле называется сим именем; взирающему же на Бога свойственно ни одним из чувствилищ не обращаться ко греху (ибо никто не может взирать на двоих господ, но одному надлежит стать ненавистным, если соделается любимым другой), то посему самому все спасаемое делается единым одром Царя. Ибо, если все, соделавшиеся «чистыми сердцем узрят Бога» (Матф. 5.8), видящие же Бога в собственном смысле бывают и именуются Израилем; а сие имя по какой-то сокровенной причине делится на двенадцать колен: то полнота спасаемых прекрасно слагается из числа шестидесяти, когда от каждой части берется

один, и этот один по числу чувств делится на пять оруженосцев. Посему-то один Царев одр окружают все облекшиеся «во вся оружия Божия» (Ефес. 6.11), все соделавшиеся Израилем, и поелику, при представляемой повсюду в двенадцати коленах доблести, вся полнота доблестных слагается из числа шестидесяти; то все единым чинопачальником, Екклесиастом и Женихом счисляемые в общение единого тела, будут единый полк, единое воинство, единый одр, то есть, одна Церковь, один народ, одна невеста.

А что одр есть упокоение спасаемых, сему научаемся словом Господа, Который без стыда ударяющему в двери ночью говорит: «уже двери затворены суть, и дети со мною на ложи суть» (Лук. 11, 7). Прекрасно же слово тех, которые с оружием правды преуспели в бесстрастии, именует детьми, давая нам знать чрез это, что благо, приобретаемое нашею попечительностью, есть не какое-либо иное с сообщенным естеству в начале. Ибо и препоясавшийся мечем внимательностью к добродетельной жизни устранил от себя страсть; и младенец по возрасту нечувствителен к таковой страсти, потому что незрелость возраста не дает страсти места. Посему вместе можно дознавать, что есть при одре оруженосцы, и что покоющиеся на одре – младенцы; потому что одно бесстрастие в тех и других; одни не принимали в себя страсти, а другие удалили ее от себя; одни еще не познали, а другие, обратившись и став детьми по бесстрастию, восставили себя в первобытное состояние. Посему блаженное дело оказаться в числе их, соделавшись или младенцем, или оруженосцем, или истинным Израильтянином: Израильтянином, как в чистоте сердца взирающим на Бога; оруженосцем, как в бесстрастии и чистоте охраняющим царев одр, то есть, сердце свое, и младенцем, как покоющимся на блаженном ложе о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава во веки веков! Аминь

Беседа 7. Толкование на Песн. 3:9–4:7

Песн.3:9. Одр сотвори себе Царь Соломон от древес ливанских.

Песн.3:10. Столпы его сотвори сребряны, и восклонение его злато, восход его багрян, внутрь его камение постлано, любовь от дочерей иерусалимских.

Песн.3:11. Дщери Сиони, изыдите и видите в Царе Соломоне, в венце, имже венча Его мати Его, в день обручения Его, и в день веселия сердца Его.

Песн.4:1. Се еси добра, ближняя Моя, се еси добра: очи твои голубине, кроме замолчания твоего: власи твои, яко стада козиц, яже открышася от Галаада.

Песн.4:2. Зубы твои, яко стада остриженных, яже изыдоша из купели, вся двоеплодны, и неродящая нест в них.

Песн.4:3. Яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна; яко обращения шипка ланиты твои, кроме замолчания твоего.

Песн.4:4. Яко столп Давидов выя твоя, создан в Фалпиофе: тысяща щитов висит на нем, вся стрелы сильных.

Песн.4:5. Два сосца твоя яко два млада близнца серны, пасомая в кринах, Дбндеже дхнет день, и подвигнутся сени.

Песн.4:6. Пойду себе к горе смирей, и к холму Ливанску.

Песн.4:7. Вся добра еси, ближняя Моя, и порока несть в тебе.

Царь Соломон по многому приемлется в образе истинного Царя – разумею же многое, во Святом Писании повествуемое о нем в лучшую сторону. Ибо называется мирным, имеет безмерную мудрость, созидает храм, царствует во Израиле и судит народ в правде, и происходит от семени Давидова, да и царица Ефиоплян приходит к нему. Все сие и подобное сему скажется о нем прообразовательно, преднаписует же силу Евангелия. Ибо кто столько мирен, как «убивший вражду» (Ефес. 2, 16), «пригвоздивший на кресте» врагов Своих (Кол. 2, 14), нас, лучше же сказать, «мир примиривший Себе» (2Кор. 5, 19), «и средостение ограды разоривый, да оба созиждет Собою

во единая нового человека, творя мир» (Ефес. 2, 14–15), проповедавший «мир дальним и ближним» (Ефес. 2, 17) чрез «благовествующих благая» (Рим. 10, 15)? Кто таковой здатель храма, как положивший «основания его на горах святых» (Псал. 86, 2), то есть, на Пророках и Апостолах, назидующий же, как говорит Павел, «на основании Апостол и Пророк» (Ефес. 2, 20) «камение живо» (1Петр. 2, 5), камни одушевленные, которые, по слову пророческому (Зах. 9, 16), сами собою катятся, чтобы сложиться в стены, и чтобы, когда ни единством веры и союзом любви прилажены будут один к другому, возросла чрез них «Церковь Святая», и совершилось «жилище Божие Духом» (Ефес. 2, 21–22)? А что мудростию своею Соломон означает истинную Премудрость, тому, принимая во внимание историю и действительность, не станет противоречить никто; ибо история свидетельствует о Соломоне, что он преступил за пределы человеческой мудрости, вместив на «широте сердца» ведение всего, так что и предшественников превзошел и для потомков стал недостижим, И Господь по естеству Своему, по тому самому, что такое Он, есть Сущность истины, премудрости и силы. Посему, так как сказано Давидом: «вся премудростию сотворил еси» (Псал. 103, 24), Божественный Апостол, толкуя Пророка, говорит, что «Тем создана быша всяческая» (Кол. 1, 16), и сим дает знать, что словом: «Премудрость» Пророк означает Господа. А что Господь есть Царь Израилев, это засвидетельствовано и врагами Его, надписавшими на кресте признание Его царского сана: «Сей есть Царь Иудейск» (Лук. 23, 38). Ибо принимаем сие свидетельство, хотя думают иные, что оно умаляет величие державы, ограничивая владычество Господа царством Израильским. Но на деле выходит не так; напротив того, сие надписание на кресте, упоминая о части, восписует начальство над всем уже тем, что не прибавляет: Сей есть Царь «одних» иудеев. Ибо надпись без ограничений, засвидетельствовав начальство Его над иудеями, в признании сем не сказав того ясно, подразумевала и державу над всеми; потому что Царь всей земли, конечно, имеет владычество и над частию ее. И заботливость Соломона о правдивом суде означает истинного Судию всего мира, Который говорить: «Отец

не судит никомуже, но суд весь даде Сынови» (Иоан. 5, 22), и: «не могу о Себе творити ничесоже, но, якоже слышу, сужду: и суд Мой праведен есть» (Иоан. 5, 30). Ибо вот самый крайний предел правдивого суда – не от себя, по какому-либо пристрастию, давать решение подсудимым, но сперва выслушивать подлежащих суду, а потом уже делать о них приговор. Посему-то сила Божия признает нечто и для нее невозможным; ибо Истина не может уклонить суд от правды. А что Господь по плоти от семени Давидова, и что предуказуется сие рожденным от Давида, о том, как о признаваемом всеми, умолчим в слове.

Тайна же, заключающаяся в сказании о царице ефиопской, почему, оставив ефиопское царство и прошедши столь великие расстояния, поспешает она к Соломону по славе о мудрости его, принося царю в дар «камение драгоценное», золото и сладости «ароматов» (3Цар. 10, 10), соделается ясною для познавшего, к какому из евангельских чудес она относится. Ибо кто не знает, что первоначально церковь из язычников прежде, нежели соделалась Церковию, черна была идолослужением, и великим расстоянием «неведения» (Деян. 17, 30) отделялась от ведения истинного Бога? Но когда «явися благодать Божия» (Тит. 2, 11), воссияла Премудрость, и истинный Свет изливал лучи свои к сидящим во тьме и сени смертной, тогда, поелику Израиль смежил очи для Света, и сам себя соделал далеким от причастия благ, приходят ефиопляне – с верою притекающие язычники, и «бывшие иногда далече» стали «близ» (Ефес. 2, 3), омыв черноту таинственною водою, так что «Ефиопия» предваряет «руку свою к Богу» (Псал. 67, 32), и «дары приводит» Царю (Псал. 71, 10): ароматы благочестия, злато Боговедения и «камение драгоценное» делания заповедей и добродетелей.

Но что имея в виду, с сего начинаю предстоящее нам обозрение речений, объясню это в слове, предложив уже наперед буквальное чтение Божественных словес, которое таково: «одр сотвори себе Царь Соломон от древес ливанских. Столпы его сотвори серебряны, и восклонение его злато: восход его багрян, внутрь его камение постлано, любовь от дочерей

иерусалимских» (Песн. 3, 9–10). Посему, как в исследованном прежде о Соломоне Слово нашло, какими чертами в этом лице описывается таинство храма, так и уготовлением одра означает домостроительство о нас, потому что Бог многообразно бывает в достойных Его, столько бывая в каждом, сколько возимет каждый силы и достоинства. Ибо один делается неким местом Божиим, а другой – домом, иной – престолом, а иной – подножием; а еще иной делается колесницею или послушным конем, приемлющим на себя доброго Всадника и в угодность Правящему совершающим свой бег. А как научаемся теперь, иной бывает и одром Его, именно же, кто премудростию Его устрояется не только из деревьев ливанских но и из золота, серебра, багряницы и камней, что прилично каждой части, и чем приводится в действие любовь Божия, потому что не всякий вмещает действенность любви, но разве о ком известно по жизни, что это «дщерь вышнего свободного Иерусалима» (Гал. 4, 26). Посему, что носящий в себе Бога служить одром Обитающему и Восседающему в нем, это может быть ясным и прежде наших объяснений; потому что кто, подобно святому Павлу, живет «не к тому» сам, но имеет живущего в нем Христа (Гал. 2, 20), и представляет доказательство «глаголющего» в нем «Христа» (2Кор. 13, 3), тот в собственном смысле называется и бывает одром для Носимого на нем и им Держимого. Но не в этом состоит искомое нами; надлежит же паче со тщанием выразуметь, что означает разнообразием и разнородностию вещества.

Итак, почему на устроение одра вместе с золотом, серебром, багряницею и камнями берется и дерево? Между тем, «премудр архитектон» Павел вместе с «сеном и тростием», и дерево признает негодным к построению дома, как истребляемое искушающею «дело» губительною силою огня (1Кор. 3, 10–13). Но мы знаем некоторый род дерева, не остающегося тем, что оно есть, но превращающегося в золото, или серебро, или что-либо иное драгоценное. Ибо «в велицем дому» Божиим, – говорит Апостол, – есть «сосуди злати и сребряни» по естеству, давая сим, как думаю, разуметь тварь бесплотную и духовную, а также «древяни и глиняни», означая

ими, может быть, нас, которых преслушание оземленило и сделало глиняными, а грех вкушением от древа из золотых сосудов обратил в деревянные. По достоинству же вещества распределяется и употребление сосудов: те, которые из вещества более дорогого, назначаются «в честь», а другие оставляются на служение нечестное. Но что говорит о таких сосудах Павел? Что во власти сосуда, по собственному его произволению, или из деревянного сделаться золотым, или из глиняного серебряным; ибо Апостол говорит: «аще кто очистит себе, будет сосуд в честь Владыце, на всякое дело благое уготован» (2Тим. 2, 20–21). Посему, сказанным приводимся, может быть, несколько к предлагаемому в слове умозрению. Гора Ливан во многих местах Святого Писания упоминается в показание сопротивной силы; так, когда говорится у Пророка: «стрыет Господь кедры ливанския, и истнит я» и Ливан, «яко тельца» (Псал. 28, 5–6), очевидно, того тельца, который в пустыне стерт в прах Моисеем, и по мелкости частиц стал удобопиемым для Израильтян. Ибо пророчеством объясняется здесь, что, не только порожденные сопротивною силою бедствия, но и самая гора – первоначальный корень зла, этот Ливан, питающий вещество таковых дерев, приведены будут в ничто. И так мы некогда были деревьями на Ливане, пока укоренялись в нем порочною жизнью и прелестью идольскою; но поелику словесною секирою ссечены мы с Ливана и стали в руках Художника, то соделал Он из нас одр Себе, естество дерева пакибытием претворив в серебро и золото, в доброцветную багряницу и в блестящие камни.

И как, – говорит Апостол, – Бог каждому в меру его разделяет дары Святаго Духа, одному дает «пророчество, по мере веры» (Рим. 12, 6), а другому – другое какое-либо из действ, к какому каждый сроден и какую может приять благодать, или став «оком» тела Церкви, или будучи поставлен на место «руки», или подпирая тело, как «нога», так и в устройстве одра один делается «столпом», другой «восходом», иной же, как часть служащая для головы, наименован «восклонением», а есть и такие, которые назначены «внутри». Для всего этого, по какому-то закону, примышляет Художник

неоднородное вещество на убранство, но, хотя все украшается красотою, однако же для каждой из сих частей примышляется различная и соответственная краса. Почему «столпы» одра – серебро; а восходы их – багряница; «восклонение» же под головою, на которое Жених приклоняет главу Свою, – из золота, и вся внутренность испещрена драгоценными камнями. А потому под «столпами» разумеать должно столпов Церкви, у которых слово в точности «сребро» чисто и «разжжено» (Псал. 11, 7). Багряница же – это в высоком житии восшедшие на царство; потому что багряница почитается отличительным признаком царского достоинства, И владычественное его, на что Устроивший одр восклоняет главу Свою, – это золото чистых догматов. Все же невидимое и сокровенное украшается чистою совестью драгоценных камней, и из них всех составляется «любовь от дочерей иерусалимских» (Песн. 3, 10).

А если угодно кому одром назвать всю Церковь, и части одра разделит Он, по различиям действий каким-либо лицам, как говорено было о сем прежде; то и в сем случае весьма удобно будет Слову части одра применить к каждому чину, установленному в Церкви, как говорит Апостол: «положи Бог в Церкви первее Апостолов, второе Пророков, третье учителей, потом и» все один за другим чины (1Кор.12,28), «к совершению святых» (Ефес.4,12). Посему под именами веществ, служащих к устройству одра, разумеются священники и учителя, и честное девство, внутри одра чистотою добродетелей блистающее, как бы какими лучами камней. Но о сем довольно.

Последующая же часть слова заключает в себе увещание невесты дочерям иерусалимским. Как великий Павел почитал для себя ущербом, если не соделает «всех» (1Кор.7,7) причастниками собственных своих благ, а потому слушающим говорил следующее: «будите якоже аз: зане и аз» был некогда подобен вам (Гал.4,12), и: «подражатели мне бывайте, якоже аз Христу» (1Кор.11,1): так и человеколюбивая невеста, сподобившись сама Божественных Владычных таин, когда увидела ложе Царя и соделалась Его одром, вызывает отроковицам (а ими могут быть души спасаемых), говоря: долго ли останетесь заключенными в вертепе этой жизни? Изыдите из

прикровений естества, видите дивное зрелище, став дщерями Сиона, зрите венец весьма приличный главе Царя, который возложила на него мать по слову Пророка, говорящего: «положил еси на главе Его венец от камене честна» (Псал. 20, 4). Конечно же, никто из осмотнительных в суждении, когда речь о Боге, не будет строго разбирать значения имени, почему вместо Отца упоминается мать, в том и другом речении находя один смысл, потому что Божество и не женского, и не мужеского пола. Да и как о Божестве помыслить что-либо подобное, когда и в нас – людях не на всегда остается это, а, напротив того, когда «все» делаемся «едино о Христе», тогда и признаков сего различия совлекаемся с целым ветхим человеком (Гал.3,28)? Посему-то всякое, какое ни найдется, имя равносильно для указания на естество нетленное, потому что ни женский, ни мужеский пол не сквернят своим именованьем значения, какое имеет естество пречистое. Посему-то в Евангелии говорится, что Отец творит «браки» (Матф. 22, 2), и Пророк Богу говорит: «положил еси на главе» Его «венец от камене честна»: а здесь сказано, что венец на Жениха возлагается матерью. Поелику брак один, и невеста одна, и Одним возлагается на Жениха венец, то вовсе нет разности, назвать ли едиnorodного Бога Сыном Божиим, или, по выражению Павла, «Сыном любви» Божией (Кол. 1, 13); потому что по тому и другому именованию одна сила уневещивает Его для сожителства с нами. Посему невеста говорит отроковицам: «изыдите» и будьте дщерями Сиона, чтобы с высокой стражбы (так толкуется Сион) возмogli вы увидеть чудное зрелище – венценосного Жениха. Венцем же для Него делается Церковь, вокруг объемлющая главу Его одушевленными камнями. Соплетатель такового венца есть любовь, и не погрешит, кто матерью назовет ее, или любовию; потому что, по слову Иоанна, «Бог Любы есть» (1Иоан. 4, 8). Этим венцем, – сказует невеста, – увеселяется Жених, восхищаясь брачным сим украшением: ибо радуется, как действительно соделавший Церковь Своею сожительницею, увенчаваемый добродетелями отличнейших в ней. Но лучше присовокупить самые Божественные изречения, буквально читаемые так: «дщери

Сиони, изыдите и видите» Царя Соломона «в венце, имже венча Его мати Его, в день обручения его, и в день веселия сердца Его» (Песн.3,11).

Прияв таковое человеколюбие невесты, по которому она, в подражание Владыке, сама «хочет всем спастися и в разум истины приити» (1Тим. 2, 4), Слово соделывает ее еще более досточестною, став проповедником и живописателем ее красоты. Ибо не просто изрекается похвала красе, заключающая в себе какие-либо общие хвалы красоте; но напротив того, Жених дает место в слове всем порознь частям, каждому члену сравнением и уподоблением восписуя свою особую похвалу. Говорит же так: «се еси добра, ближняя Моя, се еси добра» (Песн. 4, 1), ибо, подражавшая человеколюбивому изволению Владыки, и повелевшая отроковицам выйти каждой, подобно Аврааму, «от земли» своей и «от рода» чувствовали своих (Быт. 12, 1), чтобы увидеть чистого Жениха, носящего венец – Церковь, действительно делается она близкою к Владычней благодати, любовью к ближнему приблизившись к Богу. Посему говорит ей Слово: «добра еси», добрым произволением приблизившись к Благому. Повторение же похвалы показывает нелживость свидетельства: ибо сугубым свидетельством подтверждать истину определяет Божественный закон. Посему сказано: «се еси добра, ближняя Моя, се еси добра».

Но поелику вся Церковь есть «едино тело» Христово, а «во едином телеси», как говорить Апостол, «мнози уды, уды же вси не тожде имут делание» (Рим. 12, 4–5), а напротив того, одного создал Бог в теле оком, а кто-либо другой насажден быть ухом, некие же по действию сил делаются руками, а некие, носящие бремена, называются ногами, а иное будет делом вкуса и обоняния, и по порядку всего, из чего составляется человеческое тело, и в общем составе тела Церкви можно находить уста, зубы, язык, сосцы, чрево, выю, а как говорит Павел, и даже «мнящиеся неблагообразии быти» в теле (1Кор. 12, 22–24); то посему точный ценитель красоты каждому из членов, нравящихся Ему в целом теле, слагает особую и приличную похвалу.

Похвалы сии начинаются с главнейших членов. Ибо в членах наших что дороже глаз? Они приемлют в себя свет; ими приобретается познание друзей и неприятелей; ими различаем свое и чужое; они бывают наставниками и учителями во всяком делании, природными и неотлучными путеводителями в непогрешительном шествии; их положение выше других чувственных орудий показывает предпочтительность доставляемой ими нам пользы. Без сомнения же, известно слушателям, к каким членам Церкви относится похвала очам. Оком был Самуил «прозорливец» (1Цар. 9, 9), ибо так его называли; оком был Иезекииль, поставленный от Бога быть «стражем» (Иез. 3, 17) ко спасению им охраняемых; око – Михей видящий и Моисей богоглаголивый, наименованный посему и «богом» (Исх. 7, 1); очи – все поставленные в путеводство народу, которых современники именовали «прозорливыми» (4Цар. 14, 13). И ныне занимающие место сие в теле Церкви и поставленные епископствовать, в собственном смысле, именуются очами, если неуклонно будут взирать на Солнце правды, никогда не притупляя зрения делами темными, и если станут различать свое от чужого, зная, что чуждо естеству нашему все видимое и временное; свое же ему то, что предлежит нам по упованию, и обладание чем навсегда пребывает неотъемлемым. Дело очей – распознавать дружественное и неприязненное, чтобы истинного друга любить от всего сердца и всею душою и силою, «совершенную же ненависть» (Псал. 138, 22) оказывать врагу жизни нашей. Да и наставник в том, что должно делать, учитель полезному, руководитель в шествии к Богу в точности исполняет дело чистого и здорового ока, подобно телесным очам, предуказуя высокое житие прочим. Потому-то Слово с сего начинает восхвалять красоту невесты, и говорит «очи твои голубине» (точнее – голуби) (Песн. 4, 1). Ибо видя, что поставленные на место очей не прикосновенны к злу, и одоблив простоту и невинность их нрава, наименовало их голубями; так как отличительное свойство голубей – невинность (Матф. 10, 16). Или, может быть, Слово изрекает очам некую, подобную следующей, похвалу: поелику изображения всего видимого,

падая на чистую зеницу, приводят в деятельность зрительную силу, то по всей необходимости, на что кто смотрит, образ того восприимлет глазом, подобно зеркалу, изображая в себе очертание видимого. Посему, когда приивший в Церкви власть заменять зрение не обращает взоров ни на что вещественное и телесное, тогда преуспевает в нем духовная и невещественная жизнь. А таковая жизнь образуется благодатию Святого Духа. Посему, самая совершенная похвала сим очам, если образ их жизни сообразен благодати Святого Духа, потому что Дух Святой – голубь.

Восхваляются же два ока, чтобы в похвале участвовал целый человек: и видимый, и умопредставляемый. Посему-то Слово присовокупило к похвале и другое преимущество, сказав: «кроме замолчания твоего» (Песн. 4, 1), ибо в доброй жизни иное явно, так что известно и людям, а другое сокровенно и тайно, видимо единому Богу. Посему, Кто видит «несоделанное» (Псал. 138, 16) и усматривает сокровенное, Тот свидетельствует о восхваляемом лице, что в нем умалчиваемое значительнее видимого, когда говорит: «очи твои» голуби, «кроме замолчания твоего». Ибо к тому, что уже восхвалено, не принадлежит то, чему безмолвно удивляются.

Но Слово, поступая далее, постепенно ведет похвалу красоте, обращая речь к волосам, и говорит: «власи твои, яко стада козиц, яже открывшася от Галаада» (Песн. 4, 1). Впрочем, прежде надлежит уразуметь естественное свойство волос, чтобы потом познать, какую похвалу невесте приносит в дар Слово, похваляя «власы». Итак, волосы на голове женской именуются у Павла «славою», и, как говорит он, даны жене «вместо одеяния» (1Кор. 11, 15). А приличным для жен одеянием признает он стыдливость и целомудрие, написав буквально так: «подобает женам, обещавающимся благочестию, со стыдением и целомудрием» украшать себя (1Тим. 2, 9–10). Посему, под волосами на голове, которые «растит» жена, мудростию Павловою разумеются стыдливость и целомудрие. Неприлично же и подумать, что у души, дающей обет жить богочестиво, кроме стыдливости и целомудрия, другая какая-либо слава наименована волосами, которых если не имеет

жена, «срамляет главу свою», как говорит Апостол (1Кор. 11, 5). Если же так любомудрствовал о волосах Павел, то Апостолу мысль можно будет внести и в похвалу, какая в слове о волосах восписуется Церкви, по изречению нами рассматриваемому, которое говорит: «власи твои, яко стада козиц, яже открывшася от Галаада». Ибо Слово вменяет сим в похвалу добродетельное житие. Но к слову о волосах следует присовокупить и то, что волосы лишены всякого жизненного чувства. Ибо к приращению похвал немало служит и это, что в волосах нет ощущения ни утомления, ни удовольствия. Тело, из которого они вырастают, чувствует боль, когда их выщипывают; самый же волос, режут ли его, или жгут, или тщательно сводят каким-либо притиранием, не чувствует того, что с ним делается. А не иметь чувства свойственно мертвым. Посему, в ком не возбуждает никакого ощущения вожделяемое в этом мире, кого не надмевают слава и честь, не оскорбляют обида и бесчестие, кто, напротив того, сохраняет себя одинаковым при том и другом из противоположных на него действий, тот есть восхваляемый у невесты волос, соделавшийся совершенно мертвым и неподвижным для всего, что в мире сем так или иначе будет на него действовать.

Если же особенное преимущество волосов приравнивается стадам «козиц, яже открывшася от Галаада», то, хотя не могли еще мы выразуметь, что надлежит знать о сем в точности, однако же догадываемся, что, как царь, ливанские древа претворив в золото, серебро и багряницу, уготовал себе одр, так добрый Пастырь умел овладеть стадами коз, и в стада овец превратить эти козы стада с горы Галаад. А это – имя горы иноплеменников, открывающей в себе такую благодать, что и тех, которые из язычников последовали за добрым Пастырем, соделал власами, украшающими невесту, которыми, на основании предварительного взгляда, означаются целомудрие, стыдливость, воздержание и умерщвление плоти.

Или, может быть, под такой взгляд на коз подходит и долгое время любомудрствовавший на горе Галаад Илия, который всего более обучал воздержною жизнью, был нищ по виду, оброс волосами, вместо мягкой какой-либо одежды

прикрывался козьей кожей, Посему все, подобно оному Пророку, преспевающие в своей жизни, делаются украшением Церкви, по преобладающему ныне способу любомудрия, как бы стадами, друг с другом трудясь в деле добродетели. А что Галаад открывает такие стада, в этом заключается еще больший избыток досточудного, потому что от языческой жизни обратились мы к любомудрию по Богу. Не Сион, святая Его гора, обучил таковому житию, но народ, посвятивший себя идолам, столько изменился в жизни, что преспеяниями в добродетели украсил главу невесты.

Потом в ряду похвал Слово упоминает и зубы, умалчивая пока о похвалах устам и губам, чего не должно оставлять неисследованным. Так почему же в похвалах зубы упоминаются прежде уст? Иной, может быть, скажет, с намерением в большем изяществе показать красоту, что в описании зубов скрытым образом указывается на улыбку уст; но я рассуждаю, что в похвалах красота зубов по другим видам предшествует хвалам уст. Ибо Слово после этого не оставило не восхваленными и уста, сказав: «яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна» (Песн. 4, 3). Посему что же заключаю об этом? В науках наилучший порядок – сперва выучиться, а потом говорить. А кто назовет науки снедями души, тот не погрешит против истины. Как телесную пищу, размягчая зубами, делаем ее пригодною для желудка, таким же образом и в душе есть некая на мелкие части разлагающая уроки сила, посредством которой наука делается полезною для обучаемого. Посему утверждаю, что наставников, обсуждающих и разбирающих уроки, а тем делающих для нас учение удобопонятным и полезным, слово в переносном смысле называет зубами. Посему-то похвала зубам занимает первое место, а потом уже воздается хвала устам. Ибо уста не украсились бы красотой слова, если бы эти зубы люботрудным уразумением наук не вложили в уста дара слова.

Итак, в рассуждении зубов постигли мы эту причину порядка похвал; теперь время исследовать и самую похвалу, а именно, что красота зубов уподоблена остриженным стадам, которые все, едва только вышли из купели, равно восхищаются

двойничными родами. Похвала же буквально читается так: «зубы твои, яко стада остриженных, яже изыдоша из купели, вся двоеплодны, и неродящая несть в них» (Песн. 4, 2). Посему, если примем во внимание одно то, что в примере понимается телесно, то не знаю, почему кто-либо назовет служащим к похвале зубов это сравнение их с многородящими стадами. В похвалу зубам ставится их крепость и стройное положение, и то, что они твердо гладким и стройным рядом укоренены в деснах. Какую же красоту зубов изображают своим подобием стада, выходящие из купели с порождением двойней и рассыпавшиеся по лесистым холмам, сего невозможно понять с первого взгляда. Зубы поставлены в ряд, стройно касаясь друг друга, а козы рассеяны, отделяемые одна от другой потребностью в пастбище. Притом, так как зуб по природе обнажен, то не идет с ним и в сравнение, что носит на себе руно.

Посему должно исследовать, почему украшающий похвалами стройность зубов сравнивает красоту их с двоеплодными стадами, на которых острижено руно и нечистота тела омыта в купели. Поэтому, что же примыслим в объяснение сего? Те, которые Божественные тайны более ясным истолкованием дробят до того, что духовная сия пища делается удобоприемлемою для тела Церкви, исправляют сим должность зубов, приемля в уста свои жесткий и плотно сложенный хлеб слова, и подробным обозрением делая удобоснедным для душ вкушающих. Так (ибо лучше мысль сию представить в примерах) блаженный Павел сперва просто, без приготовления, как неприправленный какой кусок, предлагает нам заповедь из закона, говоря: «да не заградиши устен вола молотяща» (1Кор. 9, 9), потом, умягчив толкованием, понятным делает намерение закона, говоря: «еда о волах радит Бог? Или нас ради всяко написася» (1Кор. 9, 10)? Много и иных подобных сему мест, например: «Авраам два сына име, единого от рабы, а другого от свободныя» (Гал. 4, 22). Вот хлеб неприправленный!

Но Апостол, раздробляя его, несколько удобоснедным делает для питаемых, переносит сказание на два Завета:

«один... рождающий в рабство», другой освобождающий от рабства (Гал. 4, 24–26). Так и весь закон (не будем длить времени, говоря о всем порознь), Апостол, взяв, как дебелое какое тело, размягчает своим на него взглядом, из плотского делая его духовным и говоря: «вемы, яко закон духовен есть» (Рим. 7, 14). Посему, что приметили мы в рассуждении Павла, заменяющего собою для Церкви потребность зубов тем, что до тонкости уясняет догматы, то скажем и о всяком, в подражание Павлу, уясняющем нам тайну. Посему зубами служат для Церкви те, которые размягчают и пережевывают для нас неприправленные злаки Божественных словес. Как Божественный Апостол изображает жизнь желающих «добра дела епископства» (1Тим. 3, 1), перечисляя подробно, каким надлежит быть приившему на себя священство, а при всем том иметь и дар учительства, так и здесь Слово от поставленных в Церкви на сие служение – быть зубами, требует, чтобы прежде всего были пострижены, то есть обнажены от всякой вещественной тяготы, потом в купели совести омыты от всякой скверны плоти и духа, сверх же сего всегда восходили в преспеянии и никогда не увлекались обратно в бездну, а напоследок, чтобы они во всяком виде добродетели восхищались двоеплодием благих порождений, и ни в каком роде добрых предначинаний не были неродящими.

Двойной же приплод загадочно указывает на то, что заслуживает одобрение умопредставляемое в нас с той и другой стороны, так что таковые зубы двоеплодны, рождая в душе бесстрастие, а в телесной жизни благоприличие. К сему Слово последовательно присовокупляет похвалу, приличную устам, красоту их уподобляя «верви червленной», на что толкование приводит само Слово, назвав вервь красною беседою. А сие, как служением зубов красится красота в устах, обозрено уже предварительно в сказанном прежде, потому что в служении зубов, то есть в наставлении учителей говорят уста Церкви. Потому сперва зубы остригаются и оmyваются, перестают быть неродящими, но делаются двоеплодными, и тогда уже уста расцветают червленостию, когда вся Церковь, по согласию в добре, бывает едиными устами и единым гласом.

Представление же красоты двояко. Ибо Слово не просто только «вервию» называет уста, но присовокупляет и вид доброцветности, так что тем и другим украшаются уста Церкви, и подобием верви и червленостию, с каждой стороны особо. Ибо Церковь подобием верви обучается единомыслию; так что вся делается единою вервию и одною цепью, свитою из разных понятий; а червленостию научается взирать на ту Кровь, которою мы избавлены, и всегда иметь в устах исповедание Искупившего нас Кровию. Ибо тем и другим приводится в полноту благолепие во устах Церкви: и когда вера предозаряет исповедание, и когда любовь соощемляется верою. И если представление сие надлежит очертать каким-либо определением, то определим сказанное так: «червленная вервь» есть «вера любовью поспешествуема» (Гал. 5, 6), так что верою обнаруживается червленость, а любовью истолковывается вервие. Что ими украшаются уста невесты, свидетельствует Истина. Сие же: «беседа твоя красна», не имеет нужды в каком-либо более подробном обозрении или ином истолковании. Ибо Апостол предварительно объяснил, что беседа сия есть «глагол веры, егоже проповедаем: аще исповеси усты твоими Господа Иисуса и веруеши в сердце твоём, яко Бог Того воздвиже из мертвых, спасешися. Сердцем бо веруется в правду, усты же исповедуется во спасение» (Рим. 10, 8–10). Вот та «красная беседа», которою уста Церкви, подобно червленной верви, цветут благолепно!

Но Жених благоугождается при красоте уст и румянцем ланиты. А эту часть лица обычай по неправильному употреблению слова называет яблоком. Поэтому яблоко ланиты уподобляет Слово «обращению шипка» (наружной коже гранатового яблока), похвалу ему написав буквально так: «яко обращения шипка ланиты твои, кроме замолчания твоего» (Песн. 4.2). Но что восхваляется стыдливость, нетрудно всякому заключить в связи обозреваемого. Ибо Слово, представив Церковь телесно в виде невесты, и добродетели разделив на части соответственно изображению красоты в лице, теперь, под видом румянца, цветущего на ланитах, приличным образом хвалит целомудрие, украсив стыдливостию под загадочным

именем «шипка», потому что плод сей кисел вкусом и воспитывается под негодною в пищу поверхностью. Потому хорошо и удачно в этом обозрении употребляется к изображению преспеяния в целомудрии. Ибо как вяжущий вкус «обращения шипка» питает и сберегает сладость заключающегося в нем плода, так жизнь воздержная, суровая и изнуренная бывает стражем доброт целомудрия. Но и здесь похвала сей добродетели делается сугубою и за проявляемое ее жизнью благообразие, и за преспеяние в душевном бесстрастии, чему, как говорит Апостол, «похвала не от человек, но от Бога» (Рим. 2, 29). Ибо стыдливость, просиявающая в делах, за то, что явно, имеет свою похвалу; но похвала сия не касается умалчиваемых и сокровенных чудес, которые усматриваются оным единым Оком, видящим тайное.

Из сказанного же после сего дознаем, что все совершенное богоносными святыми служило неким образом и наставлением для преспеяния в добродетели. Супружества, переселения, войны, построения зданий, все в некотором смысле предизображено было в назидание последующей жизни. Ибо «сия», говорит Апостол, «писана быша в научение наше, в нихже концы век достигоша» (1Кор. 10, 11). Война с иноплеменниками внушает нам быть мужественными против порока. Рачение о супружеской жизни загадочно предлагает нам сожителство с добродетелями. А также и переселение предполагает водворение в добродетельную жизнь. И все тщание, какое прилагалось ими о построении зданий, повелевает прилагать попечение о наших домах, создаваемых добродетелию. Почему, кажется мне, и тот знаменитый столп, в котором Давид, имея в виду преспеяние Церкви, положил самое лучшее из добыч, прообразовал сим делом имеющих рачение о добродетели. Хотя столп сей оказывается воздвигнутым на высоте какой – то горы, однако же в то время признан был пригодным для хранения добыч, какие царь, поработив иноплеменников, с прочими богатствами соделал собственным своим достоянием. Посему Царь своею мудростию показал, какое благо для человеческой жизни имея в виду, Давид построением столпа как бы некоторый совет предложил

последующей жизни. Ибо применением к чему-либо и уподоблением намереваясь восхвалить красоту каждого из членов всего тела Церкви и по порядку описывая в слове, какими должны быть те, которые в народе занимают место выи, упоминает о сем столпе, которому придается имя Давидово, а известен он также под именем укреплений; потому что укрепления называются «Фалпиоф».

А буквально читается сие так: «яко столп Давидов выи твоя, создан в Фалпиофе: тысяща щитов висит на нем, вся стрелы сильных» (Песн. 4, 4). Поэтому вещественное построение столпа имеет знаменитость; потому что оно – дело царя Давида, занимает видное место, и в нем сложены оружия, щиты и стрелы, которых множество показывает слово наименованием: «тысяща». А наша цель уразуметь силу Божественного слова; почему столпу сему уподобляется та часть Церкви, которой имя – «выи». Посему надлежит прежде исследовать, какая часть в нашем теле называется сим именем «выи», а потом приложить именование к члену Церкви.

Итак, что укоренено среди рамен, поддерживает собою голову и служит основанием лежащему выше, то называется выею; зад ее подперт костями, а перед свободен от костяной ограды. Да и кость по свойству своему не походит на такую, какая в руке или ноге, не какая-либо сама с собою сомкнутая и нераздельная, но самое соединение одной с другою костей, во многих местах разделенных в виде позвонков, производится посредством приросших к ним мочек, мышц и связок, и посредством того мозжечка, который наподобие трубки проходит по середине, и которого оболочка соединяется с чувствилищною плевою, а содержимое ею – с головным мозгом. Спереди же выи содержит в себе дыхательное горло, служащее приемником отвне в нас втекающего и вселяющегося воздуха, которым огонь в предсердии приводится в естественную для него деятельность; она содержит в себе также проходы для пищи, между тем, как все, вошедшее устами, гортань и горло препровождают в приемлющую это пустоту. Но выи имеет и иное некое преимущество пред прочими членами. По положению дыхательного горла вверху есть в нем место для

вырабатывания голоса, где уготованы все голосовые орудия, от которых порождается звук, когда дыхательное горло сообщаемым ему воздухом приводится в круговое сотрясение. Так, по описанию телесного нашего члена, не трудно будет из обозренного уже здесь уразуметь выю и тела Церкви, именно же, кто в собственном смысле по соответственным тому действиям приемлет на себя это имя, называется выею и уподобляется столпу Давидову? Посему, во первых (а это и есть самое первое), если кто носит на себе истинную Главу всего, разумею ту Главу, которая есть Христос, «из Него же все тело составляемо и счиневаемо» (Ефес. 4, 16), то он в собственном смысле носить на себе имя сие. А сверх того, он – выя, если способен принять в себя Духа, возгревающего и делающего огнеподобным сердце наше, и если благозвучным гласом служит Слову, потому что Бог не для иного чего в естестве человеческом устроил голос, как для того, чтобы стать ему орудием слова, изглашающим движения сердца. Но выя сия пусть имеет и питательную деятельность, разумею учение, которым соблюдается сила всего тела Церкви. Потому что, пока притекает пища, тело остается в бытии, а при недостатке в пище оно гибнет и разрушается. Да подражает же и стройному положению позвонков, чтобы из тех, которые в народе составляют из себя каждый нечто особое, союзом мира соделать один член, и преклоняемый, и восставляемый, и удобно обращаемый в ту и другую сторону. Такою выею был Павел, и если кто другой, подражая ему, преуспел в жизни. Соделавшись сосудом избранным для Владыки, носил он имя Господа; в такой точности соединена была с ним Глава всяческих, что, если изглаголат что, то не он уже был глаголющим, но все это вещала его Глава, как коринфянам указывал он на «глаголющего» и вещающего в нем «Христа» (2Кор. 13, 3). Так доброгласно и благозвучно было у него орудие дыхания, Духом Святым изглашающее слово истины! Так гортань его услаждалась всегда Божественными словесами, из себя питая все тело животворными оными учениями! А если спросишь и о позвонках, кто соединял так всех в единое тело союзом мира и любви? Кто научил так выю преклоняться,

занимаясь неважным, и опять выпрямляться, мудрствуя горняя, проворно и свободно смотреть по сторонам, уклоняясь и обезопасив себя от различных диавольских козней?

Посему такая выя действительно зиждется Давидом. Под Давидом же разумеи Царя, Отца Царева, который первоначально уготовал человека к тому, чтобы ему быть столпом, а не развалиною, и снова воссоздал его благодатию, обезопасив многими щитами, так что недоступен он больше нашествиям вражеским; потому что повешенные щиты видимы не на земле лежащими, но окружающими его на воздухе; а со щитами и стрелы сильных приводят в страх неприятелей, так что не решаются начать приступ к столпу. Думаю же, что множеством щитов означаетсЯ нам Ангельская стража, вокруг остеняющая таковой столп. Да и упоминание о стрелах указывает на подобную мысль. Ибо Слово не просто сказало: «стрелы», но присовокуплением слова «сильных» дало нам видеть преобладающих; так что сказанное согласно с изречением псалмопения: «ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его и избавит их» (Псал. 33, 8). Число же: «тысяща», кажется мне, в точности не означает десяти сотен; но взято в слове в показание множества. Ибо, по принятому словоупотреблению, Писанию обычно числом сим показывать множество, как Давид вместо множества говорит: «тысяча гобзующих» (Псал. 67, 18), и: «паче тысящ злата и сребра» (Псал. 118, 72). Так поняли мы выю, утвержденную на раменах. А под раменами, на которых выя, разумеем усиленные старания о деятельной жизни, при которых мышцы наши содевают себе спасение. Возрастание же в большую меру души, высящейся по Богу, без сомнения, усмотрел тот, кто внимательно следил за тем, что было сказано, потому что прежде приятно было для невесты уподобляться коням, преоборовшим египетского мучителя, и благолепием выи походить на монисты; теперь же о каком совершенстве ее в добре свидетельствует Жених, потому что красоту выи не с какими-либо монистами на шее сравнивает, но по величию называет столпом, который, если смотрят на него вдали стоящие, делает видным не пышность только здания, с какою возведено оно до весьма большой высоты, но и положение

места естественно возвышающегося над соседними местами? Посему, когда столп был делом Царя и достиг высокого жития, тогда на нем оказывается истинным сказанное Господом: «не может град укрытись, верху горы стоя» (Матф. 5, 14). Ты же вместо града разумей столп.

Время приступить к уразумению, что значат эти два юнца серны, которые помещаются близ сердца невесты и названы в слове сосцами, как сказано: «два сосца твоя яко два млада близнца серны, пасомая в кринах» (Песн. 4, 5). Потому что положение сердца находится между сими двумя юнцами, для которых кормом служит не сено и терние, но крины, во все время пастбища предлагающие свой цвет и не на время только цветущие, а в другое время увядающие, но долго сим юнцам доставляющие собою пищу, пока не перестанут превозмогать тени вожделенного обольщения жизнью; пока повсюду не воссияет уже свет, а все озарится днем, разливающим свет, куда хочет. Ибо так продолжает Слово: «дондеже дхнет день, и подвигнутся сени» (Песн. 4, 6). Конечно же, научившись из Евангелия, знаешь, что Святой Дух тем самым, что «дышет, идеже хощет», производит свет в изведывающих, «откуда приходит и камо идет» (Иоан. 3, 8), о чем теперь Слово выражается так: «два сосца твоя яко два млада близнца серны, пасомая в кринах, Дóндеже дхнет день, и подвигнутся сени».

А что днем называется Дух Святой, дышущий светом для тех, в ком пребывает, в этом, не думаю, чтобы вопреки слову усумнился кто-либо из имеющих ум. Ибо, если рожденные от Духа делаются сынами света и сынами дня, то чем иным надлежит представить себе Дух Святой, как не светом и днем, дыхание которого заставляет бежать тени суетности? Вполне же необходимо при появлении солнца не оставаться теням, но удаляться и переменять место.

Но благовременно будет к исследованию слова присовокупить и тайну о двух юнцах серны, которые рождены близнецами, и которым пищею служить крин, а местом пажити – земля добрая и тучная, по слову же Господней притчи, самое сердце (Матф. 13, 19–23). Пасущиеся на ней и собирающие с нее цветы чистых помыслов тучнеют. Цвет же крин по природе

имеет двоякий дар благоухания, соединенного с доброцветностью; почему тем и другим бывает приятен для собирающих, будут ли подводить его под чувство обоняния или наслаждать очи изяществом красоты. Ибо обоняние исполняется Христова благоухания, а наружным видом показываются чистота и неоскверненность.

Посему сказанным, может быть, объясняется уже нам подразумеваемое словом, а именно, что, при подробном обозрении двоякого человека, одного телесного и видимого, а другого духовного и невидимого, по рождению обоих находим близнецами, потому что вместе друг с другом вступают в жизнь. Ни душа не существует прежде тела, ни тело не готовится прежде души; напротив же того, одновременно появляются в жизни; а также и пищу им по естеству служат чистота, благоухание и все сему подобное, чем плодоносны добродетели; но иным вместо питательного бывает иногда вожделенно вредоносное, и они не питаются цветами добродетели, но услаждаются терниями и волчцами, чем, как слышим, евангельская притча именует грехи, злое прозябение которых произвело злоумышление змия.

Итак, поелику потребны очи, умеющие различать, способные в точности распознать крин и терние и выбрать спасительное, и отринуть вредоносное, то посему, соделавшегося подобным великому Павлу сосцом для младенцев, млекопитателем новорожденных в Церкви, Слово наименовало двумя сосцами, уподобляемыми вместе друг с другом рожденным юнцам серны, всем свидетельствуя о благоискусстве такового члена Церкви, потому что тем и другим способом успешно изводится на пажить чистых кринов, зорко отличая терние от питательного, и потому, что держится владычественного в душе, назнаменованием которого служит сердце, питающее собою сосцы, сверх сего и потому еще, что не в себе замыкает благодать, но имеющим нужду в слове дает сосцы, «якоже доилица греет своя чада», как делал и говорил Апостол (1Сол. 2, 7).

Но доселе Слово, продолжая похвалу членам Церкви, в последующем восписывает хвалу целому ее телу, когда

«смертию упразднит имущаго державу смерти» (Евр. 2, 14) и снова возведет Себя в собственную Свою славу Божества, которую имело из начала, «прежде мир не бысть» (Иоан. 17, 5). Ибо сказав: «пойду Себе к горе смирей и к холму Ливанску» (Песн. 4, 6), и тем указав на славу Божества, присовокупило: «вся добра еси ближняя Моя, и порока несть в тебе» (Песн. 4, 7), научая сказанным, во-первых, что никтоже «возмет душу» Его от Него, но «область» имеет «положити ю, и область» имеет «паки прияти ю» (Иоан. 10, 18), пошедши Себе на гору смиренскую, не наших ради заслуг (никто да не хвалится!), но по собственной Своей благодати, прияв смерть за грешников; а потом, что естеству человеческому невозможно было иначе очиститься от порока, как только когда «Агнец землей грехи мира» (Иоан. 1, 29) Собою уничтожил всякую порочность. Посему, сказав: «вся добра еси ближняя Моя, и порока несть в тебе», и продолжая речь о таинстве страдания, загадочным намеком о смирен, потом упомянув о ливане, которым указывает Божество, тем самым научает нас, что причащающийся с Ним смирен, без сомнения, приобщится и ливана. Ибо, кто с Ним страждет, тот без сомнения с Ним и прославляется. А кто однажды был в Божественной славе, тот всецело прекрасен, став вне сопротивного порока, от которого да будем далеки и мы ради за нас умершего и воскресшего Христа Иисуса, Господа нашего. Ему подобает слава и держава во веки веков! Аминь.

Беседа 8. Толкование на Песн. 4:8–9

Песн.4:8. Гряди от Ливана, невесто, гряди от Ливана, прииди и прейди из начала веры, от главы Санира и Аермона, от оград львовых, от гор пардалеов.

Песн.4:9. Сердце наше привлекла еси, сестро Моя невесто, сердце наше привлекла еси единым от очию твоею, единою, монистом выи твоея.

Великий Апостол, описавший коринфянам великие видения, когда, как говорил, пришел в недоумение об естестве своем, телом ли оно было или мыслию, во время тайноводства в раю, свидетельствуя о сем, говорит: «себе не у помышляю достигша, но» еще «в предняя простираюся», предавая забвению предшествовавшее (Флп. 3, 13), то есть, и после одного третьего неба, которое познал он один (потому что Моисей ничего не поведал о нем в книге миробытия), и по неизреченном слышании таин рая, простирается еще к высшему и не прекращает восхождения, приобретенного блага не полагая пределом вожделению, а сим, как думаю, научая нас, что, хотя и много всегда обретается оно блаженного естества благ, однако же непрестанно приобретаемого в бесконечное число крат больше то, что еще выше, и это всегда бывает с причащающимся благ, по причине во всю вечность веков продолжающегося в причастниках приращения все больших и больших благ. Ибо чистый сердцем, по нелживому слову Владыки, видит Бога (Матф. 5, 8) всегда, по мере силы, столько приемлет разумения, сколько может вместить. Неопределимое и неуловимое в Божестве остается за пределами всякого постижения, потому что великолепию славы «несть конца» (Псал. 144, 3), как свидетельствует пророк. Божество всегда тождественно и всецело умопредставляется на одной и той же высоте, как и великий Давид, полагавший благие «восхождения» (Псал. 83, 6) «в сердце» и восходивший всегда «от силы в силу» (Псал. 83, 8), воззвал к Богу: «Ты же вышний во век Господи» (Псал. 91, 9), сим изречением, как думаю, давая разуметь, что во всю вечность нескончаемого века

стремящийся к Тебе, хотя непрестанно делается большим и высшим себя самого, соразмерно этому всегда возрастая в восхождении благ; но Ты тот же Вышний, во век пребываешь, и никогда не может показаться восходящим вверх, будто бы стал Ты ниже для них, потому что Ты всегда в равной мере выше и превосходнее силы возвышаемых, Итак, сему-то, по нашему понятию, учит Апостол об естестве неизреченных благ, говоря, что оного блага око не познает, хотя бы и непрестанно видело, потому что видит не сколько есть, но сколько можно оку вместить, и ухо не слышит в полной мере означаемого, хотя бы слухом и непрестанно воспринимало слово; и на сердце человеку не входит, хотя бы чистый сердцем и видел всегда сколько можно, потому что, хотя вновь постигаемое больше всего постигнутого прежде, однако же оно не определяет собою искомого, но конец обретенного служит началом для восходящих к обретению высшего. И восходящий никогда не останавливается, от одного начала заимствуя другое начало, и начало всегда большего не заканчивается самим собою, потому что пожелание восходящего не останавливается на познанном, но душа, в следствие другого еще большего пожелания, восходя по порядку к новому высшему, шествует всегда от высшего к высшему до беспредельности.

Но после такого разъяснения сих понятий время присовокупить обозрение божественных слов: «гряди от Ливана, невесто, гряди от Ливана, прииди и прейди из начала веры, от главы Санира и Аермона, от оград львовых, от гор пардалеов» (Песн. 4, 8). Посему, что же примечаем в этом? Источник благ всегда привлекает к Себе жаждущих, как в Евангелии говорит Сей Источник: «аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пьет» (Иоан. 7, 37). В словах сих не положил Господь предела ни жажде, ни стремлению к Нему, ни наслаждению питием, напротив того, не назначив определенного времени в повелении, сим самым подает совет непрестанно и жаждать, и пить, и иметь к Нему стремление. А вкусившим уже и на опыте дознавшим, «яко благ Господь» (Псал. 33, 9), вкушение сие делается как бы неким убеждением приобщиться большего. Посему никогда не оскудевает для восходящего предлагаемый

ему совет, привлекающий всегда к большему. Ибо припомним о побуждении Слова, какое в сказанном прежде уже неоднократно делает невесте: «прииди, ближняя Моя», – говорит Оно; и еще: «прииди, голубице Моя»; и: «прииди в покрове каменне» (Песн. 2, 13–14). И другие подобные воззвания, побуждающие и привлекающие к вожделению больших благ, сделав душе; засвидетельствовав, что душа, восходящая к Нему, уже во всем непорочна, сказав: «вся добра еси и порока несть в тебе», чтобы, возгордившись сим свидетельством, не встретила в сем препятствия в восхождении к большему, снова убедительным сим гласом повелевает восходить, вождевая выпренных благ, и говорит: «гряди от Ливана, невесто». А смысл сказанного таков: прекрасно в предшествовавшее сему время последовала ты Мне, – говорит Слово, – и пришла за Мною «к горе смирей»: потому что «спогреблась Мне крещением в смерть» (Рим. 6, 7); сопровождала Меня и к «холму Ливанску»; ибо совошла со Мною и возвысилась в общении Божества, на которое указывает имя Ливана. Взойди же с них и на другие горы, преспевая и возвышаясь ясным ведением. Посему «гряди от Ливана», – говорит Слово (не уневещиваемая только, но уже «невесто») – ибо невозможно сожителствовать Мне с тем, кто смирною смерти не изменен в божественность Ливана. Поелику стала ты уже на этой высоте, то не останавливайся в восхождении, как будто чрез это достигшая уже совершенства. Началом веры служит тебе этот Ливан, которого приобщилась ты воскресением, – но и началом в шествии к высшим благам. Посему «из» сего «начала», которое есть вера, «прииди и прейди», то есть, и теперь продолжай идти, и, непрестанно продолжая шествие, не прекращай таковых восхождений.

Буквально же читается так: «прииди и прейди из начала веры, от главы Санира и Аермона». Сим указывает Слово на тайну рождения свыше. Ибо отсюда, как сказывают, вытекают источники Иордана; за ними лежит эта гора, разделяемая на два гребня, которым приданы сии имена: Санир и Аермон. Итак, поелику из сих источников составившийся поток сделался для нас началом обожения, то посему-то невеста слышит от призывающего ее к Себе сии слова: «гряди от Ливана, из

начала веры, от главы» сих высот, откуда проистекли для тебя источники таинства, Весьма же кстати присовокупляет Слово упоминание о львах и леопардах (или пардалах) чтобы прибавлением скорбного сделать более приятным наслаждение тем, что увеселяет. Человек, сложив с себя некогда Божественный образ, по подобию бессловесной природы изменился в зверя, по причине лукавых своих предначинаний, став леопардом и львом. Ибо, кто увлечен львом, подстерегающим в ограде, как говорит Пророк (Псал. 10, 30), и в сети его смирен, тот, как скоро превозможет естество зверя, преобразуется в его природу, по сказанному: «подобни им да будут творящие я, и вси надеющиеся на ня» (Псал. 113, 16). А подобно сему делается леопардом, кто житейскими сквернами запятнал душу. Итак, поелику было время, когда в этом состоянии находилось человечество, содержащее в заблуждении идолослужением, иудейским обольщением и разнообразною злобою грешников, а после Иорданом, Смирною и Ливаном возвышено до того, что уже превыспренно шествует с Богом, то по сей причине Слово увеличивает веселие, доставляемое настоящими благами, присовокуплением описания бывших некогда печалей, какие ощущала душа прежде Ливана и начала веры, прежде нежели познаны нами Иорданские таинства. Как мирная жизнь бывает приятнее после войны, услаждаемая грустными рассказами, и как благо здравия более услаждает чувствилища нашего тела, если природа из какого-либо болезненного состояния снова приходит сама в себя, так добрый Жених, устрояя, чтобы блага веселия для приходящей к Нему души получили большую силу и стали многочисленнее, не только показывает невесте ее красоту, но и напоминает в слове о страшном зверином виде, чтобы тем паче услаждалась настоящими добротами, дознав по сравнению, из чего и во что она изменена. А может быть, что этим и другое некое благо промыслительно уготовляется невесте. Поелику Слову угодно, чтобы мы, по природе переменчивые, своею переменчивостию не увлекались в зло, а напротив того, при непрестанном возрастании в лучшем, изменяемость сию обращали в содействие себе при восхождении к высшему, так

чтобы по изменяемости природы нашей преспевать нам в неизменяемости во зло, то по сему самому Слово, как бы наставником и стражем каким для устранения нас от худых дел, придало нам памятование об обладавших некогда нами зверях, чтобы с отвращением от худшего преспевали мы неуклонностию и неизменною в добре, не останавливаясь при обращении к лучшему, и не обращаясь к злу. Посему-то Жених повелевает невесте придти от Ливана, напоминает ей об ограде львов, в которой водворялась, и описывает в слове горы леопардов, на которых пребывала, когда питалась вместе с зверями.

Но поелику глас Слова всегда есть глас силы, то, как при творении свет воссиял вместе с повелением, также с изречением повеления составила вместе твердь, и подобно и прочая вся тварь появилась вместе с творческим Словом, так и ныне, когда Слово душе, соделавшейся лучшею, повелело придти к Нему, душа, приведенная в силу повелением, немедленно делается благоугодною Жениху, – претворившись в Божественную, и от славы, в какой была, добрым изменением преобразившись в высшую славу, так что делается чудом для лика окружающих Жениха Ангелов; и все благоговейно обращают к ней глас удивления: «сердце наше привлекла еси, сестро наша невесто» (Песн. 4, 9). Ибо черта бесстрастия, одинаково сияющая и в ней, и в Ангелах, в родство и братство с бесплотными вводит и ее, еще во плоти преуспевшую в бесстрастии. Посему-то говорят ей: «сердце наше привлекла еси, сестро наша невесто». Тем и другим именем величаемая в собственном смысле, ты сестра наша по бесстрастному сродству, и невеста по союзу с Словом. Означаемое же словами: «привлекла еси сердце», как думаем, таково же, как и выражаемое словом: ты одушевила. Друзья Жениховы как бы так говорят невесте: ты вложила в нас сердце. Но для ясности, чтобы сказанное сделалось для нас еще более понятным, в помощники к истолкованию сих тайн возьмем Божественного Апостола. Ибо в одном месте словес своих, пиша к ефесеям, когда изображал великое домостроительство совершенного для нас Богоявления во плоти, говорит он, что не человеческий только род научен был Божественным сей благодати тайнам, но

и Началам, и Властям небесным соделана известною многообразная премудрость Божия, явленная домостроительством Христовым у человеков. Буквально же место сие читается так: «да скажется Началом и Влаstem на небесных Церковию многообразная премудрость Божия: по предложению век, еже сотвори о Христе Иисусе Господе нашем, о Немже имамы дерзновение и приведение в надеянии верою Его» (Ефес. 3, 10–12). Ибо, действительно Церковию сказуется премирным Силам многообразная премудрость Божия, совершающая великие чудеса чрез противоположное. Как произошла жизнь от смерти, правда от греха, благословение от клятвы, слава от бесчестия и сила от немощи? В предшествовавшие сему времена премирные силы знали единую простую, единовидную Божию премудрость, сообразно с естеством творящую чудеса. И никакого разнообразия не было в видимом ими в том, что естество Божие есть сила, со властью совершает всякую тварь, единым движением воли приводя в бытие естество существ, и, что только истекает из источника доброт, творит «добра зело» (Быт. 1, 31). Многообразному же сему виду премудрости, состоящей из соплетения противоположностей, ныне ясно научены они Церковию, научены, почему Слово делается плотию, почему жизнь входит в общение с смертию, почему собственною Своею язвою исцеляет нашу язву, почему немощию Креста препобеждает силу сопротивника, почему невидимое является во плоти, как искупает пленных, Сам будучи купцом, и Сам служа платою за покупку; потому что Себя Самого отдал за нас в искупительную цену смерти; как и смерти предается, и жизни не оставляет, как и рабству приобщается и пребывает Царем. Ибо все сии и подобные сим, подлинно разнообразные и не простые дела премудрости, от Церкви дознав друзья Жениховы, привлечены были сердцем, уразумев в таинстве другую отличительную черту Божией премудрости. И если не смело будет сказать, и они, с помощью невесты увидев красоту Жениха, удивились, может быть, тому, что для всех существ невидимо и непостижимо. Ибо Тот, Кого «никтоже нигдеже виде» (1Иоан. 4, 12), как говорит Иоанн, «ниже видети кто может» (1Тим. 6, 16),

как свидетельствует Павел, соделал Церковь телом Своим и приумножением спасаемых созидает ее в любви, «дондеже достигнем вси в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова» (Ефес. 4, 13). Посему, если Церковь есть тело Христа, а Христос – Глава телу, и по Своим отличительным чертам образует лице Церкви, то, может быть, друзья Жениховы, с помощью одного усматривая другое, привлеклись сердцем, потому что в Церкви яснее видят Невидимого. Как те, которые не в состоянии видеть самый круг солнца, смотрят на него при помощи луча от воды, так и они: как в чистое зеркало смотря в лице Церкви, видят Солнце правды, уразумеваемое по видимому ими.

По сей-то причине неоднократно друзьями сказано невесте: «сердце наше привлекла еси», то есть, вложила ты в нас собою некую душу и смысл к уразумению света, но и снова произносят они то же слово, повторением придавая достоверность сказанному. Ибо, то же повторяя, говорят: «сердце наше привлекла еси единым от очию твоею» (Песн. 4, 9), то есть, сие всего более произвело в друзьях чудное расположение к невесте. Поелику зрительная деятельность души двояка: одна усматривает истину, а другая блуждает вокруг суетного, то, так как чистое око невесты отверсто на одно естество добра, другое же ее око, без сомнения, остается бездейственным, посему самому друзья восписуют хвалу «единому» оку, которым одним созерцает Единого, разумею оного Единого, в непрменном и вечном естестве сообщаемого, истинного Отца, Единородного Сына и Святого Духа. Ибо в подлинном смысле едино созерцаемое в едином естестве, так что различие по ипостасям не производит никакого отделения или отчуждения. Между тем как иные разными очами, во вред себе изошренными до того, что видят несуществующее, в представлениях извращенных очей единое делят на многие естества. Таковы, так называемые, многовидящие, которые, потому, что имеют в виду многое, ничего не видят. И все те, которые, хотя теперь и взирают на Бога, но снова вводятся в заблуждение вещественными представлениями, недостойны хвалы ангельской, как безумно представляющие себе не

существующее. А кто острожителен для одного Божества, тот слеп для всего иного, на что только обращены взоры многих. Посему невеста единым оком творит чудо для друзей. Как слеп многоочитый, который многими очами смотрит на суетное, так острожителен и прозорлив, кто одним душевным оком смотрит на одно – на доброе.

Кто же сия единая, или что значит монист выи невестиной, не трудно заключить по исследованному, хотя чтение и кажется несколько неясным по связи речи. Ибо Писание говорит так: «сердце наше привлекла еси единым от очию твоею, единою, монистом выи твоея» (Песн. 4, 9), так что слово «единою» соответствует выражению «единым от очию твоею», потому что разумеет оно с дополнением: единою душою. Ибо много бывает душ в каждом из людей невежественных, в которых страсти, по причине обладания ими, занимают место души, отличительное ее свойство превращая в печаль, удовольствие, раздражительность, боязнь, робость, дерзость. О той же, которая обращена к Слову в единообразии добродетельной жизни, свидетельствуется, что живет «одною» душою. Посему речь должна быть разделена так, что слово: «единою» по понятию соединено с предыдущим, и, по нашему разумению, значит или единою душою, или единою настроенностию духа, а следующее за сим выражение: «монистом выи твоея» имеет другой смысл. Почему иной, целую речь прелагая в более ясную, мог бы сказать: и око у тебя одно, потому что на одно взирает, и душа одна, потому что не делится на разные расположения, имеет совершенство и положение выи Твоей, подявшей на Себя Божественное иго. Посему, «в монисте выи твоея» видим иго Христово, а в расположении к действительно добродетели – одно око и одну душу. И по этому сознаем, что привлекла ты сердце наше чудесами своими, показывая одно око и одну душу «монистом выи твоея монист» же «выи» невестиной, как сказано, есть иго.

Итак, вот похвала Ангелов, какую воздали они красоте невесты; ибо понимаем так, что друзья Жениховы суть Ангелы. А чтобы не подумал кто, будто бы похвала их безрассудна и погрешительна, суждение друзей о красоте невесты

подтверждает Слово Своим приговором, и в засвидетельствование красоты Само присовокупляет еще большие чудеса, описывая в речи своей красоту видимую в самых членах, каковую, даст Бог, и представим в последующем, если при содействии свыше достанет у нас силы к уразумению таин, к познанию красоты Церкви и к похвале славы благодати Божией о Христе Иисусе. Ему подобает всякая слава во веки! Аминь.

Беседа 9. Толкование на Песн. 4, 10–15

Песн.4:10. Что удобреста сосца твоя, сестро Моя невесто? Что удобреста сосца твоя паче вина, и воня риз твоих паче всех аромат?

Песн.4:11. Сот искапают устне твои, невесто, мед и млеко под языком твоим, и благовоние риз твоих, яко благоухание ливана.

Песн.4:12. Вертоград заключен сестра Моя невеста, вертоград заключен, источник запечатлен.

Песн.4:13. Леторасли твоя сад шипков с плодом яблочным, кипри с нардами:

Песн.4:14. нард и шафран, трость и киннамон, со всеми древами ливанскими, смирна, алой со всеми первыми мирами.

Песн.4:15. Источник вертограда и кладязь воды живы и истекающие от Ливана.

«Аще воскреснуете со Христом: горняя мудрствуйте, не земная». Вот что скажет нам Глаголющий в Павле! «Умросте бо, – продолжает, – и живот ваш сокровен есть со Христом в Бозе. Егда же Христос явится, Живот ваш, тогда и вы с Ним явитесь во славе» (Кол. 3, 1–4). Посему, если дольным естеством стали мы мертвы, упование жизни преселив с земли на небо, и жизнь плотская сокрыта в нас, по приточному слову, в котором сказано: «премудрии скрывают чувство» (Прит. 10, 14), ожидаем же, что явится в нас жизнь истинная, которая есть Христос, так что и мы явимся во славе, претворившись в Божественное, то и предлагаемое теперь выслушаем, как умершие телом, а не увлекаемые сказанным к плотскому смыслу, потому что омертвевший для страстей и похотей значения речений будет относить к тому, что чисто и не растленно, мудрствуя горняя, «идеже есть Христос одесную Бога сидя» (Кол. 3, 1), в Котором нет страсти, понятия же низкие и по земле пресмыкающиеся предавая забвению. Посему выслушаем Божественные речения, которыми Слово изображает красоту непорочной невесты, выслушаем же, как бы став вне плоти и крови, претворившись в естество духовное.

«Что удобреста сосца твоя, сестро Моя невесто? Что удобреста сосца твоя паче вина, и воня риз твоих паче всех аромат?» (Песн. 4, 10) Что всякий, кто творит волю Божию, «брат» Господу, «и сестра, и мати есть» (Матф. 12, 49), и что невинная дева, сочетававшаяся с Ним, чтобы иметь часть в нескверном брачном чертоге, в собственном смысле называется невестою, явно это всякому, не незнающему богодухновенных словес. Но, исследывая смысл сих Божественных речений, в таковом воззвании усматриваю не простую похвалу, восписуемую Словом невесте, а утверждаю, что Жених объясняет причины приращения красоты у невесты, так что не удобрела бы она при источниках добрых учений, которые Слово в переносном значении называет «сосцами», если бы прежде добрыми делами не сделала себя сестрою Господу, и рождением свыше обновленная в девство, не соделалась обручницею и невестою Сочетавшегося с нею. Посему Наименовавший ее сестрою и невестою Своею сказывает причину изменения в нечто лучшее и совершеннейшее сосцов ее, не млеко уже изливающих в пищу младенцам, но на веселие совершенным источающих чистое вино, доброты которого не испортила вода корчемников. В сих же словах Жениховых, как при взаимном благодушии супругов, когда оба вознаграждают друг друга за нежное расположение, соблюдается некоторым образом исполненная любви привязанность. Жених приветствует Церковь в выражениях, подобных тем, какими она предварительно в самом начале возвеличила красоту Его. Ибо прямо в первых же словах, когда изъявляла желание, чтобы слово из Божественных уст перешло в ее уста, выразив сие загадочным словом «лобзания», сказала и причину своего вожделения, а именно, что «блага сосца» Его, щедро подаваемым препобеждающие естество вина и превосходящие всякое благоухание мира и ароматов, буквально выразив сие так: «блага сосца Твоя паче вина, и воня мира Твоего паче всех аромат» (Песн. 1, 1–2). Итак, поелику и из всех иных мест Писания дознаем сие учение Божественного любомудрия, что Божество всегда бывает к нам таково, каковыми сами себя по произволению оказываем пред Богом (что благ Он для добрых,

свидетельствует в пророчестве (Псал. 72, 1) Давид, а для уподобившихся по жизни зверям другой некто из Пророков называет Его медведицею и рысью (Ос. 13, 7–8), загадочными сими названиями предизображая евангельское учение, по которому усматривают в словах Царя инаковое свойство стоящие одесную, и инаковое стоящие ошуюю; для одних слова сии исполнены благи и усладительны, а для других страшны и суровы, сообразно с расположением подсудимых), то и теперь делается Словом приличное воздаяние невесте: в каких выражениях прославляла она красоту Владыки, в подобных тому и ей восписана похвала Господом. И Он похвалит совершившееся к лучшему изменение в деятельности сосцов ее, а именно, что, перестав доставлять млеко, изливают не млеко, но вино, от которого в сердцах более совершенных происходит веселие, потому что не волнуются уже по младенчеству, но способны наполнять уста и извлекать доброе из чаши премудрости.

Так, похвалив сосцы за обильное излияние вина, Слово присовокупляет похвалу невесте за благоухание, сказав: «воня риз твоих паче всех аромат» (Песн. 4, 10). Разуметь же таковую похвалу надлежит из Святого Писания, научившись свойству того, что именуется в нем ароматами. Всякий благоуханный аромат доставляет удовольствие чувству обоняния. Посему разумею, что Слово называет ароматами все, что, по сказанию Писания, благоуханно. Так Ной приносит жертву Богу, и «обоня Господь воню благоухания» (Быт. 8, 21). Следовательно, жертва бывает ароматом для Бога. И после сего по закону приносятся Богу многие жертвы умиловительные, благодарственные, спасительные, очистительные и о грехе. Все сие полагай в число ароматов, а также всеплодия, всесожжения, части отделяемые на жертвоприношение, грудь жертвы, перепонку печени, тук с почек, сверх сего ливан, пшеничную муку, смешанную с елеем, фимиам сложения и все прочее, что посредством огня приносимо было Богу, внеси в список ароматов. Посему, когда услышим, что миро невесты пред всеми ароматами удостоивается большего одобрения, дознаем из сего слова, что таинство истины, совершаемое евангельским

учением, одно благоуханно пред Богом, предпочтительно всем подзаконным ароматам, как не прикрытое уже каким-либо прообразом и сению, но делающееся благоуханным в явлении истины. Ибо если какой и из прежних ароматов «обоня Господь», как «воню благоухания», то каждый из них удостоивался одобрения не по тому, что с первого взгляда и вещественно было в нем видимо, но по тому, что сим изображалось. И это ясно из сего высокого изречения у Пророка, в котором сказано: «не прииму от дому твоего тельцов, ниже от стад твоих козлов. Еда бо ям мяса юнча? или кровь козлов пию» (Псал. 49:9, 13)? Хотя много животных нередко приносилось в жертву, однако же, если и делалось это, иное нечто загадочное узаконено тебе в этом, именно, что должен ты закалать в себе страсти. Ибо сказано: «жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Псал. 50, 19). Посему жертва хвалы нашей прославляет Обоняющего таковую воню. Итак, поелику, превзошедши все прообразовательные ароматы закона, духовно благоухающая душа, как у Павла, который был «благоуханием» Христовым (2Кор. 2, 15), и сама по жизни соделалась благоухающею и, как миро священства и фимиам сложения, прекрасно благоухая разнообразным собранием и смешением добродетелей, оказалась достойною Женихову обонянию послужить в воню благоухания, то Божественное чувство, как именует его Соломон (Прит. 22, 13), к вещественным ароматам закона присовокупляет оное невещественное и чистое из добродетелей мироваримое благоухание, говоря: «воня мира Твоего паче всех аромат» (Песн. 1, 2).

Продолжение речи возводит к похвале более высокой, свидетельствуя в слове об изобилии у невесты духовных дарований, приобретенных размышлением и внимательностью. Ибо приточное слово желает, чтобы ученик премудрости (по ученикам же, конечно, поймешь, кто их учительница) шел к пчеле, так говоря любителям мудрости: «иди ко пчеле, и увеждь коль делательница есть, делание же коль честное творит, ея же трудов царие и простию во здравие употребляют» (Прит. 6, 8), и присовокупляет к сему, что пчела всеми любима и славна, хотя

немошна силами, но почтенна за мудрость. А потому и представлена в образец жизни добродетельным: «премудростию, – как сказано, – почтена произведется». Сказанным же подается совет, не уклоняться ни от одного из добрых уроков, но летая по лугу Богодухновенных словес и с каждого цветка собирая что-либо для приобретения мудрости, составлять свои медовые соты, как в улье каком, слагая у себя в сердце этот труд внутри сделанных в памяти, подобно восковым чашечкам, не слитных между собою вместилищ для разных уроков, а таким образом, в подражание мудрой оной пчеле, у которой сот сладок и жало неязвительно, непрестанно творить честное это делание добродетелей. Ибо действительно творит, здешними трудами выменивая вечные блага и собственные свои труды уделяя в душевное здравие царям и простолюдинам, так что таковая душа делается любимой Жениху и славною среди Ангелов, в немощи совершая силу по причине чести, какая воздается премудрости. Итак, поелику повествуемое о премудрой оной пчеле служит образцом учености и трудолюбия, и разделения духовных дарований бывают различны по мере тщательности в потрудившихся, то Жених и говорит потому невесте: поелику сердце твое стало полно сотами всякого рода учености, из благого сокровища сердца износишь ты медоточные капли словес, так что слово у тебя есть мед, смешанный с млеком. – Ибо сказано: «сот искапают устне твои, невесто, мед и млеко под языком твоим» (Песн. 4, 11). Готово у тебя слово, не одного рода пользу оказывающее слушателям, но приспособленное к силам приемлющих, так что пригодно оно и более совершенным, и младенчеству, для совершенных служа медом, а для младенствующих – млеком. Таков был Павел: он более нежными словами питает новорожденных, а совершенным глаголет премудрость, в тайне сокровенную от веков, и которой не вмещают век сей и князи его (1Кор. 2, 6–7). Итак, Жених скажет, что такое уготовление меда и млека лежит «под языком» у невесты, указывая таковым изречением на сокровенное и благовременное употребление словес. Ибо кто знает, как должно отвечать каждому, тот, имея под языком эту

многообразную силу слова, каждому из слушающих, сообразно с временем, предлагает благопотребное.

Восписав же такую похвалу устам и языку невесты, Жених переходит к высшим еще похвалам, говоря: «благовоние риз твоих, яко благоухание ливана» (Песн. 4, 11). Слово сие есть некое любомудрие, указующее людям, к чему стремится добродетельная жизнь. Ибо конец доблестной жизни – уподобление Божеству, а поэтому доблестные со всею тщательностью стараются преуспевать чистотою души, устранением себя от всякого страстного расположения, чтобы при улучшенной жизни и в них образовались некоторые черты превысшего естества. Итак, поелику добродетельная жизнь неоднородна и неоднобразна, но как при уготовлении тканей ткацкое искусство делает одежду из многих нитей, то натягиваемых прямо, то пересекаемых поперек, так и в доблестной жизни должно стекаться многое, из чего составляется ткань улучшенной жизни, как божественный Апостол исчисляет таковые нити, из которых состоит ткань чистых дел, именуя: «любь, радость, мир, долготерпение, благость», и все сему подобное (Гал. 5, 22), чем украшается из жизни тленной и земной облекающийся в небесное нетление. Посему то Жених одобряет замечаемое в одежде невесты убранство, как уподобляющееся благовонию ливану. Хотя прежде сказал, что благоухание мира ее превосходит все ароматы, так что, по-видимому, уничтожаются сим прежние похвалы, если предпочтенная всякому аромату теперь сравнительно уподобляется одному только аромату, потому что Жених сказал так: благоуханию ливана подобно благовоние риз твоих; но, поелику по некоей причине фимиам ливана установлено было воскурять исключительно в честь Божеству, то посему самому предпочтенная всем ароматам удостоивается уподобления одному аромату, который посвящен Богу, так что смысл загадки сей таков: риза добродетелей твоих, невеста, подобна Божественному блаженству, уподобляясь неприступному естеству чистотою и бесстрастием. Ибо таково благовоние Божественных риз, что имеет сходство с ливаном, посвященным в честь Богу.

Из последующих за сим похвал дознаем опять, как может иной соделаться сестрою и супругою Господа, именно из сказанного Женихом: «вертоград заключен, сестра Моя невеста» (Песн. 4, 12). Посему, если кто до того изменяется, чтобы стать и невестою, потому что прилепляется ко Господу, и сестрою, потому что творит волю Его, как говорит Евангелие (Матф. 12, 49), то да будет Он благоцветущим вертоградом, заключающим в себе красоту всякого растения, и сладкую смоковницу и плодоносную маслину, и высоковетвистую пальму, и обильную плодами виноградную лозу, и не какое-либо колючее или придорожное растение, но вместо них кипарис и мирту. Ибо так подобный вертоград умели украсить великий Давид и возвышенный Исаия. Один, говоря: «праведник, яко финикс процветет» (Псал. 91, 13); и: «аз же, яко маслина плодовита» (Псал. 51, 10); и: «жена твоя яко лоза плодовита» (Псал. 127, 3); а у другого некоего Пророка ублажается почивающий под смоковницею своею (Мих. 4, 4), Исаия же возвещает, что «вместо драчия взыдет кипарис, и вместо крапивы мирсина» (Ис. 55, 13). Излагать в точности загадочное значение каждого из сих деревьев, указанных нам в пророчестве, было бы делом излишним, так как для всякого ясно, что значит сладкий плод смоковницы, со временем созревающий из самого кислого, в начале горький и негодный в пищу, а в последствии «плод мирен» (Евр. 12, 11), улаждающий чувствилища души? Да и что приносит нам в дар плодовитость маслины в этом самом кислом и горьком соке, питаемом в плоде сначала, который потом, по надлежащем уходе и созрении, превращается в ней в естество елея, служащего пищею для света, облегчением в утомлении, упокоением после трудов, уяснением голове, содействием к подвигам подвижающихся законно? Почему финик делает плод свой недоступным для татей, сберегая его вверху, а не опуская к земле? Откуда приятность у винограда, благоухание у кипариса и сладость у мирсины? Когда все сие в переносном значении берется применительно к добродетели, тогда для всякого разумного слушателя очевидно, что и к чему именно относится. Посему вертоград из таких деревьев цветущ, полон растений, отвсяду

обезопасен оградой заповедей, так что не дает в себя никакого входа татю и диким зверям, потому что, вокруг обнесенный оплотом заповедей, не доступен «уединенному дивию» и не «озобает его вепрь от дубравы» (Псал. 79, 14). Поэтому, если кто – вертоград и приведен в безопасность, то делается сестрою и невестою сказавшего таковой душе: «вертоград заключен, сестра Моя невеста».

Но для такого вертограда потребен источник, чтобы насаждения, утучняемые водою, пребывали всегда цветущими. Посему Жених в похвалах вертограду присовокупил источник, говоря: «вертоград заключен, источник запечатлен» (Песн. 4, 12). Как поступать с источником, загадочно учит нас тому книга притчей, когда говорит: «источник воды да будет тебе твой», и да будет «тебе единому, и да никтоже чуждь причастится тебе» (Прит. 5, 17–18). Ибо Писание, как там запрещает воду источника тратить на чужих, так и здесь о том, что источник изливается не для чужих, свидетельствует, сказав, что он «запечатлен». А сие значит то же, что и сказать: он охранен. Смысл же сего есть следующий: источником в собственном смысле, по моему рассуждению, называется мыслительная сила нашей души, изливающая и источающая в нас всякого рода помыслы. Но движение мысли делается тогда нашим, когда направлено к полезному для нас, доставляя нам всякое содействие к приобретению благ. Когда же деятельность помыслов обратит кто на промышление порочного дела, тогда поток расточается на чуждое, так что исполненная терний жизнь, напоеваемая содействием лукавых помыслов, питается хорошо, но сохнет и вянет лучшее насаждение, потому что корня его не питает никакая влага добрых помыслов. Посему, так как печать доставляет неприкосновенность ею охраняемому, устрашая татя своим клеймом, а все некрадомое остается целым у владеющего, то похвала свидетельствует здесь о самой высокой добродетели у невесты, именно, что разум ее, сохраняемый в чистоте и бесстрастии, остается недоступным для врагов. Для своего Господа сей источник запечатлевает чистота, никаким илом мыслей не возмущая прозрачность и воздухообразную тонкость сердца. А чтобы мысль сию привести

кому в большую ясность, то она такова: поелику из того, что в нас, иное действительно наше, именно все собственно принадлежащее душе, а иное присвояем себе, как наше (разумею тело и внешние вещи), по некоему погрешительному предубеждению чужое признавая собственным (ибо у невещественного естества души что общего с вещественною дебелистью?), то приточное слово советует посему источник нашего разумения не истощать на чуждое нам, то есть на тело и внешние вещи, но обращать на собственный вертоград, напоевая из него Божие насаждение. Дознали же мы, что сие Божие насаждение составляют добродетели, и если ими занята мыслительная сила нашей души и не развлекается ничем внешним, то она запечатлена печатю истины, нося на себе образ расположения своего к добру.

Но рассмотрим силу и следующих за сим похвал. Сказано: «леторасли твоя сад шипков с плодом яблочным, кипри с нардами: нард и шафран, трость и киннамон, со всеми древами ливанскими, смирна и алой со всеми первыми мирами. Источник вертограда, и кладязь воды живы и истекающие от Ливана» (Песн. 4, 13–15). При первом чтении сказанного видно, что в словах сих заключается некая высокая и необыкновенная мысль, по которой красота невесты, возвеличенной Богом и в многообразном избытке превозносимой похвалами, делается чудом. А какая истинная мысль, означаемая сими речениями, может знать сие ясно, по словам святого Павла, только ведущий «духом глаголати» Божественные «тайны» (1Кор. 14, 2). Почему произращаемое невестою есть сад шипков? Почему шипками приносится плод яблочный? Почему этот яблочный плод делается собранием мир и ароматов? Ибо в числе яблочных плодов есть и кипр, и нард, и шафран, и трость, и киннамон, и всякое ливанское дерево, так что в исчисленном нет недостатка ни в одном виде различных ливанских ароматов, к которым причисляются смирна и алой, и все первые мира. И выше восписующим похвалы поименованный вертоград называется теперь источником вертоградов «и кладязем воды живы и истекающие от Ливана». Но уразуметь истинный смысл сего, как сказали мы выше, могут способные испытывать

«глубины богатства и премудрости, и разума Божия» (Рим. 11, 33). Мы же, чтобы не остаться нам вовсе невкусившими предлагаемых в сем месте благ и ненасладившимися оных, – в немногих словах коснемся сего слова, вождем в нашем тщании соделав Самого Бога Слова. Весь список похвал, изложенный прежде сего, и все, что теперь предлагает нам Слово о невесте, имеет, кажется, в виду не простую какую-то похвалу, но сказуемым влагает в нас силу к восхождению сердца на большую и значительнейшую высоту. Например, именуется сестрою и невестою Слова, а каждое из сих наименований сочетавает душу с Женихом, так как имя невесты, по выражению Павлову, делает ее «стелесницею» нетленного Жениха (Ефес. 3, 6), а тщательность в исполнении воли, по евангельскому слову, приводит в тесную связь братства. Потом восхваляется свойство сосцов, вместо млека источающих вино, и явно, что похвала становится самым делом, потому что не хвалят того, что не осуществляется на деле. Сверх сего миро ее признается превосходящим все ароматы, о чем не было бы произнесено такого суда, если бы на самом деле преспеянием в лучшем не взошла она на оную высоту. После сего изъясняется удивление сотам слова, каплющим из уст ее, и смешанному уготовлению мудрости под языком – млеку, срастворенному с медом. И это – сила, а не слова, потому что руководимая Словом к высшему восхождению до того возросла, что уста ее соделались источником меда, а язык – хранилищем смешанной мудрости, в нем видна земля обетования, текущая медом и млеком.

Столько возвысив ее восхождениями, Слово ведет еще выше, говоря, что риза ее издает благовоние, подобное благоуханию ливана, чем свидетельствует, что облеклась она во Христа, потому что концом всякого доблестного жития делается приобщение Бога, а ливаном указывается Божество. И на этом не останавливается душа, руководимая Словом всегда к высшему, напротив того, уподобившись благовонию ливана, делается вертоградом на подобие рая, но не таким вертоградом, какой был у первых людей, не для всех доступным и неохраняемым, но отовсюду огражденным памятованием заповеди.

Видишь ли, сколько новых сил для горнего шествия приобрела невеста? Посмотри же на ее восхождение еще и выше этого. Ибо не только стала она вертоградом заключенным, плодоносящим пищу свою, но делается и удобопиемою для жаждущих, преложившись в естество источника, и притом источника запечатленного, не остановилась даже и на сем, но в возрастании в большую меру простерлась до того, что из уст ее вырос сад. Ибо с большею точностию вникший в силу еврейского выражения, вместо того, чтоб сказать: «леторасли твоя», говорит: из уст твоих «сад шипков»; а это значит: слово, исходящее из уст твоих, есть сад шипков. Шипки же дают из себя обилие плодов всякого рода, а плоды суть кипр с нардом и шафран, трость и киннамон, всякий род ливана и смирна, и алой, и первые мира. Итак, поелику невеста, по изображенному во псалме ублажению, по причине заступления, находимого ею у Бога, прекрасные «восхождения сии в сердце своем положила», восходя всегда «от силы в силу» (Псал. 83:6,8), то при усовершеннии ее состояния леторасли уст ее прекрасно называются садом шипков; удачно же с подразумеваемым понятием соображено речение: «леторасль» (греч.: апостолы), потому что посылаемое от посылающего переходит в приемлющее. И сие можно дознать из обычного словоупотребления, как и Евангелие скажет, что учеников, посылаемых на проповедь истины, само Слово «нарече Апостолы» (Лук. 6, 13). Что же посылают уста невесты? Явно, что слово веры, которое в приемлющих делается садом, посредством слуха насаждаемым в сердцах. Ибо роща, насажденная деревьями и тенистая, по обычаю называется садом. Посему, чтобы знать нам и род растений, какие насаждаются Словом в душах верующих, шипками именует деревья, которые возвращает посылаемое из уст невесты Слово. А шипок неподручен татю, пуская от себя колючие иглы, под каким-то жестким и горьким на вкус покровом содержит и воспитывая плод, который в свое время, когда он созреет и оболочка распадется, оказывается внутри приятным и красивым на вид, а также подобным меду, непротивным для вкуса, даже услаждает чувствилище вкуса похожим на вино соком.

Посему, кажется мне, что слово, посылаемое из уст невесты, в душах слушающих производит сады шипков, чтобы мы из сказанного научились, не изнеживать себя в настоящей жизни какою-либо вольностью и роскошью, но избирать жизнь, изможденную воздержанием. Ибо в таком случае недоступен будет татям плод добродетели, будучи огражден твердою корою воздержания, честным и угрюмым состоянием, как бы какими иглами терний, язва приближающихся с худою целию. Но когда время дозволит насладиться плодами, шипок делается обилием услаждающих всякого рода яблоков, потому что вкушаются не терновники или желуди, или что-либо сему подобное, открываются же в яблоках различного и разнообразного качества ароматы. Ибо прекрасно сочетание кипра с нардом, горячительного с благовонным. Не похвально горячительное само по себе, когда горячность бывает зловонным воспалением, но надобно, чтобы в разгоряченном засвидетельствована была чистота благовонием, и очистившийся от неприятной горячности стал «горящъ духом» (Рим. 12, 11). В сих яблоках можно находить и другие ароматы, как сказано, нард и шафран.

Но благовоние нарда дознали мы в сказанном выше; остается изобразить в слове загадочное значение шафрана. Наблюдавшие над силою этого цвета говорят, что он занимает средину между холодною и горячею и избегает неумеренности в том и другом, так что сим, может быть, загадочно преподается нам любомудрое учение о добродетели, потому что всякая добродетель есть середина между двух зол – недостатка и чрезмерности в добре. Например, о мужестве и о свободе говорят, что одно усматривается в середине между трусостию и дерзостию, а другая – между связанностию мелочами и самовольством. И утверждают, что к числу пороков принадлежат трусость и связанность мелочами по недостатку в надлежащем, а самовольство и дерзость по излишку и преступлению меры; средину же между чрезмерностию в том и другом называют добродетелию. Посему, если слово о шафране имеет какое-либо отношение к добродетели, то, сообразно с мерностию силы, объясняй себе этим неимеющее недостатка и излишества добродетельное состояние. А я рассуждаю, хотя

сказанное мною будет и не так учено, что загадочное значение шафрана может быть понято гораздо ближе к учению веры. Ибо цветок воспитывается в тройной чашечке, да и самая чашечка есть цветок воздушного цвета. Когда же развернется оболочка чашечек, непременно оказываются три, сокрытые в чашечках, благоуханные и имеющие целебную силу цветка, которые величиною, красотою, благоуханием и свойством силы один другому равны, и все три показывают одно во всем и в доброцветности, как сказано, и в благоухании, и в качестве силы. Вместе с ними появляются другие три цветка, на вид желтые, но не имеющие качества служить сколько-нибудь к восстановлению здоровья. Ими вводятся в ошибку неопытные, по доброцветности вместо действительного срывая негодное. Тоже делают и ныне погрешающие в вере, вместо здоровых догматов избирая ухищренные лжеучения. Да изберет же суждение слушателя из того и другого объяснения, что ему угодно, или одно из двух, или то и другое. Ибо некоторым образом одно есть и то, и другое, то есть стяжание и совершенной добродетели, и Божества, так как добродетель не вне Божества.

Но перейдем к обозрению прочих ароматов, по порядку упомянутых в слове. Сказано: «трость и киннамон», и яблоки. Яблоки – тот плод, какой приносится шипками сада у невесты, напротив того, «трость», как говорят, все прочее превосходит благоуханием, почему берется по закону и в священный фимиам (Исх. 30, 23). А «киннамон» по естественной некоей силе обещает много разного вида действий, из которых многие, по-видимому, выше и вероятнее. Ибо говорят, когда кипит в котле вода, если коснется ее только сей аромат, вода тотчас остывает; если внесен он в жарко натопленную баню, жар в воздухе претворяет в прохладу и имеет свойство уничтожать зараждающихся от гнилости животных. Рассказывают о нем и иное сему подобное, что, кажется, превышает веру слышащих. Ибо утверждают, что, если положен в рот сонному, ничто не препятствует человеку и во время сна отвечать на предлагаемые вопросы; напротив того, спрашиваемый пребывает во сне и дает на предлагаемые вопросы

бодрствующему приличные и отдельно произносимые ответы. Утверждать, что сие действительно так, не дознав опытом истины рассказываемого о растении, было бы опрометчиво и неосмотрительно. По крайней мере, поелику на каком-то таинственном основании аромат сей включен в список яблоков, не потому что на самом деле произрастают они из шипков (ибо не в такой мере чувственные сады производят из себя уста невесты), но чтобы служить ему знаком одного из понятий, входящих в похвалу невесты, то не почитаю справедливым пройти молчанием тех баснословных сказаний о киннамоне, которые теперь изложены в слове, а также, если и иное что после сего вздумается сообщить повествующим о сем аромате. Только бы сказуемым присовокуплялось нечто к похвале добродетели, потому что каждая часть повествования значительно служит к показанию совершенства жизни добродетельной.

Ибо в душе обученных и рассудительных можно находить сей «киннамон», когда кто или пламенея похотением, или будучи одержим гневом угащает страсти сии рассудком. Или кто во время житейского сна имеет в устах этот трезвенный «киннамон» помысла и, подобно неусыпным и бодрственным Ангелам, обнаруживает в себе непогрешительное и невозмутимое понимание сказуемого, а в истине учения подражает неусыпающему естеству Ангелов, которых никакая необходимость какого-либо представления не отвлекает от истины; о том можно сказать, что из уст его исходит «киннамон», при котором угащаются и воспламенение похоти, и воскипение в сердце гнева, и разум бывает чист от всякого в жизни сей сонного мечтания и смешения понятий. И никто, имея в виду невероятность рассказываемого о киннамоне, да не осуждает слова за то, что не от истины заимствует похвалу невесте. Ибо Святому Писанию нередко обычно и некоторые басни заимствовать у внешних в содействие своей цели, и без стыда из баснословного сказания упоминать некоторые имена к яснейшему указанию предлагаемой мысли. Так Писание, выражая удивление к красоте дочерей Иова, чрезмерность удивления к оной показало самыми именами, говоря, что одну

«нарече» Иов «день», другую – «Кассию», третью же – «Амалфеев рог» (Иов. 42, 14). Всякому же известно, что еллинское баснословие изобрело рассказ об Амалфие, – этой козе, которая, по баснословию, сделалась кормилицею одного Критянина (Зевеса), и у которой, когда отпал один рог, из пустоты его, как сложило баснословие, изливалось все в обилии. Посему ужели Святое Писание верило басне, рассказываемой об Амалфие? – Сие невозможно. Напротив того, свидетельствуя об изобилии Иовлевой дочери благами добродетели, оно дает о том знать сим именем, так чтобы рассудительно слушающий Писание по имени уразумел только цель похвалы, без внимания оставив в стороне баснословные рассказы, как и слыша о «кассии» и о «дне», из сих имен не ароматное какое вещество и не течение солнца над землею дознали мы, но утверждаем, что в именах содержится указание на добродетельную жизнь так наименованных, и «кассия» означает чистоту и благоухание, а «день» – благообразие предначинаний, как говорит Апостол, что живущие в чистоте именуются «чадами света» (Ефес. 5, 8) и «сынами дня» (1Сол. 5, 5).

Посему и здесь также не без пользы, как служащее в похвалу невесте, включено в содержание похвал рассказываемое о «киннамоне», только в переносном значении. Но кто таковым уже соделался и до сей высоты похвал достиг жизнью, тот во всем показывает в себе черты Божественного образа. Сие дает видеть сказавший: со всех дерев ливанских. Ибо наблюдатели подобных вещей говорят, что ливанское дерево, из которого сочится ладон, не одного рода, но есть в деревьях сих некоторая разность, с наружностью дерева изменяющая и вид аромата. Посему, кто всеми предначинаниями жизни выражает в себе Богоподобие, тот показывает в себе красоту всех дерев ливанских, которыми означаются отличительные черты Божественного образа. Но никто не делается причастником славы Божией, не став прежде подобным «подобию смерти» (Рим. 6, 5). Почему похвала в списке ароматов говорит и то, что яблоки шипков суть и прочие ароматы, перечисленные в слове, и между ними «смирна, алой

и первыя мира». Ибо ими, смирною и алоем, указывается на участие во гробе, как говорит высокое Евангелие, потому что с ними совершенно погребение Вкусившего за нас смерть (Иоан. 19, 39). А «первыми мирами» указывает Слово на чистоту и отсутствие всякого корчемнического подлога, как и Амос к услаждающимся этим обращается с подобною речью, говоря: «пьющий процеженное вино, и первыми вонями мажущийся» (Амос. 6, 6); тогда как прежде сего сказал: «ядущий козлица от паств, и тельцы млеко питаемы от среды стад: плещущий ко гласу пищалей» (Амос. 6, 4–5), так что ни вина не возмутили подонки, ни в мир не испортила чистоты благоухания какая-либо примесь. Но там, конечно, надлежит полагать, что пророчество укоряет Израильтян, которые, упиваясь чистым учением Писания, процеженным от всяких подонков, и имея у себя неподдельное благоухание мир, и всячески наслаждаясь духовным пиршеством, ни мало не воспользовались таковыми сладостями, потому что злое произволение их и прозрачность вина претворило в мутную бродящую жидкость, и чистоту первых мир повредило примесью лукавых понятий. А здесь слово плодоношением «первых мир» свидетельствует невесте о неповрежденности и чистоте ее догматов.

И на сем не остановились и невеста, простирающаяся к высшему, и Слово, ей содействующее к восхождению. Ибо та, из уст у которой исходят «леторасли шипков» и «сады» ароматов, сама делается теперь источником, орошающим произросшие из нее сады, и не как знаем о Павле и Аполлосе, что один насадил, а другой напоил (1Кор. 3, 6), напротив того, одна совершает два дела вместе, насаждая и напоевая сады. Или, может быть, похвала сия содержит в себе и высшую некую мысль. Ибо Слово говорит, что она – источник не какой-либо изливающейся влаги, но вертоградов, источает и изливает не какие-либо потоки вод, но самые вертограды. Так божественный Апостол источил одушевленные вертограды тем, у кого был, учением насаждая сад Церкви.

Потом Слово на самый верх возводит невесту похвалами, назвав ее кладязем «воды живы» и «истекающие от Ливана». Ибо сие из Святого Писания дознали мы об Естестве

животворящем: то пророчество говорит от лица Божия: «Мене оставиша, источника воды живы» (Иер. 2, 13), то Господь сказал Самарянке: «аще бы ведала еси дар Божий, и Кто есть глаголяй ти: даждь Ми воду пити, ты бы просила у Него, и дал бы ти воду живу» (Иоан. 4, 10), и «аще кто жаждет, да приидет ко Мне, и пьет. Веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы. Сие же рече о Дусе, егоже хотяху приимати верующии в Него» (Иоан. 7, 37–39). Итак, под водою живою везде разумеется естество Божеское, а здесь не лживое свидетельство Слова подтверждает, что невеста – кладязь воды, которая течет от Ливана. Сие-то всего удивительнее, потому что все кладязи имеют постоянно собранную в них воду, одна невеста имеет в себе воду изливающуюся, так что в ней и глубина кладязя, и непрестанная подвижность реки. Ибо кто, как должно, изобразит показуемые чудеса, как бы в следствие совершившегося теперь в ней уподобления? Может быть, ей нечем превзойти себя, во всем уподобившись первообразной красоте. Ибо в точности, как источник, стала подобна Источнику, как жизнь – Жизни, как вода – Воде. Живо Слово Божие, жива и душа, приявшая Слово. Та Вода течет от Бога, как говорит Источник: «от Бога изыдох, и приидох» (Иоан. 8, 42). А она содержит в себе вливающееся в кладязь души, и чрез это делается сокровищницею оной живой воды, лиющейся, или лучше сказать, как выразилось Слово, истекающей (точнее: истекающей с шумом) от Ливана, причастниками которой да будем и мы, приобрета оный кладязь, чтобы по заповеди, данной премудростию, пить нам свою, а не чужую воду (Прит. 5:15) о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава во веки веков! Аминь.

Беседа 10. Толкование на Песн. 4:16–5:2

Песн.4:16. Востани, севере, и гряди, юже, и повеи в вертограде моем, и да потекут ароматы моя.

Песн.5:1. Да снидет брат мой в вертоград свой, и да яст плод овощей своих. Внидох в вертоград мой, сестро моя невесто, обимах смиру мою со ароматами моими, ядох хлеб мой с медом моим, пих вино мое с млеком моим; ядите, ближнии [н]мои, и пейте, и упийтесь, братия.

Песн.5:2. Аз сплю, а сердце мое бдит.

Поелику предстоящее нам теперь обозрение Божественных речений, следующих по порядку в Песни песней, содержит в себе некоторые понятия, трудно постигаемые и по неясности покрытые тайною, то настает для нас потребность в большей внимательности, лучше же сказать, в большем содействии молитв и путеводительстве Святого Духа, чтобы нам в изумлении от сих высоких чудес не потерпеть того же, что обыкновенно бывает с нами, когда смотрим на звезды, потому что и их красоте дивясь издали, не можем придумать никакого способа к познанию их сотворения, напротив того, по причине красоты их, наслаждением служит для нас пребывать в удивлении видимому. Ибо подлинно некими звездами представляются и эти лучи, и осияния Божественных сих словес, блистательнейшие и превосходнейшие душевных очей, «по высоте небесней от земли», как говорит Пророк (Псал. 102, 11). А если и с нашею душою произойдет то же, что слышим об Илии, и мысль наша, восхищенная на огненной колеснице, став превыспреннею, предложится к небесным красотам (Святым же Духом будем представлять себе тот огонь, которого Господь приходил «вовреци на землю» (Лук. 12, 49), уделяемый ученикам в виде языков), то и для нас небезнадежным сделается приблизиться к сим звездам, разумею Божественные понятия, которые посредством небесных и духовных словес осиявают наши души. Ибо воззри душевным оком, тебе говорю, слушатель, бывшим от Господа патриарху словом, «воззри на небо сие» (Быт. 15, 5) и рассмотри звезды, если можешь

измерить высоту самых понятий. Обрати внимание на власть царицы, из повелений ее уразумев ее владычество; какое самодержавное полномочие открывается в том, что говорит; не молением успевает в том, чего хочет, но по неложному слову Обетовавшего, Который говорит, что «верный и мудрый строитель» делается господином «над всем» именем у Владыки (Лук. 12, 42–44). Прияв сию власть, невеста царски в угодность себе располагает двумя ветрами, повелительно удаляя от себя ветер северный, и благосклонно призывая южный, и побуждая скорее придти к ней. Буквально же читается так: «востани, севере, и гряди, юже» (Песн. 4, 16).

Сродное нечто с сказанным найдется, может быть, в словах сотника, которым подивился Сам Бог Слово, как повествует Евангелист, говоря: «слышав же Иисус, удивися» (Матф. 8, 10) и слова сотника предпочел вере Израиля. Ибо кажется мне, что Господь в отношении к вере делает сравнение сотника не с народом Израильским, но с тем самым Израилем, который в борьбе с сопротивником и при вспомоществовании Божиим едва избежал падения, оставшись несовершенно невредимым от противоборца, потому что получил болезнь стегна (Быт. 32, 24). А этот сотник, о котором теперь речь, с царственным неким могуществом властно отсылая, что ему чуждо, приближает к себе, что ему угодно. И по моему мнению, муж сей заслужил удивление преимущественно тем, что говорит о себе, как из подчиненных ему воинов с полною властью отсылает от себя, кого хочет, и призывает к себе, кого угодно, и назначает рабу надлежащее ему служение. И при этом видно некое любомудрие в словах сотника: отосланного однажды не возвращает уже он к себе, но, как скоро уходит отосланный, вместо него приближает к себе другого. Ибо, сказав это: «иди, и идет» (Матф. 8, 9), продолжает, что призывает другого, а не отосланного; и сим, думаю, Слово учит такому положению, что взаимно противоположным между собою не естественно в одном и том же обращаться друг с другом, потому что никакого нет общения «свету ко тме», говорит Апостол (2Кор. 6, 14); напротив того, по всей необходимости, по удалении тьмы видим вместо нее свет, и по искоренении порока на его место вводится

добродетель; а по преуспевании в этом мудрование плоти не восстает уже против духа и не может восстать, потому что умерщвлена его сила противиться, но делается готовым ко всякому надлежащему служению, пребывая благопокорным и послушным владычеству духа. Ибо когда прогнан воитель – защитник порока, а на место его вошел ратоборец добродетели, облекшийся в броню правды и вооруженный мечем духовным, оградившийся защитительным вооружением – шлемом спасения, щитом веры, имеющий на себе всякое духовное вооружение (Ефес. 6, 14–17), тогда раб – тело боится своего господина и с готовностью принимает повеления преобладающего, по которым при служении тела преспеивает добродетель. Ибо на сие указывает слово сотника: «глаголю рабу моему: сотвори сие, и сотворит» (Матф. 8, 9).

Но послушаем царицу, почему гонит от себя северный ветер, дуновение его обращая назад. Ибо не успокоиться ему приказывает, как Господь при волнении моря велел буре быть в безмолвии и волнам молчать (Мк. 4, 39), но, чтобы беспрепятственно мог дуть ветер южный, когда никакое противное дуновение не задержит его стремления, повелевает северному ветру удалиться и бежать, говоря: «востани». Какая же причина удаления сего ветра? «Север жесток ветер, – говорит на это приточное слово, именем же приятен нарицается» (Прит. 27, 16). Но север ни для кого не с правой стороны, разве у кого восток сзади, и кому путь на запад. Без сомнения же разумеешь загадочный смысл сказуемого, что отступивший от востока (а востоком в пророчестве именуется Христос), и идущий на запады света, где владычество тьмы, с правой у себя руки имеет северный ветер, снабжающий его дурными напутствиями, с которыми совершается путь в тьму. Так распутный справа у себя находит северный ветер, дующий вместе с страстью бесчестия. Так у любостяжателя правым бывает этот ветер лукавства, когда, подобно какому-то песку или праху, собирает ему питающее любостяжательность. Так, оказывая свое содействие каждому прегрешению, он «приятен» бывает, кому может стать приятным, будучи «жесток» по природе, но жестокость свою прикрывая удовольствиями. Посему гонит

северный ветер из под своего начальства та, которая, облекшись властью над страстями, говорит: «востани, севере». А что этим именем означается сопротивная сила, это ясно будет для всякого уразумевшего естество видимого. Ибо кто не знает о движении солнца, что оно, совершая течение с востока по югу, склоняется к западу? А поелику поверхность земли шарообразна, как говорят уразумевшие подобное сему, то, будучи освещена солнцем в одной части, по всей необходимости покрывается тьмою в части противоположной, затеняемая преградою того, что в середине. Итак, поелику оное место всегда пребывает неосвещенным и холодным, не будучи ни осияваемо, ни согреваемо солнечными лучами, то посему князя власти темные, который нежное естество души, подобно воде, приводя в оцепенение, окаменяет и делает жестоким, Слово называет и северным ветром, и жестоким, делателем угрюмой зимы, разумею ту зиму, в которую Евангелие называет невозможным бегство от опасностей (Матф. 24, 20), потому что во время ее увядает красота цветущих добродетелию.

Посему прекрасно это, что слово царицы со властью гонит сей ветер, призывает же полуденный, теплый и всегда светлый, который называет «югом», от которого течет поток наслаждения, говоря: «и гряди, юже, и повеи в вертограде моем, и да потекут ароматы моя» (Песн. 4, 16), чтобы сильным дыханием, как, слышали мы, было это с учениками в горнице, повеяв на одушевленные насаждения, подвинуть насаждение Божие к излиянию ароматов и заставить из уст истечь благовонное пророчество и спасительные догматы веры, во всяком виде языков беспрепятственно разливающие благоухание учений. Так, сто двадцать учеников, насажденных в дому Божиим, дыханием такового юга произрастили цвет – учение на разных языках. Посему-то, таковому югу говорит невеста: «повей в вертограде моем». Поелику сделалась она матерью вертоградов, по гласу Жениха, соделавшего ее источником вертоградов, как содержит в себе слово, то поэтому желательно ей, чтобы провеян был вертоград ее, т. е. Церковь, изобилующая одушевленными древами, и потекли от них ароматы, Пророк говорит: «дхнет Дух Его, и потекут воды»

(Псал. 147, 7), а невеста, величаясь царским богатством, с великолепием изменяет потоки, обращая их в реки ароматов, истекающие из деревьев вертограда по сильному дуновению ветра, так что и из этого можно дознать разность Заветов Ветхого и Нового, и именно, что пророческая река наполнена водами, а евангельская – ароматами. Таковою рекою ароматов, при содействии Духа текущею из вертограда Церкви, был великий Павел, токи которого благоухали Христом. Другою таковою рекою были Иоанн, Лука, Матфей, Марк и все прочие, как благородные насаждения вертограда невесты, провеваемые светлым оным полуденным югом, сделались источниками ароматов, изливающими благоухание Евангелий.

«Да снідет, – говорит невеста, – брат мой в вертоград свой, и да яст плод овоцій своих» (Песн. 5, 1). Какой дерзновенный глас! Какая щедрая и великодаровитая душа, превышающая всякий избыток великодушия! Кого угощает пиршеством из собственных Его плодов? Кому уготовляет вечерю из собственных Его благ? Кого приглашает вкусить Им же приготовленного? Тому, от Кого все и Кем все, и в Ком все, Кто всем дает «пищу во благовремении, отверзает руку Свою и исполняет всякое животное благоволения» (Псал. 144, 15–16), есть «хлеб, сходяй с небесе и давай живот миру» (Иоан. 6, 33), из собственного Своего источника источает жизнь всем существам, – Ему-то невеста предлагает трапезу. А трапеза есть вертоград, насажденный одушевленными древами. Древа же сии – мы, если только и мы в пищу Ему предлагаем спасение душ наших, потому что жизнь нашу вменяющий себе в пир сказал так: «Мое брашно есть, да сотворю волю» Отца Моего (Иоан. 4, 34). Очевидна же цель Божественной воли Того, «Иже всем хочет спастися и в разум истины прийти» (1Тим. 2, 4). Посему, вот уготованное Ему брашно – спасение наше. А плодом делается наше произволение, собою, как бы какую ветвию, влагающее душу в руки пожинающему нас Богу. Надлежит же из сего видеть, что сперва невеста услаждается плодом яблони, говоря: «и плод его сладок» в устах моих (Песн. 2, 3), а тогда плод и сам делается зрелым и усладительным, и делателю предлагается на веселие. А выражение; «да снідет» имеет

значение прошения, будучи произносимо подобно словам; «да святится имя Твое», – и: «да будет воля Твоя». Ибо, как там оные речения по своему виду заключают в себе молитвенное значение, так и здесь выражение: «да снидет» есть молитва невесты, показующей Богу обильное плодоносие добродетели. А снисшествие означает дело человеколюбия. Ибо, так как невозможно вознестись иначе к Всевышнему, как разве к пресмыкающемуся по земле преклонится «Приемляй кроткия Господь» (Псал. 146, 6), то посему восходящая горе душа, призывая в помощь руководство Вышнего, умоляет Сего снизойти из Своего величия, чтобы соделаться доступным для дольних.

А изрекший устами Пророка: «еще глаголющу ти» там, «се приидох» (Ис. 58, 9), прежде, нежели молитва вышла из уст у невесты, и услышал, в чем имела она нужду, и внял готовности ее сердца, и был уже в вертограде, обвеваемом южным ветром, и собирал плоды ароматов, и насытился овощами добродетели, и пересказывает о пиршестве, говоря невесте так: «снидох в вертоград, сестро моя невесто: обимах смиру мою со ароматами моими, ядох хлеб мой с медом моим, пих вино мое с млеком моим: ядите, ближнии» мои, «и пейте, и упийтесь, братия» мои (Песн. 5, 1). Видишь ли, как щедростию превышает прошение? Невеста просила, чтобы источниками ароматов соделались ее насаждения в вертограде, обвеянные с полудня веющим югом, и чтобы овощными плодами угощен был делатель. Всякому же известно, что благоухание, какое бы то ни было, доставляет удовольствие чувству обоняния, а овощи, как снедь, менее хлеба имеют силы к поддержанию здоровья питаемых. Но Снисшедший в вертоград Свой, естество плодов преложив в нечто более важное и дорогое, собирает в вертограде смиру, нашедши ее с своими ароматами, потому что Его все, «аще что добро», в чем бы ни нашлось это, как воспекает пророческое слово (Зах. 9, 17). Он делает, что деревья вместо плодов изобилуют хлебом, смешанным с медом Его. И с этим согласно да изречется тоже пророческое слово, что Его мед, как и прочие блага, и из того же почерпается

вино, срастворенное с млеком Его: ибо «из Того, и Тем, и в Нем всяческая» (Рим. 11, 36).

О, как блаженны оные вертограда, в которых насаждения, как засвидетельствовано, изобилуют такими плодами, что преобразуются во всякий род пищи по вожделению наслаждения! Ибо для услаждающегося благовонием делаются смирною, умерщвлением земных членов уготовляя миро чистой и благоуханной жизни, сваренное из многих и различных ароматов добродетели. А для ищущего совершеннейшей пищи делаются хлебом, который не с горьким зелием сдается, как повелевает закон (Исх. 12, 8), потому что для настоящего времени пригодно горькое зелие, но приправою своею будет иметь мед, когда плод добродетели во время свое усладит чувствилища души, доказательством чему служит по воскресении Господа явленный ученикам хлеб, услаждаемый сотом меда (Лук. 24, 42). Для жаждущего же делается чашею, полною вина и млека, а не губкою, омоченною в желчь и оцет, какую иудеи в знак благожелания на трости подают Благодетелю. И, конечно, не неизвестен нам загадочный смысл сказанного, а именно, как приносящим смирену древом был Павел, по вся дни умирающий (1Кор. 15, 31), сам себе произносящий «осуждение смерти» (2Кор. 1, 9), благоухающий чистотою и бесстрашием и делающийся «вонею животного» для «спасаемых» (2Кор. 2, 16), как одушевленные насаждения вертограда приносят хлеб Владыке вертограда, о чем свидетельствует Седящий на престоле: «взалкахся, и дасте Мя ясти» (Матф. 25, 35), потому что благодетельность есть хлеб веселия, услаждаемый медом заповеди, как еще те плодоносные насаждения вертограда, которым говорит Он: «возжадахся, и напоите Мя», изливают Жениху вино, срастворив его с молоком, а не с водою, по обычаю корчемников. Но молоко есть первая пища естества человеческого – и чистая, и простая, в подлинном смысле младенческая и не хитрая, очищенная от всякой лукавой вины.

Сказав это невесте, Слово предлагает ближним евангельские таинства, говоря: «ядите, ближнии» Мои, «и пейте, и упийтесь, братия» Мои; ибо для знающего таинственные

изречения Евангелия не окажется никакого различия между сказанным здесь и тайноводством учеников, какое совершено там, потому что Слово и здесь и там одинаково говорит; «ядите» и «пейте». Но в этом совете приходит в упоение, какой здесь дает Слово братиям, как может показаться многим, заключается нечто большее против Евангелия. Впрочем, если кто исследует в точности, то и сие окажется согласным с евангельскими предписаниями. Ибо, что здесь повелевалось друзьям на словах, то там совершило Слово на самом деле, потому что всякое упоение производит обыкновенно исступление ума, преобладаемого вином. Посему, в чем здесь подается совет, то и тогда производилось Божественною оною снедию и Божественным питием, и всегда производится, так как вместе с снедию и питием приемлется внутрь предложение от худшего к лучшему и исступление. Так упоеваются, по сказанному пророчеством, пьющие от «тука дому Божия» и напоеваемые «потоком сладости» (Псал. 35, 3), как упился однажды и великий Давид, когда, вышедши из себя самого и быв в исступлении, видел незримую красоту и возгласил это пресловутое слово: «всяк человек лож» (Псал. 115, 2), слову веря истолкование несказанных сокровищ. Так был в упоении и юнейший Вениамин – Павел, когда пришел в исступление, говоря: «аще бо изумихомся, Богови» (потому что для Бога было наше исступление); «аще ли целомудрствуем вам» (2Кор. 5, 13), как и показал о себе в словах к Фисту, что «он не беснуется, но целомудрия и правды глаголы вещает» (Деян. 26, 25). Знаю, что и блаженный Петр в таковом виде упоения был вместе «приалчен» и «упоен», ибо, прежде нежели принесена телесная пища, когда «бысть приалчен и хотяше вкусити», домашним же, «приготовляющим» ему трапезу, приходит на него Божественное и трезвенное упоение, от которого выходит сам из себя, видит евангельскую «плащаницу», спускаемую сверху за четыре края, заключающую в себе людей всякого рода в тьмочисленных видах и птиц, и четвероногих, и гадов, и зверей, имеющих на себе образ по различию их чтилищ, и что в них было звериного и бессловесного вида, то повелевает Слово Петру заколоть, чтобы по очищении их, остальное сделалось

удобоснедным, когда преподается им чистое Слово благочестия, и неоднократно изрек Божественный глас: не скверно то, «яже очистил есть Бог» (Деян. 10, 10–15), но трекратно повторено сие провозглашение, чтобы дознали мы по единому гласу, что очищающий Бог есть Отец, и по другому так же, что очищающий Бог есть Единородный Сын, и подобно сему еще по иному, что очищающий все нечистое Бог есть Дух Святый. И так, поелику таково бывает упоение от вина, предлагаемого Господом сопиршественикам, от которого происходит душевное изступление в Божественном, то прекрасно Господь сделавшимся ближними по добродетелям, а не отстоящим далеко, повелевает: «ядите, ближнии» Мои, «и пейте, и упийтесь». Ибо «ядый и пияй недостойне суд себе яст и пиет» (1Кор. 11, 29). Прекрасно так же достойных снеди нарек братьями; «иже бо сотворит волю Его, сей брат и сестра, и мати» именуется Словом (Мк. 3, 35).

За упоением по порядку следует сон, чтобы пищеварением возвращена была вечерявшим сила во здравие телу. Поэтому после оного пиршества невеста погружается в сон. Но сон этот какой-то странный и неследующий естественному обычаю, потому что в обыкновенном сне и спящий не бодрствует, и бодрствующий не спит, но то и другое одно другим прекращается, и сон и бодрствование попеременно друг другу уступают место. А здесь усматривается у невесты какое-то новое и необычайное стечение и соединение противоположностей. Она говорит: «аз сплю, а сердце мое бдит» (Песн. 5, 2). В каком же смысле надобно принять это? Сон есть подобие смерти, потому что во сне прекращается всякая чувственная деятельность тел: ни зрение, ни слух, ни обоняние, ни вкус, ни осязание во время сна не действуют, как свойственно им. Напротив того, сон расслабляет телесные силы, производит даже забвение о заботах, какие бывают у человека, усыпляет страх, укрощает раздражение, отнимает силу у огорчительного и приводит в бесчувствие всех бедствий, пока владеет телом. Посему из сказанного дознаем, что выше себя самой стала та, которая величается сим и говорит: «аз сплю, а сердце мое бдит» (Песн. 5, 2). Ибо действительно, когда

ум живет один сам собою, не смущаемый ни одним из чувствилищ, тогда природа тела бывает приведена в бездействие, как бы во сне каком и в гробу, и справедливо можно сказать, что засыпает от бездействия зрение, потому что презируются зрелища, которые обыкновенно изумляют детские взоры, разумею не эти только зрелища земного вещества, например: золото, серебро, всякие камни, какую-то доброцветностию возбуждающие в глазах жадность, но и чудеса, видимые на небе, блистания звезд, солнечный круг и многообразный вид луны, и если иное что доставляет удовольствие глазам, так как ничто не пребывает вечно, но все с течением времени движется и вращается. Когда, при взгляде на истинные блага, все сему подобное бывает презрено, тогда в недеятельности остается телесное око, потому что душа, став совершеннее, не привлекается тем, что оно показывает, взирая умом на одно то, что выше видимого. Так и слух делается каким-то мертвым и недеятельным, потому что душа бывает занята тем, что выше разума.

О чувствах же более скотских не стоит и говорить, потому что, подобно какому-то зловонию от мертвечины, далеко отвергаются душою и отыскивающее запахи обоняние, и предавший себя на служение чреву вкус, а с ними и осязание, это рабское и слепое чувство, которое, может быть, для слепых только и произведено природою. Когда все это, по причине бездействия, одержимо как бы сном каким, тогда деятельность сердца чиста, помысл обращает взор горе, не оглушаемый и невозмущаемый чувственным движением. Так как в естестве человеческом удовольствие двояко, одно производится в душе бесстрастием, а другое в теле страстию, которое из двух избрано будет произволением, то и возобладает над другим. Например, если кто обращает внимание на чувство, привлекаемый удовольствием, какое чувством производится в теле, то проведет он жизнь, не вкусив Божественного веселия, по привычке лучшее как бы помрачить худшим. А у кого вожделение устремлено к Божественному, для тех благо пребывает неомрачаемым, и все обворожающее чувство почитается достойным того, чтобы избегать сего. Посему душа,

когда услаждается одним созерцанием сущего, не бывает бодрственна ни для чего такого, что приводить в удовольствие посредством чувства, но, усыпив всякое телесное движение ничем неприкровенною и чистою мыслию, в Божественном бодрствовании приемлет Богоявление, которого да сподобимся и мы при помощи сказанного сна, преуспев в душевном бодрствовании о Христе Иисусе. Ему слава во веки веков! Аминь.

Беседа 11. Толкование па Песн. 5:2–4

Песн.5:2. Глас Брата моего ударяет в двери: отверзи Ми, сестро Моя, ближняя Моя, голубице Моя, совершенная Моя, яко глава Моя наполнися росы, и власы Мои капель нощных.

Песн.5:3. Совлекохся ризы моя, како облекуся в ню? Умых нозе Мои, како оскверню их?

Песн.5:4. Брат мой посла руку Свою сквозе скважню, и чрево мое вострепета от Него.

Вот одна из великих заповедей Господних, по которым разум обучаемых словом, как бы персть какую оттрясши с себя все в естестве вещественное, возносится к вожделению высшего, то есть, имеющим в виду жизнь горнюю должно быть выше сна и всегда бодрствовать разумом, как бы обольстительницу какую душе и наветницу истины, отгоняя от очей дремоту, разумею ту дремоту и тот сон, которыми в погружающихся в житейское обольщение образуются эти мечтательные представления: начальство, богатство, господство, кичливость, очаровательность удовольствий, славолюбие, пристрастие к наслаждениям, честолюбие и все, что в этой жизни для неосмотрительных, по какому-то пустому представлению, вожделенно, протекает вместе с преходящими естеством времени, имеет бытие только во мнении, не будучи тем, за что признается, и даже во мнении нашем не оставаясь постоянно тем же, но представляясь вместе и приходящим в бытие и гибнущим, подобно волнам, воздымающимся над водами, и на время надмеваемым движением ветров, но неостающим на долго в этом надмении, потому что воздвигнутые стремительностью ветра, вскоре опав вместе с ветром, опять показывают гладкую поверхность моря. Посему, чтобы мысль наша стала свободна от таковых призраков, Слово повелевает тяглый этот сон отрясти с душевных очей, чтобы по рачительности о несостоятельном не утратить нам состоятельного и действительно существующего. Посему и внушает нам мысль о бодрствовании, говоря: «да будут чресла ваша препоясана, и светильницы горящи» в руках ваших (Лук.

12, 35), потому что показывающийся глазам свет гонит от очей сон, и чресла, стянутые поясом, делают тело неспособным к сну, ощущение трудов не допускает упокоения во сне. Конечно же, ясно, что выражается загадочною речью: препоясанный Целомудрием живет во свете чистой совести, потому что светильник дерзновения озаряет жизнь, в которой душа от явления истины пребывает неусыпною и неподдающеюся обману, не приводимую в безумие ни одною из этих ничего незначащих грез. Если же преуспеет и в этом под руководством Слова, то последует с нами ангельская некая жизнь, потому что Божия заповедь уподобляет нас тем, о которых говорит: «и вы подобны человеком чающим Господа своего, когда возвратится от брака, да пришедшу и толкнувшу, абие отверзут ему» (Лук. 12, 36). Ибо и они ожидают Господня возвращения с брака и с бодрственным оком сидят при небесных вратах, чтобы Царь Славы, когда возвратится с брака, вошел опять ими в пренебесное оное блаженство. Откуда, «яко жених», по словам псалмопения, «исходяй от чертога» (Пс. 18, 6), обручил Он себе нас в девице, это естество, соблудившее с идолами, таинственным возрождением претворил девственное нерастление. Итак, по совершении уже брака, по увещании Церкви Словом, как говорит Иоанн: «имеяй невесту, жених есть» (Иоан. 3, 29), по принятии ее в чертог таинств, Ангелы ожидали возвращения Царя, по введении Церкви в естественное блаженство. Посему им-то, изрекше Слово, должна уподобляться наша жизнь, чтобы как они, ведя жизнь далекую от порока и обмана, готовы к принятии Владычного пришествия, так и мы, бодрствуя у преддверия наших временных жилищ, соделали себя готовыми к послушанию, когда пришедши толкнет Он в дверь. Ибо «блажени, – сказано, – рабы тии, ихже пришед Господь их обрящет», творящими так (Лук. 12, 37).

Посему, так как блаженное дело быть послушным толкущему в двери, то по сей причине душа, которая неусыпно хранит свои сокровища, непрестанно помышляя о блаженстве, ощущает стоящего при дверях и говорит: «глас Брата моего ударяет в двери». Как из слов сих можно иному достойным

образом уразуметь восхождение невесты к Божественному? Та, которая с такою властью и уверенностью отогнала от себя жестокий оный север, привлекла к себе светлый ветер, производит в устах сады шипков, плоды которых ароматы; та, которая Владыке твари предложила вертоград свой в трапезу, на которой ничто из предложенного не оказалось таким, чтобы могло быть отринутым, а напротив того все было прекрасно, что засвидетельствовано смирною, ароматом, хлебом с медом и вином с молоком; та, совершенство которой подтвердило Слово, сказав: «вся добра еси, и порока несть в тебе» (Песн. 4,7); та самая расположена теперь, как в первый раз готовящаяся принять пришествие Божие, и как еще не приявшая и не вселившая у себя стоящее ныне пред дверьми Слово, силу голоса вменяет в чудо. Посему сказывает, что голос Женихов касается не ее, но двери ее; ибо говорит: «глас Брата моего ударяет в двери».

Видишь ли, как беспредельно шествие для восходящих к Богу, как пройденное делается всегда началом тому, что лежит выше? По сказанному невесте надеялись мы некоторой остановки в продолжении шествия вверх. Ибо по засвидетельствовании о совершенстве чего большего стал бы иной искать? Что же видим? Невеста еще дома, не выходила и из дверей, не насладились лицезрением пришедшего, но слухом только путеводится к причастию благ. Посему из сказанного дознаем следующее учение: к преуспевающим в важнейшем всегда удобоприложимо апостольское слово, в котором сказано: «аще кто мнится ведети что, не у что разуме, якоже подобает разумети» (1Кор. 8, 2). Ибо в предшествовавшем душа познала Жениха, сколько постигла. Но как не постигнутое еще в бесконечное число крат больше постигнутого, то посему, хотя Жених многократно являлся душе, однако же гласом возвещает о себе невесте, что явится ей, как не представавший еще ее очам. А чтобы мысль сия соделалась для нас более ясною, присовокуплю к речи для примера некоторое подобие: как если бы кто находился близ того источника, о котором Писание сказало, что в начале «исхождаше из земли» в таком обилии, что «напаяше все лице

земли» (Быт.2,6), то приблизившийся к источнику будет дивиться несметному сему множеству «безпредельной» воды, непрестанно его наполняющей и им изливаемой, но не скажет, что видел всю эту воду (ибо возможно ли ему видеть сокрывающееся в недрах земли?), посему, если и долго простоит у льющегося источника, всегда будет только в начале этого зрелища, потому что вода все еще не прекращает своего течения и все еще начинает только изливаться. Так и тот, у кого пред очами она Божественная и неопределимая красота, поелику обретаемое вновь непрестанно представляется непременно более новым и необычным в сравнении с постигнутым уже, хотя и дивится всегда пред ним появляющемуся, но никогда не останавливается в вожделении еще видеть, потому что ожидаемое велелепнее и божественнее всего видимого. Посему и здесь невеста, всегда дивясь познаваемому и изумевая пред этим, никогда не удовлетворяется познанным в желании продолжать обозрение. По этой причине и теперь, так как ощущает еще, что Слово ударяет в двери, с послушанием восстает и говорит: «глас Брата моего ударяет в двери».

Потом, дав успокоение слуху, слушает глас вещающего Слова: «отверзи Ми, сестро Моя, ближняя Моя, голубице Моя, совершенная Моя: яко глава Моя наполнися росы, и власы Мои капель noctных». Смысл же сего постигнет тот, кто составит себе такой взгляд. Великому Моисею Божоявление началось светом; потом Бог беседует с ним в облаке, после же сего Моисей, став выше и совершеннее, видит Бога во мраке. А из сего дознаем подобное следующему: первое удаление от ложных и погрешительных предположений о Боге есть переход из тьмы в свет. Более же внимательное наблюдение сокровенного, видимым путеводящее душу к естеству невидимому, делается как бы неким облаком, которое, затеняя собою все видимое, руководит и приобучает душу к тому, чтобы обращала взор на скрытое. Душа же, простирающаяся чрез это к горнему, сколько доступно сие естеству человеческому, оставляя дальнее, входит в святилище боговедения, отовсюду будучи объята Божественным мраком, в котором, поелику все видимое и

постигаемое оставлено вне, обозрению души остается только невидимое и непостижимое, и в сем то мраке – Бог, как говорит Слово о законодателе: «Моисей же вниде во мрак, идеже бяше Бог» (Исх. 20, 21).

По таком обозрении сего должно рассмотреть, какое сродство между сказанным и предлагаемым нашему вниманию. Черна была некогда невеста, омраченная неслетлыми учениями, когда облиставшее ее солнце пожгло, по причине искушений, неукоренившееся на камнях семя. Побезденная некогда сварившимися с ней, не сохранила она винограда своего, потому что, не познав себя самой, вместо овец пасла стада козлов. Но как скоро, оставив союз свой с злом, возжелала в таинственном оном лобзании сблизить уста с источником света, делается тогда прекрасною, озаренная светом истины и омытая водою от черноты неведения. Потом по скорости течения уподобляется она коням, а по быстроте разума – голубице. Подобно коням обежав и подобно голубице облетев все постигаемое и видимое, она сперва с вождением упокоевается под тенью яблони, называя яблонью оттеняющее ее вместо облака; и теперь она объемлется уже божественною ночью, во время которой Жених, хотя и приходит, но не показывается. Ибо как ночью показалось бы невидимое? Но хотя дает Он душе некое ощущение Своего присутствия, однако же избегает ясного уразумения, сокрываясь по невидимости естества. Посему какое же тайноводство совершается в эту ночь над душою? Слово прикасается к дверям. Под именем же дверей разумеет гадательный смысл таинственного, которым вводится в нас искомое. Посему истина, стоя вне нашего естества, ведением «от части» (1Кор. 13, 12), как говорит Апостол, предположениями и гаданиями ударяет в двери разума, говоря: отверзи; и к убеждению присовокупляет способ, как надлежит отверзать двери – прекрасные оные именованья – подавая как бы некие ключи, которыми отверзается запертое. Ибо значения именовании сих: «сестро, ближняя, голубица, совершенная», в прямом смысле суть ключи, отверзающие сокровенное. Если желательно тебе, говорит Жених, чтобы двери отверзлись и «взяты» были врата

души твоей, и вошел «Царь славы» (Пс. 20, 7), то надлежит тебе сделаться моею сестрою, приняв от души волю мою, как сказано в Евангелии, что тот делается Ему братом и сестрою, кто живет по воле Его (Матф.12,49). Надлежит же тебе приступить и к истине, соделаться «ближнею», чтобы не застеняла тебя никакая среда, и твое совершенство состояло в свойстве голубицы; а сие значит – без недостатка исполниться всякого незлобия и всякой чистоты. Как бы некие ключи, прияв сии именованья, отверзи ими, душа, вход истине, делаясь сестрою, ближнею, голубицею, совершенною. Прибытком же от того, что примешь и введешь Меня к себе в дом, будет для тебя с Моей головы роса, которой Я полон, и с волос Моих текущие ночные капли. А из них роса подаст исцеление, как ясно дознали мы сие от пророка, который говорит: «роса бо, яже от Тебе, исцеление им есть» (Ис. 26, 19). А «нощные капли» состоят в связи с обозренным выше, ибо кто был во святилище вблизи необозримого, тому невозможно домогаться какого-либо дождя или потока ведения; напротив того для него вожделенно, если истина окропит его ведение тонкими и неуясненными мыслями, при содействии разумной капли, истекающей от святых и богоносных мужей. Ибо «власами» на Главе всяческих, по моему мнению, в переносном смысле называются Пророки, Евангелисты и Апостолы, из которых каждый, сколько вмещал, почерпая сии во мраке таящиеся, сокровенные и невидимые сокровища, делается для нас рекою, но в самой действительности это капли только росы, хотя и преисполнены обилием и величием учения. Какою рекою был Павел, волнами мыслей возносимый выше неба, даже «до третияго небесе» даже до «рая», туда, где слышал неизреченные и неизносимые глаголы (2Кор. 12, 3. 4)! И подобно морю, всю таковую высоту речи, разливая в слове, показывает он также, что слово сие в сравнении с подлинным Словом есть некая капля росы, когда говорит: «от части понимаем, и от части пророчествуем» (1Кор. 13, 9); и: «аще ли кто мнитися ведети что, не у что разуме, якоже подобает разумети» (1Кор.8:2); и: «аз себе не у помышляю достигша» (Филип.3, 13)! Посему, если влагою росы и каплями на волосах почитаются в сравнении с

нашими силами признаваемые реками, морями и волнами, то что надлежит заключить о сем Источнике, изрекшем: «аще кто жаждет, да приидет ко мне и пьет» (Иоан.7, 37)? Каждый из слушающих по мере сказанного составит себе понятие о чуде. Ибо если достаточно капли, чтобы произошли реки, то что должно заключать по сей капле о самой реке Божией?

Но посмотрим, как невеста послушна Слову, как отверзает вход Жениху. «Совлекохся ризы моея, – говорит она, – како облечуся в ню? Умых нозе мои, како оскверню их?»(Песн.5:3). Прекрасно послушала она Повелевшего ей соделаться сестрою, ближнею, голубицею и совершенною, чтобы вследствие сего вселилась в душе истина. Ибо сделала то, что слышала, совлекшись кожаной одежды, в которую облеклась после греха, и смыв с ног земную нечистоту, которою была покрыта, когда, из райского жития возвратившись на землю, услышала: «яко земля еси, и в землю отыдеши» (Быт. 3, 19). Посему отверзла Слову вход к душе, открыв завесу сердца, то есть плоть, а, говоря о плоти, разумею ветхого человека, которого совлечь и сложить с себя божественный Апостол повелевает готовящимся в купели слова омыть нечистоту душевных стоп. Итак, совлекшись ветхого человека и отъяв покрывало сердца, душа отверзла вход Слову, и когда Оно вошло, делает Его своею одеждою, по руководству Апостола, который повелевает совлекшему с себя плотское одеяние ветхого человека облечься в ризу, созданную «по Богу в преподобии и в правде» (Ефес. 4, 24). Одеждою же называет Иисуса. А признак невесты, что не возложит уже опять на себя свергнутую ризу, но по данному ученикам закону будет довольствоваться одною ризою, в которую облеклась, обновившись рождением свыше, подтверждает Господнее слово, повелевающее однажды украсившимся божественною одеждою не облекаться уже более в ризу греха и иметь не две одежды, а только одну, чтобы две ризы на одном и том же не были одна с другою несходящимися, потому что какое общение одежды потемненной с световидною и невещественною? Закон же повелевает не только не иметь двух риз, но и нового «плата» не пришивать «к ризе ветсе» (Мк. 2, 21), чтобы не произошло большего неблагообразия, если кто наденет такую одежду, и

пришитое не останется целым, и на старом сделается большая и неисправимая дыра. Ибо сказано: «отторгнет приставление новое от ветхого, и горша дыра будет» (Мк. 2, 21), так что и неблагообразное от того обнаружится.

Посему говорит невеста: «совлекохся ризы моя, како облекуся в ню?» Ибо кто, видя на себе солнцезрачную ризу Господню, возложенную на него за чистоту и нерастление, например, какую показал Господь на горе во время преображения, согласится потом, чтобы возложили на него одежду бедную и разодранную, в какую, как говорит притча, облекается «пияница и блудник» (Притч. 23, 21)? Да и омыв ноги, не соглашается сквернить их снова, ступая по земле. Ибо говорит: «умых нозе мои, како оскверню их?» Ибо и о Моисее повествуется, что по Божественному повелению освободив ноги от мертвой кожаной обуви, не надел опять на ноги сапоги, когда вступал на святую и освященную землю, а также, когда по образу, показанному на горе, устроил священническую одежду – в одной ткани соединил блеск золота, багряницы, виссона, синевы и червленицы, чтобы сияла красота, срастворенная из всего, никакого же украшения не ухитрился сделать для ног, напротив того, нарядом для священнической ноги служило – быть обнаженной и свободной от всякого покрова, потому что священнику непременно надлежало ступать по святой земле, на которую не позволительно было входить с мертвыми кожами. Посему и Господь запрещает ученикам иметь сапоги, когда повелевает им «на путь языке» не ходить, но идти путем святым (Матф. 10, 5. 10). Конечно же, не не знаешь этот святой путь, которым повелевается идти ученикам, дознав сие от Рекшего: «Аз есмь путь» (Иоан. 14, 6) – путь, которого не возможно и коснуться не совлекшему с себя одежды человека мертвого. Посему так как на сем пути была невеста, на котором Господь шествующим по оному оmyвает ноги водою и отирает лентием, которым препоясан; а препоясание Господне есть сила, очищающая от грехов, ибо сказано: «облечеса Господь в силу и препоясаяся» (Пс. 92, 1); то невеста, очистив ноги, хранит себя на пути царском, «не соvrащаясь ни на десно, ни на лево» (Втор. 5, 39), чтобы, перенеся след на ту или другую сторону

пути, не замарать ноги грязью. Конечно же разумеешь, что означается сказанным, а именно, что душа, однажды отрешив сапоги крещением (ибо собственное дело крещающего отрешить ремни сапог, как засвидетельствовал Иоанн (Иоан. 1, 22), что не может сделать сего над одним только Господом: ибо как разрешить у Того, Кто вовсе не был связан ремнем греха?), сама омыла ноги, вместе с сапогами отринув всю земную нечистоту. А посему стопы свои на пути гладком хранит неоскверненными, как поступал и Давид, когда, омыв ноги свои от брения тины, поставил на камне, выражая сие словом так: «воздвиг мя от рова страстей, и от брения тины, и постави на камени нозе мои, и исправи стопы моя» (Пс. 39, 3). Под именем же камня разумеем Господа, Который есть свет, и истина, и нетление, и правда – то, чем уравнивается духовный путь. Кто не совратился с него ни в ту, ни в другую сторону, тот хранит следы свои нимало не оскверненными брением сластолюбия. Вот то самое, чем невеста, по моему разумению, отверзает дверь Слову. Ибо исповедание, что не примет более на себя отринутый тины и на жизненном пути не коснется земной скверны, делается входом святыни в уготованную так душу, святыня же – Господь. Такова заключительная мысль сказанного.

После сего душа снова приступает к восхождению в высшее, потому что не глас только ударяет в двери сердца, но сама божественная рука проникает во внутренность, «сквозе скважню. Брат мой, – говорит невеста, – посла руку Свою сквозе скважню, и чрево мое вострепета от Него». Без сомнения же для разумно слушающего явно, сколько пред сказанным прежде избыточествует высотой сказанное теперь. Слово, говоря невесте: «отверзи» Божественными наименованиями дает ей силу отверзть. Невеста послушна Слову, потому что делается тем, что выслушала: сestroю, ближнею, голубицею и совершенною; совлекает с себя оную кожаную ризу, оmyвает с ног нечистоту, не налагает на себя опять этой гнусной и разодранной одежды, не утверждает более стопы своей на земле. Услышала голос Жениха и повинуется повелению; отверзает дверь, сняв покров с сердца; раздвигает завесу

двери, то есть плоти, отверзает все врата души чтобы вошел Царь славы. Но широкие врата оказались какою-то малою, узкою и тесною скважиною, в которую не мог войти Сам Жених, и едва вместились рука Его, так что ею только проник внутрь и прикоснулся возжелавшей увидеть Жениха, и от сего ту только выгоду приобрела невеста, что в коснувшейся руке узнала руку Возлюбленного.

Какие же указуются нам учения любомудрием, заключающимся в сказанном, познаем, если не на долго остановимся на сем слове. Душа человеческая на пределах двух естеств, из которых одно бесплотно, духовно и чисто, а другое – телесно, вещественно и неразумно. Как же скоро, освободившись от привязанности к жизни грубой и земной, по причине добродетели обратит взор к сродному ей и Божественному, то не останавливается в исследовании и изыскании начала существ – то есть на том, какой источник красоты их, откуда изливается сила, что исходит из себя премудрость, обнаруживающуюся в сущности. Приводя в движение все силы рассудка и всю мысленную способность исследования, с пытливостью домогается постигнуть искомое, пределом постижения поставляя для себя только действительность Божию, даже до нас простирающуюся, которую ощущаем в жизни своей. И как воздух, передаваемый землею воде, не останавливается на дне озера, но образовавшийся пузырек стремится наверх к сродному себе, и тогда прекращает движение кверху, когда выйдет на самую поверхность воды и смешается с окружающим воздухом, так подобное нечто бывает и с душою, которая исследует Божественное; когда от дольного простирается к ведению превысшего и, постигнув чудеса Его деятельности, не может идти пока далее в любознательности своей, но дивится и благоговеет пред Тем, Чье бытие познается только потому, что действует. Видит она небесную красоту, блистание светил, быстрое круговращение полюса, чинное и стройное течение звезд, к своему началу возвращающийся круг четырех годовых времен, землю, сообразующуюся с окружающим ее и собственные свои действия изменяющую по различию движения в том, что выше над нею, многочисленные

породы животных, живущих в водах и получивших себе в удел движение по воздуху, и живущих на суше, всякого рода виды растений, разные травы, отличающиеся одна от другой качеством, силою, наружностью, свойства плодов и соков; взирая и на все другое, в чем обнаруживается Божия действенность, душа по чудесам видимого заключает разумом, что есть уразумеваемый по сим делам. В будущий же век, когда пройдет все видимое, по слову Господа, Который сказал: «небо и земля мимоидет, словеса же Моя не мимоидут» (Матф. 24, 35), и мы перейдем в ту жизнь, которая выше и зрения, и слуха, и мысли, когда может быть не от части уже, не из дел только познаем естество Благое, как теперь, и не из действенности видимого разумеется нами превысшее, но, без сомнения, иначе будет постигнут род неизглаголанного блаженства и откроется иной способ наслаждения, которому ныне несвойственно взойти и на сердце человеку. А пока ныне пределом в ведении неизглаголанного душе служит проявляющаяся в существах действенность, которая, по нашему разумению, иносказательно называется «рукою». Итак, вот то учение, которое любомудренно преподается нам в сих Божественных речениях; по оным чистая душа, проходящая уже не земную и вещественную жизнь, чтобы не осквернить следа своего, опираясь стопами на долнее, ожидавшая, что примет Самого Жениха, всецело вошедшего в дом, возлюбила пока увидеть только в скважине руку, под именем которой разумеется действенная сила Его. «Брат мой, – говорит она, – посла руку Свою сквозе скважню», потому что сила человеческая не имеет такой вместимости, чтобы принять в себя естество неопределимое и непостижимое.

«И чрево мое вострепета от Него», – продолжает невеста. Словом «трепет» означает какое-то изумление и удивление явившемуся чуду, потому что вся сила разума приведена в ней в движение чудесностию совершаемого рукою Божиею, постижение чего, превосходя силы ее, выражает собою непостижимость и невместимость естества действующего, потому что все сотворение существ есть дело этой руки, явленной нам «сквозе скважню», как взывает Иоанн, и согласно

с Евангелием говорит Пророк. Ибо один говорит: «вся тем быша» (Иоан.1,2), а Пророк рукою называет творящую существа силу, сказав: «вся сия сотвори рука Моя» (Пс.66,2). Посему, если и все прочее, и красоты небесные – произведение оной деятельности, не постиг же человеческий ум доискивающийся, что такое по сущности человек или солнце, или что-либо другое из видимых твари чудес, то по сему самому трепещет сердце пред Божиею действенностью, рассуждая, что, если этого не в состоянии постигнуть, то как постигнет естество сего превысшее? Но иной, и иначе поняв загадочный смысл сказанного, во взгляде своем, может быть, не погрешит против требуемого истиною.

Ибо думаю, что под домом невесты разумеется вся человеческая жизнь, а сия творящая существа рука, посетив кратко временность и бренность человеческой жизни, сокращает сама себя приобщением естества нашего «по всяческим по подобию, разве греха» (Евр.4,15). Пришедши же к нам, производит в душах трепет и удивление, как Бог является во плоти? Как Слово делается плотью? Как Дева рождает? Как с тьмою смешивается свет, и с смертью срастворяется жизнь? Как малая скважина жизни приемлет в себя все существа содержащую Руку, которою измеряется все небо, объемлется вся земля и вся вода? Посему вероятно, что под загадочным именованием руки у невесты пророчески означается нам евангельская благодать. Ибо, когда Господь на земли явился и среди людей жил, тогда чистую и невещественную лепоту Жениха, Божество Слова, сияние истинного света познали мы по действенной руке. Ибо под именем руки разумеем чудодейственную Его силу, которою оживотворялись мертвые, восстанавливалось зрение слепым, изгонялся недуг проказы, и по одному повелению оставляла тела всякого рода неисцелимая и тяжкая болезнь.

Поелику предложено нам двоякое сие воззрение на слово «рука», и одно предполагает, что Божественное Естество, как совершенно непостижимое и ни с чем несравнимое, познается по одной только действенности, а другое утверждает, что словами невесты предвозвещается евангельская благодать, то

предоставляем слушателю предпочтительно пред другим избрать более сродное и наипаче сообразное с предложенными словами. По крайней мере, какое из них ни будет признано более душеполезным, да послужит нам достаточным путеуказанием ко благу тем и другим из сказанного. Зная, что «разумное Божие, – по слову Павлову, – от создания мира творенми помышляемо видимо есть» (Рим. 1:19–20), воздержимся от пытливого исследования о непостижимом, чтобы рассуждения об естестве недоступном и неизобразимом не послужили поводом к уклонению от истины. Если же, имея в виду Евангелие, составим и гадательное понятие о руке, то и в таком случае вера в таинственные учения соделается в нас более твердою, в предварительном провозглашении догматов, заимствовав для себя вящую несомненность о Христе Иисусе. Ему слава во веки! Аминь.

Беседа 12. Толкование на Песн. 5:5–7

Песн.5:5. Встах аз отверзти Брату моему: руце мои искапаша смирну, персты моя смирны полны на руках заключения.

Песн.5:6. Отверзох аз Брату моему: Брат мой прейде. Душа моя изыде в слово Его: взысках Его и не обретох Его, звах Его, и не послуша мене.

Песн.5:7. Обретоша мя стражие обходящи во граде, биша мя, язвиша мя, взяша верхнюю ризу от Мене стражие стеннии.

Снаряжающиеся к странствованию по морям в надежде богатства, когда тронут корабль с пристани, и сидящий при кормиле обратит корму рулем к морю, в начаток мореходства совершают молитву, прося Бога соделаться вождем в добром плавании. А главное у них в молитве, чтобы в ветрила дул ветер, благоприятный, согласный с целью стоящего на корме кормчего, при желанном для них веянии которого и море делается улаждающим взоры, едва рябея при тихом колебании волн, и не наводит печали морская широта, потому что корабль с легкостью летает и скользит по водам; да и богатство, какого надеются от торговли, уже перед глазами, так как и прежде испытания знают добрый исход плавания. Для слушателей более догадливых, без сомнения, понятно это, предложенное в виде вступления. Слову предлежит великое море обозрения Божественных изречений, и на многое богатство ведения есть надежда от сего плавания. Одушевленный этот корабль – Церковь во всей своей полноте с нетерпеливым вниманием устремляет взор на богатство истолкования. Но Кормчий – Слово – не касается прежде кормила, пока не принесена будет полнотою корабля общая молитва, чтобы повеяла на нас сила Святого Духа, воздвигла волны мыслей, и ими повела слово прямо к цели плавания, чтобы таким образом, пустившись в море обозрения, приобрести нам богатство ведения, если по молитвам вашим Дух Святой снидет на слово и наполнит ветрила.

Началом же слова да будет приведение на память богодухновенных речений, которые буквально читаются так: «востах аз отверзли двери Брату моему: руце мои искапаша смирну, персты мои смирны полны» (Песн.5:5) Что живому Слову, разумею чистого и бесплотного Жениха, Который бессмертием и святостью сочетавает себе душу, возможно быть в нас не иначе, как разве кто, умертвив «уды, яже на земли» (Кол. 3, 5), снимет с себя покрывало плоти, и таким образом отверзет Слову дверь, которою вселяется Оно в душу, – это явно не только из божественных учений Апостола, но и из сказанного теперь невестою. Ибо говорит: «востах отверзти Брату моему», сделав для сего руки мои источниками смирны, изливающими из себя аромат, и показав, что смирна наполняет персты мои; так самый способ, которым отверзается дверь Жениху, объясняет в сказанном, то есть «востах», спогребшись «Ему крещением в смерть» (Рим.6,4). Не воздействовало бы воскресение, если бы не предшествовала добровольная мертвость. Добровольность же показывают из рук ее текущие капли смирны и наполненные сим ароматом персты ее. Ибо, по словам ее, не из иного чего в руку входит смирна. Иначе этим подавалась бы та мысль, что означаемое смирною есть нечто зависящее от обстоятельств и произвольное. Напротив того, невеста говорит, что руки (а руками означает деятельные движения души) сами источают из себя смирну, – эту произвольно производимую в себе мертвость телесного, выражая сие тем, что исполняется во всех перстах.

Сказывает же, о чем заботится ради добродетели в каждом ее виде отдельно, объясняя сие именованием перстов, так что весь смысл сказанного есть следующий: умерщвлением моих удов, «яже на земли», приобретена сила воскресения, потому что умерщвление таковых удов произведено добровольно, не другим вложена в руки смирна, но по моему истекает произволению, так что и во всех добродетельных предначинаниях, наименованных перстами, таковое расположение усматривается неимеющим недостатка.

Ибо на неусердных последователях добродетели можно видеть, что для одной какой-либо страсти они мертвы, а для

других живы; как усматриваем, что иные умерщвляют в себе, если так случится, невоздержание, но со тщанием питают кичливость или другую какую страсть, наносящую вред душе, например: любостыжательность, гневливость, славолюбие или иное сему подобное; а пока живет, к несчастью, это в душе, невозможно показать персты полными смиренны, потому что не во всех предначинаниях видимо умерщвление и отчуждение худого. Но как скоро таковые персты все наполнены разумеемою нами смирной, душа и восстает, и отверзает Жениху вход. Посему-то, может быть, и великий Павел, хорошо выразумев Владычнее Слово, говорит, что невозможно вырасти колосу, если зерно не будет прежде разложено смертно (1Кор.15,36), когда проповедует Церкви то учение, что смерти надлежит предупредить жизнь, так что жизни невозможно и явиться в человеке иначе, если не откроет себе входа смертью.

Поелику естество в нас двояко, одно тонко, духовно и легко, а другое дебело, вещественно и тяжело, то по всей необходимости в каждом из них есть стремление с другим несогласимое и особенное, потому что духовное и легкое имеет свое парение к горнему, а тяжелое и вещественное всегда клонится и несется к дольному. Посему, так как движения их естественно противоположны, не возможно преодолевать одному из них, пока не изнемогло другое в естественном своем стремлении. Занимающая же средину между ними свободная наша сила и произволение, от себя сообщают и крепость естеству слабеющему и расслабление усиливающемуся.

Ибо на которой стороне будут, той и доставят победу над другою стороною. Так в Евангелии похваляется «верный строитель и мудрый» (Лук. 12,42); ибо это, по моему рассуждению, есть произволение, хорошо распоряжающееся тем, что в нас; оно похваляется за то, что кормит владычную прислугу умерщвлением сопротивных, потому что гибель последних – пища и благоденствие для благорасположенных. Осуждается же «той злой раб» (Матф. 24,48), который проводит время с упивающимися, наносит удары и раны Божиим служителям, потому что благоденствие порока – действительный удар для добродетелей. Посему хорошо будет,

возревновав о пророческом слове, делать для себя утро тем, чтобы «избивать вся грешные земли, еже потребити от града» (а град – душа) «Господня вся» помыслы, «делающая беззаконие» (Пс.100, 8), которых гибель делается жизнью для лучших. Так смертью живем мы, когда из того, что в нас, как говорит Пророк, одно убивает, а другое животворит Слово, изрекшее: «Аз убийю и жити сотворю» (Втор. 32, 35). Как и Павел, умирая, был жив; изнемогая, крепился силами; связанный, совершал течение; будучи нищ, обогащал; и вся содержал, «ничтоже имея» (2Кор. 6, 10), «всегда мертвость... Иисуса в теле нося» (2Кор. 4, 10).

Но возвратимся к предложенному, а именно, что душа смертью восстанавливается от смерти. Ибо если не умирает, то навсегда остается мертвою и неспособною к жизни. В следствие же того, что умерла, отложив всю мертвость, приходит в жизнь. И учение сие подтверждается предложенным нам изречением, потому что так говорит невеста: «востах аз отверзти Брату моему: руце мои искапаша смиру, персты мои смиры полны».

А что смирна есть знамение смерти, не усумнится никто из занимавшихся Божественными Писаниями. Посему, как смерть восстанавливает нас от смерти, учение о сем, как полагаю, иные потребуют изложить с большею ясностью. Посему скажем о сем, сколько возможно, придав речи некоторый последовательный порядок. «Вся елика сотвори Бог, добра зело» (Быт. 1, 31), о сем свидетельствуете слово миробытия. А в числе «добраго зело» был и человек, лучше же сказать, более всего украшался он добротою. Ибо что иное было бы так добро, как уподобление пречистой Доброте? Если же «вся добра зело», а в числе всего, или предпочтительно пред всем, добр был и человек, то, без сомнения, в человеке не было смерти. Ибо человек не был бы каким-либо добром, если бы имел у себя печальную черту смертной унылости. Напротив того, как образ и подобие вечной жизни, был он действительно и добр зело, украшаясь светлою чертою жизни. Ему и Божественный рай плодоносием дерев источал жизнь, и Божия заповедь служила законом жизни, обещающим, что не умрет. Но как посреди райского насаждения было древо, источающее жизнь, что и надлежит разуметь о том древе, которого плод – жизнь, так и

смертоносное древо, о плоде которого говорится, что он вместе и добро, и зло, и оно было посреди рая. Между тем невозможно, чтобы деревьям сим было место в самой середине. Ибо если допустим, что которое либо из двух деревьев занимало середину, то другое дерево по всей необходимости исключается, конечно, из среднего места, потому что точное положение середины берется относительно к окружности, когда на равные расстояния удалено от каждой точки крайнего предела. Посему так как у круга середина в точности одна, то, пока круг остается тот же, не могут в середине его иметь места два средоточия. Если будет присовокуплено другое средоточие к предвзятому прежде него, то с перемещением круга по необходимости вне его середины сделается прежняя середина окружности круга, описанного из другого средоточия. Но сказано, что посредине рая оба дерева, одно другому противоположные по силе, разумею древо жизни и то, которого плодом была смерть, и которое Павел наименовал грехом, сказав: плод «греха, смерть» (Рим. 6, 23). Из сказанного надлежит уразуметь следующее учение любомудрия: самая середина Божия насаждения есть жизнь, а смерть и не насаждена, и не укоренена, нигде не имея собственного своего места, насаждается же лишением жизни, когда в живых прекращается причастие лучшего. Итак, поелику жизнь среди Божиих насаждений, отпадением же от нее вносится естество смерти; то о древе смертоносном, загадочно изложивший любомудренное сие учение, говорит, что оно посреди рая, и о плоде его выразился, что имеет силу смешанную из противоположностей. Ибо одно и то же назвал и добрым, и злым, давая сим разуместь, как думаю, свойство греха. Поелику всякому греховному действию непременно предшествует какое-либо удовольствие, и от раздражения ли, от вожделения ли бывают страсти, невозможно найти греха, с которым бы не было сопряжено удовольствие; то по сей причине и плод, при погрешительном суждении о добре, именуется добрым, представляясь таковым для поставляющих добро в удовольствии, в последствии же оказывается худым по горькой отрыжке снеди, согласно с словом притчи, которая говорит:

«мед каплет от устен» порока, «иже на время наслаждает гортань, последи же горчае желчи» обретается на зло себе усладившимся (Прит. 5, 3–4). Посему, когда человек, оставив всеплодие благ, по преслушанию насытился тлетворным плодом, имя же плоду сему – смертоносный грех, тогда немедленно умер для лучшей жизни, жизнь Божественную обменив на неразумную и скотскую. И поелику единожды примесилась к естеству смерть, то мертвость вошла и в рождающихся по преемству. От сего и нас прияла в себя мертвенная жизнь, так как самая жизнь наша некоторым образом умерла. Ибо в прямом смысле мертва жизнь наша, лишенная бессмертия. Посему между двумя сими жизнями занимает среду, кто познается среди двух жизней, чтобы истреблением худшей доставить победу не потерпевшей изменения. И человек, как тем, что умер истинной жизни, впал в эту мертвую жизнь, так, когда умирает этой мертвой и скотской жизни, преставляется в жизнь всегда живую, и по этому несомненно, что невозможно придти в блаженную жизнь, не став мертвым греху. По сей-то причине излагается в слове любомудренное учение, что то и другое дерево в одном и том же месте «посреди» так что одно действительно там по естеству, а другое привходит к действительному вследствие лишения. Ибо вследствие приобщения и лишения из того же и в том же бывает превращение и жизни, и смерти; потому что омертвевший для блага живет злу, а соделавшийся мертвым для порока ожил для добродетели. Посему прекрасно делает невеста, что руки свои показывает полными смирны, мертвостью во всяком пороке восставая отверзть вход в себя Слову. Слово же, вселяемое ею в себя, есть жизнь. Но до такой высоты рассмотренным нами восхищена будучи душа, обращающая взор к Богу, как говорит Павел, не познала еще, как должно было познать (1Кор. 13, 12), «и не у помышляете себе достигшею», но поспешает к тому, что еще выше, «в предняя простираяся» (Филип. 3, 13).

И связь последующих слов дает повод сие разуместь о невесте, сказав: «на руках заключены отверзох аз Брату моему», она присовокупила: «Брат мой преjde, душа моя изыде

в слово Его». Ибо сим поучает нас, что в рассуждении силы, превышающей всякий ум, один есть способ постижения: ни на чем постигнутом не останавливаться, но, ища всегда большего, нежели что постигнуто, ничем не удовлетворяться. Ибо соделавшаяся полною смирны, всеми предначинаниями жизни (которые в переносном смысле именует перстами), давая видеть свое омертвление для зла, и добровольное рачение о добродетели показавшая тем, что «руце» сами из себя «искапаша смирену», говорит, что руки ее коснулись ключа, то есть извещает, что дела ее близки к тому узкому и тесному входу, ключ от которого Слово вручает подобным Петру. Посему тем и другим отверзает себе дверь царствия – и руками, которыми означаются дела, и ключом веры. Ибо при посредстве того и другого, разумею дела и веру, уготовляется нам Словом ключ царствия. Посему, когда надеялась, подобно Моисею, что лице Царя откроется ей явственно, тогда Желанный превзошел ее постижение.

Ибо говорит: «Братъ мой преjde», не оставляя последующую за Ним душу, но привлекая ее к Себе. Ибо «душа моя изыде в слово Его». Блаженно это исшествие, которым исходит душа, последующая Слову! «Господь сохранит исхождение твое и вхождение твое», говорит Пророк (Пс.120, 8). Ибо вот действительно исхождение и вхождение, сохраняемое Богом для достойных! Исхождение из того, в чем пребываем, делается вхождением в превысшие блага. Сим-то исхождением «изыде душа», прияв вождем Слово, изрекшее: «Аз есмь дверь и путь», – и: «Мною аще кто внидет, и внидет, и изыдет», никогда не прекращая вхождения и не переставая исходить, но непрестанно преспеянием входя в превысшее и всегда позади себя оставляя постигнутое. Так и мимо Моисея прошло тогда оное желанное лице Господа; так душа законодателя, последуя за предшествующим Словом, всегда оказывалась вне того, в чем была дотолѣ.

Ибо кто не знает оных восхождений, какими восходил Моисей, всегда делавшийся великим и никогда не останавливавшийся в возрастании в большее? Возрастал он в начале, когда выше египетского царства поставил «поношение

Христово», избрав «паче» злострадать «с людьми Божиими, нежели имети временную греха сладость» (Евр.11, 25–26).

Возрастал еще, когда видя, что египтянин притесняет еврея и, подвизаясь за израильтянина, предает смерти иноплеменника. Конечно же, уразумеешь в этом способ возрастания, подведя историю под иносказательный взгляд. И еще Моисей стал выше себя самого, любомудрием в пустыне долгое время сохраняя жизнь неоглашенной, потом просвещается огнем в купине. Прежде сего обнажает стопы свои от мертвой обуви, истребляет жезлом египетских змиев, избавляет соплеменников от фараонова мучительства, путеводится облаком, разделяет море, потопляет мучительство, услаждает Мерру, утучняет камень, насыщается ангельскою пищею. Слышит глас труб, отваживается идти на горящую гору, достигает вершины, входит в облако, проникает во мрак, в котором был Бог, приемлет Завет, делается неприступным солнцем для приближающихся, осиявая светом лица. И как изобразить кто словом все его восхождения и многообразные ему Богоявления? Однако же при столь великих и многих дарованиях, после стольких опытов, на столько возвысившись к Богу, имеет еще ненасытимое вожделение большего и умоляет Бога дозволить увидеть Его лицом к лицу. И хотя засвидетельствовало уже Слово, что сподобился личного собеседования с Богом, однако ж и то, что говорит с Ним как с другом, и бывшая у Моисея «усты ко устам» (Числ.12, 8) беседа с Богом, не останавливают в нем пожелания еще высших даров. Напротив того, говорит: «аще обретох благодать у Тебе», покажи мне Себя ведомо; и Обещавший даровать просимую благодать, Сказавший: «вем тя паче всех» (Исх. 33, 16–17), проходит мимо его, покрытого Божественною рукою на божественном месте в камне, чтобы по прошествии Бога увидел только «задняя» (Исх. 33, 23). А сим, как думаю, научает слово, что вожделевающий видеть Бога, всегда последуя Ему, видит желаемое, и зрение лица Божия есть непрестанное шествие к Богу, успешно совершаемое хождением в след Слова. Посему так и теперь, когда душа восстала смертно, когда стала полна смирны, когда делами подвигла руки к ключу и надеялась уже

Желанного ввести к себе в дом, тогда Желанный проходит мимо, душа же исходит, не оставаясь более, где была, но следуя Слову, ведущему вперед.

Последующая же речь еще более подтверждает усмотренный нами смысл, а именно, что величие естества Божия познается не из того, что о нем постигается, но из того, что оно превосходит всякое представление и всю силу постижения. Ибо душа, выступая уже из естества, чтобы ни в чем обычном не встречать препятствия к ведению невидимого, не останавливается, ища необретаемое, и не умолкает, призывая невыразимое. Она говорит: «взысках Его, и не обретох Его». Да и как может быть обретено, что не показывает в себе ничего познаваемого: ни вида, ни цвета, ни очертания, ни количества, ни места, ни наружности, ни повода к догадке, ни подобия, ни сходства, но, обретаясь всегда вне всякого пути к постижению, всячески избегает уловления ищущих? Посему невеста говорит: «взысках Его» изобретательными силами души, в умозаключениях и понятиях; и непременно оказывался вне их, убегая от приближения мысли. Но кто оказывается всегда не имеющим такой отличительной черты, по которой может быть познан, тот может ли быть заключен в какое-либо именовательное означение? Посему то невеста примышляет всевозможной силы имена к означению неизреченного блага; но препобеждается всякая выразительная сила слова и оказывается малою пред истиною. Посему продолжает: призывала я, сколько могла, примышляя речения, указывающая на неизреченное блаженство, но Он всегда был выше того, на что указывалось означаемыми. Так, например, поступает и великий Давид, многократно тысячами имен призывая Божество и признавая себя препобежденным истиною. Ибо говорит: «щедр Ты, Боже, и милостив, долготерпелив и многомилостив» (Пс.102,8) и истинен, «крепосте моя, утверждение, прибежище и сила, помощник, защититель, рог спасения» (Пс.17, 2–3), – и подобное сему. И потом исповедует не то, что имя Его по всей земли познается, но что все Ему удивляются. Ибо говорит: «яко чудно имя Твое по всей земли» (Пс.8, 2). Так и Маною Ангел, предрекший о сыне его, когда был спрошен об имени, отвечал:

«то есть чудно» (Суд. 13, 18) и выше того, что может вместиться в человеческом слухе. Посему и душа зовет Слово, сколько может, но может не столько, как ей желательно; ибо желалось бы ей большего, нежели сколько возможно. Впрочем, и пожелает сего не столько, сколько оно вожделенно, но сколько у произволения сил пожелать. Посему, так как призываемый не достигим стремлению зовущего, то по этой причине говорит: «звах Его, и не послуша мене».

А что невеста присовокупляет к сказанному, то, хотя с первого взгляда имеет мрачный вид, однако же, кажется мне, клонится к той же цели, и касается восхождения в высшее. Ибо невеста говорит: «обретоша мя стражие обходящий во граде, бита мя, язвиша мя, взяша верхнюю ризу от Мене стражие стеннии». Иным покажется, может быть, что сетующей больше, нежели веселящейся, приличны сии речения: «биша, язвиша, взяша верхнюю ризу»; но для того, кто с точностию вник в смысл произнесенного, это — слова величающейся превосходствами. В таком случае речь сия сделается для нас ясною.

Не задолго пред сим в сказанном Писание свидетельствует о невесте, что она чиста от всякого прикровения, когда говорит от лица невесты: «совлекохся ризы моея, како облекуся в ню?» А здесь сказывает еще, что сняли с нее верхнюю ризу, которая с головою прикрывает и лице, как история говорит и о Ревекке (Быт. 24, 65). Посему, как же обнаженная от всякой одежды имеет еще верхнюю ризу, которую берут теперь у ней стражи? Не ясно ли видно из сказанного, как успешно с того времени возшла еще на большую высоту? Ибо совлекшая с себя ветхую ризу, и сложившая все одеяние в такой мере делается чище себя самой, что по сравнению с недавнею ее чистотою, по видимому, и не совлекала одежды, но опять находит на себе нечто такое, что можно сложить и после одного обнажения. Так восхождение к Божеству показывает, что имеет на себе более дебелого в сравнении с тем, что находимо было непрестанно. Посему описанное выше обнажение от оной ризы сравнительно с настоящею чистотою, как покров, снова снимается с невесты обретающими ее. А это суть «стражие обходящие во граде»,

град же – душа; с нее при побоях и нанесении язв снимают верхнюю ризу те, делом которых – стеречь городские стены.

Посему, что это снятие верхней ризы есть нечто доброе, чтобы око, освобожденное от покрывала, беспрепятственно устремлялось на желанную красоту, в этом никто не усомнится, взирая на Апостола, который отъятие покрывала приписывает силе Духа, говоря: «внегда же обратятся ко Господу, взимается покрывало. Господь же Дух есть» (2Кор. 3, 16–17). А что приуготовляющее к благу, конечно, само есть благо, не усомнится также никто из умеющих иметь в виду последствие. Посему, если отъятие покрывала есть благо, то благом, без сомнения, будут и удар и язва, служащие к успешному отъятию. Но поелику по ближайшему понятию речениями сими выражается некоторая неприятность (слова «биша мя, язвиша мя» показывают болезненное чувство), то хорошо будет заметить сперва употребление сих речений Святым Писанием, не встречается ли где упоминание их к лучшему, и потом уже рассмотреть силу сказанного здесь.

Как Премудрость спасает душу юного от смерти? Что советует делать, чтобы не умер юный, выслушаем у самой Премудрости. «Аще жезлом биеша его, – говорит она, – не умрет. Ты бо побиеши его жезлом, душу же его избавиши от смерти» (Прит. 23, 13–14). Посему речение: «биша» прилично истолковать словом: бессмертие, как говорит Слово»: аще жезлом биеша, не умрете»; и невозможно иначе спастись душе его от смерти, если не будет побит жезлом. Так прекрасное дело – быть битым; доказывается это сказанным нам, потому что действительно прекрасное дело – спастись душе от смерти. Так, по словам Пророка, делает и Бог, оживляя тем, что убивает, и исцеляя тем, что поражает.

Ибо говорит: «Аз убью и жити сотворю: поражу, и Аз исцелю» (Втор. 32, 39). Поэтому и великий Давид утверждал, что от такого жезла бывает не удар, но утешение, говоря: «жезл Твой и палица Твоя, та мя утешиста» (Пс. 22, 4). Ими совершается и уготование Божественной трапезы и все, что по порядку содержит в себе сие псалмопение: елей на главу, вино в чаше, которым производится трезвенное упоение, и милость,

прекрасно преследующая Пророка, и долгота дней в доме Божиим. Посему, если это доставляет сладостный оный удар и по приточному учению, и по слову Пророка, то благо терпеть удары от жезла, от которого обилие таких благ.

Но исследуем лучше оставленное нами прежде сказанного теперь. Слово «прейде», и для невесты, желающей объять Его, делается не достижимо; но «прейде» не для того, чтобы и оставить ту, мимо которой прошло, а чтобы паче привлечь ее к Себе. Ибо невеста говорит: «душа моя изыде в слово Его». Посему сперва исходит из того, в чем душа была, и потом обретается стрегущими город. Ибо говорит: «обретоша мя стражие обходящий во граде». Итак, если обрели ее адские беды, если сказывает о себе, что обретена разбойниками, то тяжело стать обретением подобного сему. Ибо «тать не приходит, разве да украдет и убьет, и погубит» (Ин.10,10). Если же обретают ее «стражие обходящие во граде», то она, без сомнения, весьма блаженна, по причине такового обретения. Ибо кто обретен стражем, тот не может быть украден разбойниками. Посему, какие же это «стражие»? Другие ли какие, или, без сомнения, служители Того, Кто есть «храняй Израиля» (Пс.120,4), – Того, Кто хранением покрывает «десную руку» (Пс.120,5), – Того, Кому вверено «от всякого зла сохранить душу» (Пс.120,7)? Этот Страж «вхождения и исхождения» (Пс.120,8) есть Страж града, о котором сказано: «аще не Господь сохранит град, всеу бде стрегий» (Пс.126,1). Посему «служебни дуси, в служение посылаеми за хотящих наследовати спасение» (Евр.1,14) указуются в слове под именем «стражей», обходящих град. Душа же, как сказано, есть град, Божие жилище. Итак, ими, говорится, обретена душа, как некогда обретена добрым Пастырем та овца, о которой, по слову Господа, все Ангельские лики подвиглись к веселию. Так обретена некогда со светильником и драхма, о которой радуются все друзья и соседи. Таким обретением делается и Давид, раб Господень, как и псалмопение говорит от лица Божия: «обретох Давида раба Моего, елеем святым Моим помазах его» (Пс.88,21).

Послушаем, чего сподобляется он, когда стал достоянием Обретшего. «Рука Моя, – говорит Бог, – заступит его, и мышца Моя укрепит его» (Пс.88,22). «Изсеку от лица его враги его, и ненавидящая его побегу» (Пс.88,24), и все, что еще содержит в себе список благословения. Посему прекрасное дело – быть обретенным обходящими град – душу – Ангелами:

А так разумеет подает мысль великий Давид, говоря: «ополчится Ангел Господень окрест боящихся Его, и избавит их» (Пс.33,8). Посему сказавшая: «стражие мя биша», хвалилась, что некое приращение сделано ею в преспеянии шествия к горнему. Если же сказывает, что понесла и язвы, то сими словами изображает глубоко в ней Божественным жезлом отпечатленный образ; потому что действие духовного жезла принимает на себя не поверхностно, так чтобы не можно было узнать и места, где наложен был жезл, но вследствие язвы значительным оказывается удар, которым хвалится невеста. Сказанное же ею подобно следующему: Божественный оный жезл и утешительная палица, нанесением ударов производящая исцеление, есть Дух; плод Его, – как все иные блага, исчисленные Павлом, так вместе с иными и наставник добродетельного жития – воздержание. Так и Павел, помеченный таковыми ударами, восхищаясь сими язвами, сказал: язвы Христовы «на теле моем ношу» (Гал.6,17). Итак, ясно стало из сказанного нам, что прекрасное дело – и язва, с которою отнята у невесты верхняя риза, так что красота души у нее открыта, и одеяние не помрачает ее более.

Но повторим снова, кратко изложив, содержание сказанного. Душа, возводящая взор к Богу и восприявшая в себя добрую приверженность к нетленной красоте, имеет в себе обновляемое всегда вождение высшего, никогда не ослабляя приверженности пресыщением. Посему не перестает всякий раз простираться «в предняя», оставлять то, что занимает ее, проникать в более внутреннее, где еще не была, и всякий раз кажущееся ей удивительным и великим унижать пред последующим, потому что непрестанно приобретаемое непременно прекраснее приобретенного прежде. Так и Павел умирал ежедневно (1Кор. 15, 31), потому что всякий раз вступал

в новую некую жизнь, делаясь всегда мертвым для прошедшего и предавая забвению сделанное. Потому и невеста, поспешающая к Жениху, преспеянию в большем не находит никакой остановки; творит из уст сады шипков, источающие ароматы; уготовляет пищу Владыке твари, собственными своими угощая Его плодами. Источает вертограды, делается кладезем «воды живы». По свидетельству Слова оказывается «вся добра» и без порока. Опять, став выше и сего, ощущает велелепие от приближающегося Слова, у которого глава исполнена росы, и ночные капли составляют в волосах. Умывает ноги, совлекает с себя ризу, из рук источает капли смирны. Простирает руки к ключу, отверзает вход, ищет Неуловимого, глашает Недостижимого. Обретают ее стражи; от них принимает на себя поражающий жезл, уподобляется камню, о котором говорит пророк: «порази камень, и потекоша воды» (Пс.17, 20).

Смотри, на какую высоту взошла невеста. Поэтому, как от Моисея утес, терпит удары, чтобы, подобно ему, и самой источать жаждущим слово, одождив его из язвы. Потом сверх этого обнажает красоту лица, когда стражи взяли у нее верхнюю ризу. Вот что в этом месте могли мы понять. Но нимало не позавидуем, если у кого при помощи Открывающего сокровенные тайны составится на предложенное более душеполезный взгляд.

А, может быть, скажет иной, что с предлагаемыми изречениями имеет нечто общее и Исаино видение. Разумею же то видение, когда, по смерти прокаженного царя увидел, как говорит Исаия, Седящего велелепно на высоком и превознесенном Престоле, вида, величия и образа Которого не мог объять взором. Ибо если бы объял, то, без сомнения, сказал бы, как и сделал в рассуждении прочего им виденного, исчислив крыла, описав стояние и полет. Но Пророк говорит только, что слышал голос, когда от песнопения Серафимов «взяся наддверие и дом наполнился дымом» (Ис.6, 4), и одним из Серафимов вложен в уста Пророку горящий уголь, по совершении чего не уста только, но и слух очищаются к принятию слова. Ибо как здесь невеста говорит, что «биша и

язвища» ее «стражие» и таким образом обнажили от покроя верхней ризы; так и там вместо верхней ризы возьмется наддверие, чтобы Пророку беспрепятственным сделалось обозрение того, что во святилище; а вместо стражей именуются Серафимы, вместо жезла – уголь, а вместо биения – жжение.

Но и для невесты, и для души Пророка один общий конец – чистота. Посему, как Пророк не чувствует боли от жжения углем, но просвещаясь им, славится; так и здесь невеста не на боль от биения жалуется, но хвалится приращением дерзновения, отъятием покрывала, которое в слове наименовано верхнею ризою. Но можно в предложенном находить и другой некий смысл, не противоречащий рассмотренному. Душа, исшедшая «в слово Его» и ищущая необретаемого, призывающая Того, Кто недостижим для всей значительности именовании, узнает от стражей, что любит она недостижимого, вожделевает необъятного. Они то некоторым образом быют и язвят безнадежностью желаемого душу, признавшую, что вождение есть несовершенное и неуслаждающее добро. Но верхняя риза печали взимается дознанием, что преспеивать всегда в искании и никак не прекращать восхождения есть истинное наслаждение желанным, когда непрестанно исполняемым вождением порождается новое вождение высшего. Посему, как скоро возьмется верхняя одежда безнадежности и душа видит, что превосходящая чаяние и неописанная красота Возлюбленного во всю вечность веков обретается всегда совершеннейшею, тогда приходит в сильнейшее желание и чрез дочерей Иерусалимских открывает Возлюбленному расположение сердца, а именно, что, прирав в себя избранную стрелу Божию, уязвлена в сердце острием веры, смертельно устрелена любовью. А по слову Иоаннову: «Бог Любы есть» (1Иоан. 4, 8). Ему подобает слава и держава во веки веков! Аминь.

Беседа 13. Толкование на Песн. 5, 8–12

Песн.5:8. Заклях вы, дщери иерусалимския, в силах и в крепостех селеных: аще обрящете Брата моего, что возвестите Ему? Яко уязвлена любовно аз есмь.

Песн.5:9. Что Брат твой от брата, добрая в женах? Яко тако заклала еси нас?

Песн.5:10. Брат мой бел и чермен, избран от тем.

Песн.5:11. Глава Его злато Кефаз, власы Его кудрявы, черны яко вран.

Песн.5:12. Очи Его яко голубицы на исполнениях вод, измовени во млеце, сидящая в наполнениях вод.

Кто чрез Моисея постановил таинства закона, а на себе самом исполнил весь закон и пророков, как говорит в Евангелии: «не приидох разорити закон, но исполнити» (Матф.5:17). Кто воспрещением гнева изгладил и мысль об убийстве, истреблением пожелания изгнал мерзость прелюбодеяния, Тот извергает из жизни и проклятое клятвопреступление запрещением клятвы, приводя в бездействие эту косу. Ибо невозможно совершиться нарушению клятвы, когда нет клятвы. Почему говорит: «слышасте, яко речено бысть древним: не во лжу кленешися, воздаси же Господеву клятвы твоя. Аз же глаголю тебе, – продолжает, – не клятися всяко: ни небом, яко престол есть Божии: ни Иерусалимом, яко град есть Великаго Царя. Ниже главою твоею кленешися, яко не можеши власа единого бела или черна сотворити. Буди же слово ваше: ей, ей: ни, ни: лишше же сею, от неприязни есть» (Матф.5:33–38). Но душа, по свидетельству Песни песней, достигшая совершенства и сложившая с себя душевное покрывало при совлечении ветхой ризы, сбросившая с лица «верхнюю одежду», под которою разумею всякую исполненную сомнения и колеблющуюся мысль, так чтобы чисто и без сомнения взирать на истину, закликает дочерей Иерусалимских не Престолом Божиим, который Писание называет небом, не царственным Божиим градом, которому имя Иерусалим, и не тою досточтимую главою, которой волосы не

могут сделаться ни белыми, ни черными, но переносит клятвы на село, заклиная отроковиц силами сельными, говоря: «заклях вы, дочери иерусалимския, в силах и крепостях сельных». А та, о которой вполне засвидетельствовано, что она добра и чиста от всякого порока, не произносит ничего излишнего – такого, что принадлежит к части неприязненного, напротив же того изглашает слово, которое от Бога, от Которого, по слову Михея, «аще что благо, и аще что добро» (Зах. 9, 17), и ничего кроме этого. Сие явно всякому, кто по свидетельству Владычному изучил преимущества, какие имеет невеста, потому что она оставила все запрещенные виды клятвы и не закликает отроковиц ни царственным городом, ни Престолом Великого Царя (а из сего научаемся, сколько надлежит нам удерживаться от дерзкого употребления имени Божия в клятвах: потому что подается нам совет не упоминать в клятвах ни Престола, ни города), сверх сего щадит даже и честную главу, которую в последствии описывает в речи золотою, и о волосах которой говорит, что они ни белы, ни черны (ибо как золоту почернеть или принять на себя белый цвет?), без сомнения, потому что предлагает девам такую некую клятву, которая и евангельскому закону не противоречит и служит поводом к похвале поклявшихся, по слову Пророка, который говорит: «похвалится всяк кленыйся Им» (Пс. 62, 12). Посему смысл сказанного не выступает из того двоякого способа удостоверять в истине, какой угодно предлагать евангельскому закону, говоря: «буди слово ваше: ей, ей; и: ни, ни» (Мф. 5:33). Посему, если употреблять в числе клятвенных выражений запрещается именование Царского Престола, запрещается и название города, в котором пребывает Царь, а также и выражение: истинная глава – воспрещается к употреблению в клятве, дозволяются же только слова: «ей» и «ни»; так как при том и другом речении истина наравне усматривается с словом: ей, – то делается явным, что и теперь закливание, налагаемое невестою на отроковиц ограничивается тем значением слова: ей, в котором оно употребляется, когда надобно им подтвердить соизволение души нашей.

Читается же сие так: «заклях вы, дочери иерусалимския, в силах и крепостях сельных: аще, обрящете Брата моего, что возвестите ему? Яко уязвлена любовно аз». Хотя слова сии рассмотрены уже прежде, как требовала того последовательность мыслей, однако же и теперь вкратце сказано будет представляющееся нам. Апостол говорит, что клятва есть непреложная некая вещь (Евр. 6, 18), утверждающая собою истину и, по его определению, она в дознанном «всякому прекословию кончина во извещение есть» (Евр. 6, 16). Посему невеста налагает на деве заклинание, чтобы ненарушимо сохраняли, что говорится им.

Но поелику клянется всякий «большим», как говорит Апостол (Евр. 6, 16), ибо никто не станет клясться тем, что малоценнее его, то надлежит рассмотреть, что большее указывается невестою в ее клятве отроковицам: «заклях вы, – говорит она, – дочери иерусалимския в силах и крепостях сельных». Итак, что же в этом высшее нас? Не сомневаемся, что под именем «села» в переносном значении разумеется мир, потому что Господь так и наименовал и протолковал мир (Матф. 13, 38). Посему какие же многие силы и крепости мира представлены в клятве такими, что надлежит признавать их большими нас, чтобы получила силу к утверждению истины клятва, в которой клянутся большим? Поэтому к уяснению предложенного необходимо будет присовокупить другой перевод, иначе толкующий речения, именно следующий: «заклях вы, дочери иерусалимския, сернами и оленями сельными». Так из этих наименований, которые в клятве берутся в подтверждение истины, познаем, в чем крепость, и в чем сила мира сего. Два в человеке качества делают его своим Богу. Первое – непогрешительность в определении о Действительно-Сущем, чтобы обманчивыми предрассудками не вовлекаться в языческие и еретические мнения о Божестве, – и это в подлинном смысле есть: «ей». Другое же – чистый помысл, не дающий места всякому страстному расположению в душе, – и это также не чуждо слову: «ей». Посему при этом двояком отношении человека к благам (из которых одно производит, что человек обращает взор на Действительно-Сущее, а другое отгоняет вредоносные для

души страсти), напоминание о сернах и оленях в образах дает познавать силу. Ибо серна непогрешительно видит, олень же имеет способность пожирать и истреблять гадов. Сие то: «ей» произносит невеста девам, то есть, что должно благочестно взирать на Божественное и протекать жизнь чисто – в бесстрастии.

Если преуспеваем в этом, утверждается в нас непреложная сия вещь: «ей». Вот та клятва, удостоверяющая в истине, которою хвалится в себе «всяк кленыйся», как говорит пророк. Ибо действительно, кто приобрел в себе несомненный успех в рассуждении того и другого (и слова веры, когда непогрешительно взирает на истину, и образа жизни, когда делается чистым от всякой скверны порока), тот клянется «Господеви», что не взыдет «на одре постели», не даст «сна очима своима, и веждама дремания, Дóндеже обрящет» в себе «место Господеви», сделавшись селением Живущему в нем (Пс. 131, 2–5).

Итак, если и мы чада Вышнего Иерусалима, то послушаем наставницы невесты, как можно увидеть Желанного?

Посему, что же говорит она? Если наложим на себя это заклание быть «в силах» зорких серн и в «крепостях» истребителей порока оленей, то при этом возможно увидеть чистого Жениха, сего стрельца любви, и душа каждого скажет Ему: «уязвлена любовью аз есмь». А что язвы любви прекрасны, дознаем сие и из притчи, которая говорит: вожделенны «язвы друга», худы же «лобзания врага» (Прит.27, 6). Но кто Друг, чьи язвы предпочтительнее лобзаний врага, – сие явно всякому и не знающему тайн спасения. Истинный и прочный Друг Тот, кто не переставал любить нас, бывших еще врагами. Неверный же и жестокий враг, кто ничем не обидевших доводит до смерти. Язвою казалось первозданным запрещение зла, делаемое заповедью; потому что язвою было признано отчуждение от приятного: а вызов на приятное и видное на взгляд почтен лобзанием.

Но опыт показал, что мнимые язвы друга были полезнее и вожделеннее лобзаний врага.

Итак поелику прекрасный Любитель наших душ «составляет» свою любовь, по которой еще «грешником нам сущим Христос умре за ны» (Рим. 5, 8), то посему и невеста, взаимно возлюбившая Возлюбившего, показывает в себе глубоко лежащую стрелу любви, то есть общение с Божеством Жениха. Ибо, как сказано, «Бог Любы есть» (1Иоан. 4,8), жалом веры входящая в сердце. А если надобно сказать и имя сей стрелы, то скажем, чему научились у Павла, а именно, что стрела сия есть «вера любовию споспешествуема» (Галат. 5, 6).

Но это пусть принимает каждый, как ему кажется. Рассмотрим же и вопрос, предложенный девами наставнице: «что Брат твой паче брата, добрая в женах? Брат твой от брата, яко тако заклала еси нас?» По моему мнению, изречение сие, как можно догадываться по связи с тем, что прежде исследовано, заключает в себе такой некий смысл.

Поелику девы видели прекрасное исшествие души невесты, когда прилепилась к Слову изрекая: «душа моя изыде в слово Его», и узнали, что исшедшая искала Необретаемого по признакам и призывала, взывая Невнимавшему наименованиям, то посему говорят, как нам узнать Его, не обретаемого ни по одному отличительному признаку, когда Он призываемый не внемлет, и взысканный не дается в обладание? Посему и ты сними с очей наших покрывала, как поступили с тобою городские стражи, чтобы и у нас было какое-либо путеуказание к Искомому? Скажи, кто брат твой, сколько возможно это в отношении к Его естеству. По каким-нибудь знакомым приметам дай нам напутствие к Его познанию ты, исполненная добра и потому соделавшаяся доброю в женах. Ознакомь нас с Искомым, и научи нас, по каким признакам отыскивается Невидимый, чтобы известить нам Его о стреле любви, которою уязвлена ты в средину сердца и сладостным мучением увеличиваешь в себе страсть.

Лучше же изречение это повторить опять буквально, чтобы соответствовала и мысль, выраженная словами: «что Брат твой паче брата, добрая в женах? Что Брат твой от брата, яко тако заклала еси нас?» Поэтому послушаем той, с которой вовсе снята верхняя риза, и которая без покрывала душевным оком

взирает на истину. Как описывает им Искомое? Как изображает словом черты Желанного? Как взорам дев представляет Незнаемого. Поелику во Христе есть и созданное, и несозданное: несозданным же в Нем называем присносущное, предвечное и творящее все существа, а созданным по домостроительству о нас сообразное с телом «смирения нашего» (Фил. 3, 21), лучше же сказать (понятие об этом приличнее изложить в слове самыми Божественными речениями), несозданным называем сущее «в начале Слово, Им же вся быша, и без Него ничтоже бысть, еже бысть» (Иоан. 1, 1–3), а созданным – Слово, со делавшееся плотью и вселившееся «в ны» (Иоан. 1, 14), чья слава, обнаружившаяся и по воплощении Его, дает видеть, что «Бог явился во плоти» (1Тим. 3, 16), конечно, «Бог едиnorodный, сый в лоне Отчи» (Иоан. 1, 18); ибо так сказал Иоанн: «видехом славу Его» (видимое было человек, но познаваемое в видимом Апостол называет славой), «яко Единороднаго от Отца исполнь благодати и истины» (Иоан. 1, 14); – итак, поелику несозданное во Христе предвечно, присносущно, для всякого естества совершенно непостижимо и неизглаголанно, а явленное нам во плоти может несколько входить в наше познание, то посему наставница на это всегда обращает внимание, и о всем том ведет речь, что может вместимым сделаться для слушающих; разумею же «велию благочестия тайну», по которой «Бог явился во плоти, Иже, во образе Божий сый» (Фил. 2, 6), и в рабнем зраке плотию пожив с людьми, поелику единожды в начатке приял на Себя смертное естество плоти, которое заимствовал чрез нерастленное девство, всегда освящает нетлением общий состав естества чрез вступающих с Ним в единение приобщением Таинства, питая тело Свое – Церковь, и приличным образом сциневая с общим телом члены, порождаемые верою в Него, все производит благолепно, как следует и как удобно, соделав верующих очами, устами, руками и прочими членами.

Ибо так говорит Павел: «тело едино есть, уды же имать много» (1Кор. 12, 12), и не все уды состоят в том же чине, но кто оком в теле, тот не пренебрегает руки; и кто – глава, тот не

отвергает ног, а, напротив того, все тело из членов разнообразием действий срастворяется само в себе, так что члены не разногласят с целым. Предложив мысли сии загадочно, Апостол приводит речь в большую ясность, сказав: «положи Бог в церкви Апостолов, Пророков, учителей» и пастырей к совершению святых в дело служения, в созидание тела Христова: Дóндеже достигнем еси в соединение веры и познания Божия, в мужа совершенна, в меру возраста исполнения Христова (Ефес.4,11–13). И еще продолжает: всеми мерами возраstem «в Него, Иже есть глава Христос: из Негоже все тело составляемо и счиневаемо приличне, всяцем осязанием подаяния, по действию в мере единые коеяждо части, возвращение тела творит в создание самого себе любовь» (Ефес.4,15–16). Посему, кто имеет в виду Церковь, тот имеет в виду Самого Христа, Который приумножением спасаемых созидает и возвращает Себя Самого. Поэтому сложившая покрывало с очей чистым оком взирает на неизреченную красоту Жениха, и вследствие сего уязвлена нетелесною и разжженною стрелою пламенной любви; потому что усиленная любовь называется пламенною, такою любовью, какой никто не стыдится, когда стреляние ее бывает не плотское, а, напротив того, всякий хвалится паче язвою, когда в глубине сердца приемлет острие невестственного пожелания. Сие то и сделала невеста, говоря отроковицам: «уязвлена любовью аз есмь».

Посему пришедшая в такую меру совершенства, поелику должна была и девам показать красоту Жениха, говорит не то, что было в начале (слово не имело и возможности открыть неизреченное), но руководит деве к совершившемуся для нас Богоявлению во плоти. Так поступил и великий Иоанн, умолчав о том, «еже бе исперва», но тщательно поведав о том, «еже видехом и слышахом, и руки наша осязаша, о Словеси истины» (1Иоан.1,1). Посему невеста говорит им:

Песн.5:10. Брат мой бел и чермен, избран от тем.

Песн.5:11. Глава Его злато Кефаз, власы Его кудрявы, черны яко вране.

Песн.5:12. Очи Его яко голубицы на исполнениях вод, измовени во млеце, сидящая в наполнениях воде:

Песн.5:13. ланиты Его аки фиалы аромат, прозябающая благовоние; устне Его крины, каплющей смирну полную.

Песн.5:14. Руце Его обточены златы, наполнены Фарсиса, чрево Его сосуд слоновый на камени сапфирове.

Песн.5:15. Лыста Его столпи мраморовы, основани на степенех златых, вид Его яко Ливан, избран яко кедрове.

Песн.5:16. Гортань Его сладость, и Весь желание: Сей Брат мой, и Сей Ближний мой, дочери иерусалимли.

Все это, из чего составлено изображение красоты, показывает не невидимое и непостижимое в Божеств, но то, что открылось по домостроительству, когда видим был на земле, жил с людьми, облекшись в естество человеческое, отчего, по апостольскому слову, «и невидимая Его творенми помышляема видима суть» (Рим.1,20), открываясь в устройении церковного мира. Ибо то же мироздание – и устройство Церкви, в которой, по слову Пророка, творится «небо ново» (Ис.65,17), то есть, как учит Павел, «утверждение веры во Христа» (Кол.2,5), и уготовляется «земля нова», пьющая сходящий на нее дождь, и создается иной человек, рождением свыше «обновляемый по образу Создавшего его» (Кол.3,10); происходит другое естество светил, о которых сказано: «вы есте свет мира» (Матф.5,14), – и: «в нихже являетесь, якоже светила в мире» (Филип.2,15); и много звезд возсиявает на тверди веры. И не то достойно удивления, что в этом новом мире перечисляется и поименовывается Богом множество звезд, которых имена, сказует Творец таковых звезд, написаны на небесах. Ибо слышу, что Зиждитель сей новой твари так говорит собственным Своим светилам: «имена ваша написана суть на небесех» (Лук. 10, 20). Посему не это одно составляет необычайность новой твари, что в ней множество звезд зиждется Словом, но что творятся и многие солнца, озаряющая вселенную лучами добрых дел; ибо так говорит Творец таковых солнцев: «да просветится свет ваш пред человеки» (Матф.5,16), – и: «тогда праведницы просветятся яко солнце» (Матф.13,43). Поэтому, как тот, кто, взирая на чувственный мир, и уразумев премудрость, проявляющуюся в красоте существ, из видимого заключает о красоте невидимой, об Источнике премудрости, изливанием

которого составилось естество существ; так и тот, кто обращает взор на этот новый мир церковного созидания, вмести́мым и пости́жимым для нашей веры руководясь в ведении к не́вмести́мому, усматривает Того, Кто есть и соде́лывается «всяческая во всех». Посему́ то, так как к душе восходящей к совершенству, души-девы обращаются с это́ю просьбою соде́лать для них знае́мым во́жделенного, она описы́вает девам признаки Искомого, открытые нам в деле спасения, всю Церковь соде́лав единым телом Жениха, в описании красоты каждому из членов указы́вает особое некое значе́ние; из всего же этого, обозреваемого по частям, составляется красота тела.

Посему́ началом учения полагает близкое и доступное нам; ибо оглашение начинается телом, как поступил и Матфей; с Авраама и Давида начав родословие таинства по плоти, соблю́л он великому Иоанну, чтобы тем, которые уже обучены сим нача́ткам, благовествовал он и о начале умопредставляе́мом от вечности, и о Слове уразумевае́мом в этом начале. Сими же понятия́ми невеста тайноводствует отрокови́ц, по тому́ что разуме́ние наше не пре́жде возводится к непости́жимому и неопредели́мому, как объяв веро́ю явленное открыто. А это явленное есть естество плоти. Ибо, сказав: «Брат мой бел и чермен», невеста сме́шением сих двух цветов изображает в слове отличи́тельное свойство плоти. Это же сделала она и пре́жде, когда наименовала Жениха яблоком, у которого нару́жный цвет усматривается сме́шанным из того и друго́го, потому́ что яблоко и бело, и красновато, и его краснота, как думаю́, гада́тельно указы́вает на естество крови.

Но поели́ку всякая плоть образу́ется одинаковым спосо́бом, и вступа́ющим в жизнь сию́ спосо́бством ро́ждения пролагается путь к зачати́ю не́пременно бра́ком, – то, чтобы кто, и в тайне благо́честия допу́стив плоти́ское ро́ждение, не поползну́лся мысли́ю на дела и страдания естественные, ро́ждение и оной плоти́ представив мысли́нно однородным со всяким друго́м; – по сему́ самому́ о Приобщивше́мся плоти́ и крови, хотя исповедала невеста, что он и «бел и чермен», двумя́ цветами давая разуме́ть естество тела, однако́ сказа́ет, что зачатие Его́ произо́шло не подобным обы́кновенному ро́ждению спосо́бом,

напротив того, из всех тем людей (и бывших с того времени, как стали они происходить на свет, и будущих), доколе продолжится поток естества зачатием приходящих вновь, Он один вступил в эту жизнь новым способом зачатия. Чтобы придти в бытие, естество Ему не содействовало, а служило.

Посему говорит невеста, что «бел и чермен» Тот, Кто, при посредстве плоти и крови посетив эту жизнь, от всех тем избран один из девической чистоты. Его осеменение не от четы, зачатие не скверно, рождение без болезней рождения, для Него брачным ложем – сила Вышнего, подобно некоему облаку осеняющая девство; брачным светильником – облистание Духом Святым, ложем – бесстрастие, браком – не растление. Посему так происходящий прекрасно наименован избранным от всех тем, чем означает, что Он не от брачного союза. Ибо Его только рождение без плотского зачатия, как и начало бытия без брака. Ибо о Нерастленной и Неискусобрачной невозможно в собственном смысле употребить слово: зачатие, потому что именования: девство и плотское зачатие не соединимы в одной и той же. Но как Сын дан нам без отца, так и отроча рождается без плотского зачатия. Дева, как не познала, каким образом в теле ее составилось Богоприемное тело, так не ощутила рождения, потому что, по свидетельству пророчества, без болезней рождения было у ней рождение. Исаия говорит: «прежде, неже приити труду, чревоболения избеже, и породит мужеск пол» (Ис.66, 7). Посему то, будучи «избран», не подлежа естественному порядку в том и другом, как не по сластолюбию приявший начало бытия, и как не с трудом происшедшие на свет (и это совершается в порядке, не выходит из обычного чина; ибо как вводящая грехом в естество смерть осуждена рождать в печалях и трудах; так Матери жизни, без сомнения, должно было и чревоношение начать с радостью, и рождение совершить в радости, потому что Архангел говорит ей: «радуйся, Благодатная» (Лук.1,28), изречением сим устраняя ту печаль, какая первоначально под грехом дана в удел рождению), Он один из всех тем соделывается таковым по новости и особенности рождения, прекрасно по плоти и крови именуется «бел и чермен», и по нетленному и бесстрастному

качеству рождения в отличие от прочих «избран от тем». Или, может быть, невеста приложила к Нему речение сие и по причине прочих видов рождения, совершающихся без чревоношения. Конечно же, не знаешь, сколько раз рожден «перворожден вся твари» (Кол. 1, 15), «первородный во многих братиях» (Рим. 8, 29), «перворожден из мертвых» (Кол. 1, 18); первый разрешивший болезни смертные, и воскресением проложивший всем путь к рождению из мертвых. Ибо для всего этого был Он рожден, но не чревоношением пришел в бытие. Не допускает болезней чреворожения и рождение от воды, и пакибытие из мертвых, и первородство Божественной сей твари, напротив того, во всем этом рождение изъято от чревоношения. Посему невеста говорит: «избран от тем».

Но время уразуметь из сказанного, какая красота описывается в каждом из членов Его. «Глава Его злато Кефаз». Если же еврейское речение переведено будет на наш язык, то словом сим означает чистое золото, неподдельное, чуждое всякой примеси.

А перелававшие еврейские слова на еллинский речение: «Кефаз» оставили непереуведенным, мне кажется, потому, что между еллинскими речениями не нашли ни одного слова, которое бы выражало силу, усматриваемую в еврейском слове. Мы же, дознав это, а именно, что речением сим означает золото совершенно чистое, несмешанное и несмешивающееся ни с каким оскверненным веществом, приводимся к следующему разумению предложенного речения: Глава тела – Церкви – есть Христос. О Христе же теперь говорим, относя имя сие не к вечности Божества, но к Богоприемному человеку, явившемуся на земле, пожившему с людьми, сему прозябению деуства, в Ком живет «всяко исполнение Божества телесне» (Кол. 2, 9), сему началку общего смешения, посредством Которого Слово облеклось в наше естество, соделав его чистым и избавленным от всех прирожденных ему немощей. Ибо так говорит о Нем Пророк: «греха не сотвори, ни обретется лесь во устех Его» (Ис. 53, 9); «искушена по всяческом по подобию нашего естества, разве греха» (Евр. 4, 15). Посему Глава тела – Церкви, начаток всего естества

нашего есть чистое, несмешанное и несмешивающееся ни с одним недостатком золото.

Власы же, некогда темные и черные, по виду уподоблявшиеся вранам, тех разумею вранов, дело которых, по слову притчи, исторгать глаза, и лишенных ими сих зрительных чувствилищ уготовлять в пищу птенцам орлим (Прит.30,17), – сии кудрявые власы, соделавшись высокими и к небу возносящимися древами, своим стремлением от земли к небесной высоте на Божественной главе Жениха служат приращением Его красоты. Конечно же, всякий знает, в чем состоит дело сих волос, из собственных слов Жениховых, сказанных выше: «власа Мои» наполнились «капель» водных. Итак, власы Его, у Пророков называемые облаками, источают капли; из них бывает дождь учения, напоевающий одушевленные нивы к плодоносию возделанного Богом. Думаю также, что власами в слове Божиим в переносном смысле означаются Апостолы, из которых некие, по житейским занятиям, были прежде темны: кто разбойником, кто мытарем, кто гонителем и иным из таковых, подобно черному и плотоядному истребителю очей ворону; разумею же начальника «власти темные» (Колос.1,13), как говорит из ворона соделавшийся кудрявым, и потому названный власами Божественной Главы, а именно, что он, «бывший прежде», пока был враном, «хульник, гонитель и досадитель», (1Тим.1,13), приуготовлен к сей благодати, делаясь власами, увлажненными небесною росой, всему телу – Церкви источил учение о сокровенных и непроницаемых тайнах.

Их то, по нашему разумению, невеста называет власами; держась на златой Главе, придают они не малое приращение красоте, колеблемые веянием Духа, и служат прекрасными венцами пречистой Главе, украшая ее своею окружностью. О них, кажется мне, говорит пророчество: «положил еси на главе Его венец от камне честна» (Пс.20, 4); так что разумеются они под тем и другим представлением и как благолепные власы, и как драгоценные камни, украшающие собою Главу.

По порядку следовало бы рассмотреть в слове и сказанное об очах. Буквально же читается сие так: «очи Его яко голубицы

на исполнениях вод, измовени во млеце седящая в наполнениях вод». Но смысл слов сих выше нашего постижения; ибо какое понятие ни составим о них, будет оно, как думаем, ниже истины. По тщательном же рассмотрении кажется нам, что смысл сего подобен следующему. Божественный Апостол в одном месте своих Писаний говорит: «не может око рещи руце: не тебе ми еси» (1Кор.12,21), излагая в сем то учение, что телу Церкви надлежит хорошо действовать тем и другим, способность рассматривать истину, срастворяя с силою деятельною, потому что ни созерцание не совершает душу само по себе, если нет дел, показывающих преспеяние в нравственной жизни, ни деятельное любомудрие не заключает в себе достаточной пользы, если не управляет делами истинное благочестие. Посему, если необходимо сочетание очей и рук, то сказанным приводимся, можете быть, сперва выразуметь, какие это «очи», а потом уже принять в рассмотрение восписанную им похвалу. А слово о руках побережем до принадлежащего ему места. Очам свойственное по природе дело смотреть. Посему и по местному положению поставлены выше всех чувствилищ, как самую природою назначенный в путеводство всему телу. Посему, когда слышим, что в Божественном Писании так называются руководители к истине, и один из них именовался «прозорливцем» (1Цар. 9,11), другой – «видящим» (Ам. 7,12), а иной «стражем», будучи так от Бога наименован по причине пророчества (Иез.3,17), то сим приводимся к той мысли, что здесь называются «очами» поставленные предусматривать, наблюдать и надзирать.

А что в очах совершается чудо в каком то сравнительном сходстве, дознаем сие из сличения с лучшим, изображающего их красоту. Ибо невеста говорит: «очи яко голубицы» Подлинно прекрасная похвала для таковых очей – непорочность, в какой преуспевают неоскверненные еще плотскою жизнью, но живущие и ходящие духом (Гал.5,25). Ибо духовная и невещественная жизнь отличается голубиным видом, потому что и сам Дух Святой в таком виде сходящим с небеси на воду явился Иоанну. Посему, кто вместо очей поставлен Богом в теле Церкви, тому, если намерен надзирать и наблюдать чисто,

надлежит всякую нечистоту порока омыть водою. Но не одна есть вода, омывающая очи: напротив того, невеста говорит, что многие «исполнения» таковых вод.

Ибо сколько добродетелей, столько же надлежит представлять себе и источников очистительных вод, от которых очи непрестанно делаются самих себя чище: например, целомудрие есть источник очистительной воды; другой такой же источник – смиренномудрие, истина, правда, мужество, воздержание добра, отчуждение от зла. Сии и подобные сим воды, хотя из одного источника, но собираются различными потоками в одно исполнение, и ими производится очищение очей от всякой страстной нечистоты.

Но хотя «на исполнениях вод» те очи, которые по своей невинности и непорочности уподобляются голубицам, однако же купелью для них невеста назначает млеко, ибо так выражается Писание: «измовени во млеце». Приличная похвала подобным очам – сказать о них, что такая голубица, омываясь молоком, делается прекраснее. Ибо, действительно, примечается в молоке, что эта одна жидкость имеет такое свойство – не показывать в себе изображения и подобия чего бы то ни было.

Все, что по естеству жидко, подобно зеркалам, делает, что по причине гладкой поверхности появляются подобия смотрящихся в эту жидкость. Но в одном молоке такое кумиротворение не имеет места. По сей причине для очей Церкви весьма совершенна такая похвала – не изображать в себе, вопреки действительности вещей, по обольщению ничего неосуществившегося, погрешительного и суетного, но иметь в виду действительно существующее и не допускать до себя блуждающих взглядов на эту жизнь и мечтательных представлений. Посему-то для чистоты очей совершенною душою признано надежным омовение молоком.

Последующее же слово служит для слушателей законом, о чем надлежит прилагать речение очам. Сказано: «сидящая в наполнениях вод». Таковая речь тем самым, что ставит в похвалу чистым очам, требует постоянного со вниманием занятия Божественными уроками, научая и нас, как можем, приседая всегда «при наполнениях вод», приобрести

свойственную очам красоту; так как многие из поставленных быть очами, оставив ведение при таковых «наполнениях», преселяются сидеть на реках вавилонских, приводя в исполнение то, в чем от лица Божии обвинены таковые: «Мене оставиша, источника воды живы, и ископаша себе кладенцы сокрушенные, иже не возмогут воды содержать» (Иер.2,13). Итак, вот урок: око, чтобы сделаться ему добрым, благоприличным и сообразным златой главе, должно быть непорочно, подобно голубю, непогрешительно и необольстимо, подобно естеству молока, не доверять никакому обману вещей неосуществленных, но с твердости и неотступностью сидеть при «наполнениях» Божественных «вод», подобно дереву, насажденному при «исходищих вод» (Пс.1, 3) и не пересаживаемому на другое место. Ибо в таком случае плод принесен будет в свое время, и ветвь сохранится всегда свежую, одетая доброцветностью листьев. Ныне же многие из духовных очей, не поспешая к сим водам и мало заботясь о внимательном изучении слова, или искапывают себе кладенец любостыжательности, или в камне истесывают прибежище тщеславию, или роют кладезь гордости, или со тщанием искапывают какие-либо другие кладенцы обольщения, которые не имеют свойства навсегда удерживать вожделеваемую ими воду, потому что честь, владычество, слава, о которых у многих здесь столько рачения, вместе и составляют, и утекают, и не оставляют обольщенным никакого следа суетной их рачительности.

Слову угодно, чтобы таковы были наблюдающее и надзирающие, которым надлежит и угрождаться, как бы оплотом каким бровей, безопасною твердынею Божественных учении, и как бы покровом каким веждей прикрыть смиренномудрием чистоту и светлость жития, чтобы сучек самомнения, попав в чистую зеницу, не соделался препятствием зрению. Какая же, после очей, восписуется похвала членам Жениховым, если даст Бог, сообщим в последующих беседах, по благодати Господа нашего Иисуса Христа. Ему слава во веки веков! Аминь.

Беседа 14. Толкование на Песн. 5, 13–16

Песн.5:13. Ланиты Его, аки фиалы аромат, прозябающая благовоние: устне Его кринь, каплющие смирну полную.

Песн.5:14. Руце Его обточены златы, наполнены варсиса, чрево Его сосуд слоновый на камени сапфирове.

Песн.5:15. Лыста Его столпи мраморовы, основани на степенех златых. Вид Его яко Ливан, избран яко кедрове.

Песн.5:16. Гортань Его сладость, и Весь желание: Сей Брат мой, и Сей Ближний мой, дщери иерусалимли.

Питающий «нелестным млеком» младенчествующих еще духовным возрастом, став питателем «новорожденных» в Церкви, как говорит сам Апостол (1Петр. 2, 2), хлеб премудрости сберегает совершенным по внутреннему человеку, сказав: «премудрость же глаголем в совершенных» (1Кор.2,6), которые, упражнением в добрых учениях имея «чувствия души обучена» (Евр.5,14), делаются способными принимать хлеб премудрости, при питании требуя содействия ланиты, измельчающей пищу зубами рассудка. Посему в теле Христовом надлежит быть и ланитам для тех, которые не прилеплены более к сосцам слова, но вожделевают уже пищи более твердой; о которых невеста ведет теперь речь, говоря так: «ланиты Его аки фиалы аромат, прозябающая благовоние». По рассмотрении того, что касается очей, связь речи требует слова о ланитах, ясно это всякому, слушающему с разумением. Ибо для того оку, неотступно пребывая при полноте духовных вод, надлежит омываться неизменчивым и нелестным млеком, уподобляясь незлобивой голубице, чтобы общниками собственных своих благ соделать всех, составляющих тело Церкви. Посему то и великий Исаия восшедшему житием на высокую гору, повелевает возопить громким голосом, чтобы слышащие познали от него Господа, Который идет «с крепостию», со властью держит существа в мышце, пасет паству Свою, собирает агнцев, прекрасно благими надеждами утешает «имуция во утробе», объял небо пядию и всю землю сжал горстию. Что и еще кроме этого говорит пророчество, все должно быть проповедано восшедшим на

самую вершину (Ис.40,9–12). Посему, если при этом сила, сообщаемая водами и молоком, служит очам к познанию истины, то, согласно с порядком, вместе с очами восхваляются и ланиты, обязанность которых – разжевывать пищу, служащую к соблюдению естества и силы в теле.

Итак, посмотрим, в чем заключается похвала ланитам, послушаем, что говорит о них сама невеста: «ланиты Его, – говорит она, – аки фиалы аромат, прозябающая благовоние». Если именем фиала означает в слове расширяющийся в боках сосуд, в котором по устройству утаевается пустота, потому что сосуд по виду не слишком углублен и расширяется не по прямой черте, отчего бока представляются не в точности впалыми и не плоскими, итак, если невеста словом «фиал» указывает на сосуд такого рода, то похвала ланитам будет иметь для себя основание в сем виде фиала. Ибо может иной сказать, что слово сделало упоминание о фиале с намерением похвалить простоту, многообъемлемость и нелъстивость учения, в котором запрещенная Пророком глубина не может найти себе места, так как сказал он: «да избавятся от ненавидящих мя, и от глубоких вод» (Пс. 68,15).

Посему утверждаем, что истина, являющаяся в простоте, без обманчивой какой-либо вместимости, означает именем фиала, вещество которого есть аромат, а назначение – прозябение благовония. «Ланиты Его аки фиалы аромат», сделанные не из серебра или золота, или стекла, или другого какого подобного вещества, но из самого аромата, прозябая из себя то, из чего уготовляются мира. Конечно же, из сказанного ясно виден смысл, усматриваемый в сих изречениях, а именно, что чистым очам Церкви свойственно размягчающею силою ланит приуготовлять телу такую пищу, чтобы в сказанном не усматривалось ничего глубоко скрытого и неясного, но все было видно насквозь, свободно, далеко от всякой обманчивой скрытности и глубокости, явственно и для младенцев, как говорит Пророк: «свидетельство Господне верно, умудряющее младенцы. Заповедь Господня светла, просвещающая очи» (Пс.18,8.9). Если таковы будут фиалы слова, то явно окажутся составленными не из земного вещества, но естество их будет из

аромата, из того, разумею, аромата, о котором невеста в начале песни говорит, что он «паче всех аромат». Таким фиалом был Павел, «не в лукавствии лестя словесе, но в явлении истины представляя себе» (2Кор. 4, 2). В нем вещество отложило то, что было в нем от земли, после того, как крещением сверг он чешую с плотских очей (Деян. 9, 18), и уготован вновь из благоухающего аромата, став чадом Святого Духа. Поелику с таким искусством устроен он в сосуд избранный, то, став фиалом для влияния в него вина словесного, уже не имел потребности в человеке, который бы влиял в него ведение таин. Посему-то «не приложился плоти и крови» (Гал. 1, 16), но сам производил в себе и источал божественное питье, благоуханием Христовым из разнообразных цветов добродетелей уготовляя миро слушающим, так что по различию и особенностям приемлющих слово, сообразно с потребностью ищущего, обретался у него аромат и для иудеев и еллинов, для жен и мужей, для властелинов и рабов, для родителей и детей, для не имеющих закона и живущих под законом. Подлинно, многовидна была у него благодать учения, растворенная всякою добродетелью, потому что фиал этот в приемлющих слово уготовлял миро из многообразных учений, сообразно с потребностью каждого. Таковые-то ланиты хвалит невеста, живописующая в слове красоту тела Женихова! И что Его красоту имеет в виду похвала ланит, о сем свидетельствует непосредственно следующая за сим речь.

Ибо после ланит похваляются уста, из которых исходит ароматное слово. Похвала же выражается так: «устне Его крины, каплущии смирну полну». О двух вместе добродетелях Слова свидетельствует невеста двояким уподоблением; одна из них – истина, блестящею и световидною усматриваемая в изрекаемом, ибо таков вид крина, белизна которого загадочно означает чистоту и истину возвещаемого; другая же состоит в том, что учением уст указывается одна духовная и невещественная жизнь, по умерщвлении духовным воззрением жизни дольней, в которой действует плоть и кровь. Ибо смирна, истекающая из уст и наполняющая собою душу приемлющего,

ясно выражает умерщвление тела. Подобное сему по словоупотреблению многократно наблюдается в Богодухновенных Писаниях, и слово «смирна» означает смерть. Посему совершенное и чистое око, делающее ланиту фиалом, прозябающим и источающим из себя благовония, делает и то, что крины словесные цветут в устах, украшенных Божественною белизною. Так слово именует чистых и благоухающих добродетелью, от которых капля смирны делается без недостатка наполняющею мысль приемлющих. И это есть презрение вещественной жизни, когда все желательное в настоящей жизни становится недействительным и мертвым, по причине вожделения высших благ. Таковую смирну, смешанную с чистым крином целомудрия, излил некогда из уст Павел в слух святой девы. А дева сия была Фекла, которая, прекрасно прияв в себя душою истекающие капли, смерти предаёт внешнего человека, угасив в себе всякую плотскую мысль и похоть. По принятии доброго учения мертва у ней юность, мертва видимая красота, мертва все телесные чувства; живо же в ней одно учение, по которому и ей умирает целый мир, и дева умирает миру. Так и у Корнилия некогда великий Петр, изглашая светлые крины слова, полными смирны соделал души слушателей, которые, прияв немедленно слово, спогреблись Христу крещением, став мертвыми для сей жизни. И кроме сих можно найти тысячи примеров, как святые, соделавшись устами общего тела Церкви, и слушателей делали полными смирны, мертвящей страсти, процветая кринами слова, которыми великие поборники веры во времена мученичества в подвигах за благочестие стали преизбыточествовать смирною за доброе исповедание. И нужно ли большим числом примеров распространять о сем речь, когда из сказанного оказывается для нашего разумения явным, почему уста Церкви делаются крином, почему с крина каплет смирна, и почему таковою каплею наполняется душа приемлющих?

Но перейдем уже к следующему за сим слову. Невеста говорит: «руце Его обточены златы, наполнены варсиса». Что дар ока, несопряженный с служением рук, несовершен для тела Церкви, сие ясно дознали мы от великого Павла, который

говорит: не «может око рещи руце: не тебе ми еси» (1Кор.12, 21). Тогда наипаче видна деятельность очей, когда об остроте зрения очей свидетельствуют дела, рачительностию о прекрасном означая доброе руководство. Поелику, предложив похвалу рукам Божественного тела, надлежит сказанным руководствоваться в том, чтобы образовать, как следует, тех, которые вместо рук служат в Церкви; то, предложив это божественное изречение, попытаемся, если даст Бог, сколько можно, рассмотреть заключающуюся в нем мысль. «Руце Его, – говорит невеста, обточены златы, наполнены варсиса». Пока из сказанного явствует эта только мысль: какими чертами похвάζεται вид Главы, те же самые служат к похвале и рук. Но Главою разумеем Христа, в Котором «Бог бе мир примиряя Себе» (2Кор. 5, 19), по слову Павлову, и Который во плоти открыл Себя силами и чудесами. Посему, если сама разумеемая нами Глава наименована в слове самым чистым златом, потому что далека от всякого греха (сказано: «греха не сотвори, ни обретеса лесь во устех Его» (1Пет. 2, 22)); а о руках говорит невеста, что они золотые; то явно, что под сим разумеется, а именно, что слово заповедует руке чистоту в полном значении сего слова, безгрешность, устранение и недопущение до себя всякого порока. Руку же разумеем ту, конечно, которая распоряжается достоянием Церкви по требованию заповедей; для нее похвала уподобляться естеству Главы в чистоте и безгрешности. Рука же тогда делается чистою, когда вырезыванием обсекается все, препятствующее красоте. Ибо, как обделяющие мрамор в вид какого-нибудь животного посредством резьбы обсекают на камне и обтачивают то, по отнятии чего подобие принимает сходный с образцом вид, так и для красоты рук тела Церкви надлежит многое обсесть обрезанием помыслов, чтобы рука сделалась подлинно золотою и чистою. Конечно же, всякому очевидно, что вредит красоте руки, не будучи от нее отнято, на пример: человекоугodie, славолубие, любостыжательность, внимание к одному внешнему, вменение себе в какую-то знаменитость того, что есть в руках, обращение собранного исполнением заповедей в забаву и собственное свое наслаждение. Надобно, все это и

подобное сему отсеки орудиями помыслов, оставить одно чистое и неподдельное золото произволения, уподобляющееся пречистой Главе. Но яснее будет для нас сказанное, по слову Апостола, который, наименовав Бога «верным» (1Кор.1,9), не иного чего желает искать в строителях, а только, да окажется «верным», написав буквально так: «а еже прочее ищется в строителях, да верен кто обрящется» (1Кор.4,2). Посему верный и благоразумный строитель, вместо руки служащие Церкви, подражая в жизни премудрому своему Владыке, показывает, что рука тела подобно Главе – золотая. Не был такою рукою в теле Апостолов этот Иуда, жалкий и бедный, лучше же сказать, ненавистный и проклятый, которому вверено было домостроительство бедных, но он не отсек проказу любостыжательности и, будучи хранителем ковчежца от татей, стал татем себя самого, собственными своими руками похищая то, что имел у себя в руках, обращая внимание не на заповедь, но на деньги, наслаждение которыми соделалось для него какою-то добровольною удавкой, отчуждением от жизни, конечною гибелью души, худым памятником, сохраняющимся на все по нем время.

Посему обточенными и обрезанными надлежит быть рукам, чтобы, по отнятии всего, что приросло худого, остальное было золото, соответствовало по виду красоте Главы.

А речение «варсис», по употреблению в Писании, многозначительно, не всегда встречается в одном и том же смысле; напротив того, значение его нередко берется в осуждение и нередко – в признание Божественности и ублажения. Когда Пророк Иона бежит от лица Божии, ищет «корабль, идущее в Фарсисе» (Ион.1,3). И великий Давид говорит, что корабли фарсийские сокрушаются духом бурным (Пс.47,8). А бурным, думаю, называется Дух, явившийся ученикам, собранным в горнице, который сперва познан по слуху, «яко носиму дыханию бурну», а потом явился и очам, представившись в образе языков, и уподобляясь озаряющему естеству огня (Деян.2,2.3), и которым сокрушается во многих видах вторгающийся в естество человеческое порок, у Пророка названный кораблями фарсийскими. Вот места, в которых

означается сим именем худшее. Но великий Иезекиль, описывая видение бывшего ему Богоявления, вид одного из Божественных созерцаний выражает словом, говоря следующее: «виде его, яко видение варсиса» (Иез.1,16). В точности исследовавшие выразительность еврейских речений говорят, что речением: «варсис» означает в пророчестве нечто бесцветное, духовное и бесплотное. Посему при двояком значении, речения, поелику явно, что означаемое здесь сим словом взято в лучшем смысле (укоризненного никто не принял бы в похвалу), следует о похваляемых руках разуметь слово сие так, что, дочиста обточив на себе все излишнее и телесное, переходят он в нечто божественное и духовное, отряси всякое вещественное и тяжелое отношение к житейскому. Так, например, по рассказам гранильщики камней поступают с куском изумруда: все темное и землистое стирая и уничтожая точильнем камнем, оставляют неуничтоженным только то, в чем есть чистый некий зеленоватый и вместе оливковый блеск. Сие то, кажется мне, яснее истолковывая, божественный Апостол в одном из своих посланий дает совет, что надлежит прерывать сношение с видимым и устремляться пожеланиями к невидимому: «не смотрящим нам, – говорит он, – видимых, но невидимых: видимая бо временна – невидимая же вечна» (2Кор.4,18). Итак, в похвале рукам заметили мы это, как, обточенные от пристрастия к вещественному, делаются он чистыми, произволением изменяемые в нечто невещественное и духовное. Ибо «руце Его, – говорит невеста, – обточены златы, наполнены варсиса».

Порядок же требует рассмотреть и следующую за сим речь, в которой идет слово о чреве. Буквально сие читается так: «чрево Его сосуд слоновый на камени сапфирове». Когда законодатель естества дает Моисею закон, начертанный на каменных досках, доски сии, на которых изображены были божественный начертания, наименовал скрижалями каменными. И Вещавший о них Моисею сказал так: «взыди ко Мне на гору и стани тамо: и дам ти скрижали каменные, закон и заповеди» (Исх. 24, 12). Но после того, когда евангельскою ясностью стерто с закона телесное и землянистое, уже не каменная скрижаль

приемлет на себя письма, но нечто из блестящей только что выглаженной слоновой кости. Ибо приемлющее заповеди и законы, что наименовано «чревом», невеста называет «сосудом слоновым на камени сапфирове». Сперва нужным почитаю объяснить в слове чувственный образец, а потом уже приступить к обозрению сказанного. Буксе (греч.: пиксис), из которого те, кому нужно писать, выделывают себе дощечки, есть дерево плотное и беловатое. Посему такая дощечка, приготовленная для начертания на ней букв, хотя бы по случаю сделана была и из другого вещества не в точном употреблении слова называется пиксион. Итак, слыша слово «пиксион», разумею некий гладкий снаряд, годный для помещения на нем писмене. Поелику слово «пиксион» есть родовое имя таких дощечек, то здесь Писание присовокупляет и виде вещества, употребленного в образце, сказывая, что устройство снаряда не из дерева, а из слоновой кости. Слоновая же кость, как говорят, по великой плотности и твердости, весьма долго остается негниущею, и никакой порчи не терпит от времени. А сапфир лазоревым видом цвета доставляет отдохновение утомленным глазам с усиленным вниманием читавших исписанные скрижали, так как лучи такого цвета естественно успокаивают собою зрение. Посему, таков образец, которому сравнительно уподобляется восхваляемое чрево Церкви. А я, слыша пророчество, от лица Божия повелевающее: «впиши видение яве на дске» (Авв. 2, 2), составляю себе понятие о том, что в похваляемом теле Господа надлежит разуметь под именем чрева. Ибо, если слово повелевает явственно написать на дске Божественное видение, то, может быть, именем чрева означает чистоту сердца, в которой памятью напомним Божественные видения. Как Отверзший уста великому Иезекиилю и вложивший в них «свиток книжный» (Иез. 2, 9), полный писмен с обеих сторон – и совне, и внутри – говорит ему: «уста твоя снедят, и чрево твое насытится» (Иез. 3, 3), нарекши чревом мысленную силу души, в которую вложены Божественные уроки; так подобно сему и великий Иеремия, как знаем, чревом именуется сердце, мучимое печальными оными мыслями, почему говорит: «чрево мое болит мне, и чувства сердца моего

смущаются» (Иер. 4, 19). Если же надобно представить из Божественного Писания что-либо прямее ведущее нас к сему разумению, то скажем, что и Господь изрек уверовавшим, говоря, что реки воды живой текут из чрева уверовавших в Него. Буквально же читается сие так: «веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы» (Иоан. 7, 38). Так все сказанное приводит нас к тому, чтобы под именем чрева разуместь чистое сердце, которое делается некою скрижалю Божественного закона в тех, «иже, – как говорит Апостол, – являют дело законное написано в сердцах своих» (Рим. 2, 15), «не чернилом, но Духом Бога жива», при чем таковые письма начертаны в душе не «на скрижалях каменных», но, по слову Апостола, на чистой, гладкой и блестящей «скрижали сердца» (2 Кор. 3, 3). Ибо таковым надлежит быть владычественному в душе, чтобы отпечатлевалось в нем ясное и неслитное памятование Божественных словес, как бы отдельно начертанное явственными какими письмами. Прекрасно же в похвалу чрева с таковою скрижалю берется и сапфир, потому что сияние сапфира небесного вида. И такое гадательное указание служит советом для нашего сердца горняя мудрствовать и в горняя устремляться, и там успокаивать взоры, где отложено наше сокровище, чтобы не утомляться внимательности к Божественным наставлениям, потому что небесная надежда дает успокоение зрительной силе душевных очей.

Потом за похвалю чреву следует похвала лыстам. Невеста говорит: «лыста Его столпи мраморовы, основани на степенех златых». Много столпов в доме Премудрости, какой создала она себе. Многие также столпы, украшенные разными веществами, подпирали скинию свидения; верхи их и стояла были золотые, а середина столпов украшена серебряною обкладкою. О столпах же Церкви (и Церковь есть дом, по слову Апостола: «како подобает в дому Божии жити» (1 Тим. 3, 15)) невеста говорит, что они мраморные, утвержденные на золотых стоялах. Посему, что невеста в описании красоты согласна с премудрым Веселеилом, подобно ему и верх и стояла украсив золотом, это явно всякому, кто занимался сказанным о скинии. Ибо как Веселеил,

каждому столпу приносив верх, ставит его на золотом стояле, так здесь невеста, чистым оком взирая на красоту Жениха, говорит, что глава Его чистое неподдельное золото (сие значит слово «Кефаз»), и о «лыстах» утверждает, что основаны на золотых стоялах. Какое же гадательное значение надлежит прилагать именованию «столпы», в этом не удалимся от истинного понятия, научаемые святым Павлом, который наименовал столпами преуспевавших в числе Апостолов Петра, Иакова и Иоанна. А поелику следует дознать и то, как можно соделаться столпом, чтобы и нам стать достойными такого названия, то и сие опять слышим от премудрости Павла, который говорит, что «столп» есть «и утверждение истины» (1Тим. 3, 15). Посему, хотя истина, служащая основанием «лыстам» и украшающая собою руки и главу, есть золото; однако же не погрешит, кто «утверждение» ее превратит в естество мрамора, так что смысл сказанного будет следующий: «лыста» тела «столпи мраморовы», то есть, светлую жизнью и здравым учением поддерживающие и подпирающие общее тело Церкви: чрез них и стопы веры приобретают крепость, и совершается течение добродетели, и восторжением Божественных упований все тело делается превыспренним. Успех в этом достигается сими двумя – истиною и утверждением. Золото применяется к истине, которая, по слову Павла, служит и называется основанием Божественного устройства. Ибо так он говорит: «основания иного никтоже может положить паче лежащего, еже есть Иисус Христос» (1Кор. 3, 11). А Христос есть Истина, на которой утверждаются «лыста», столпы Церкви.

Под мрамором разумеем светлость жизни, непоколебимое и непреложное расположение к добру.

Но как много было столпов в скинии свидения, многие столпы поддерживали собою и дом премудрости; ныне же достаточно двух, чтобы держать на себе все тело; то, может быть, цель этой загадки надлежит возвести к иному какому смыслу. Ибо, думаю, сим подготавливается такая мысль: много разных путеказаний закона к добродетели, много заповедей премудрости, клонящихся к одной и той же цели, но

сокращенное евангельское слово все совершенство жизни добродетельной сводит в нечто удоисчисляемое и немногосложное, по слову Господа, так изрекшего: «в сию обою заповедю весь закон и пророцы висяте» (Матф.22,40). Без сомнения же равная потребна сила нести тяжесть или повешенную, или наложенную, ибо в обоих случаях усматривается одно напряжение силы у несущего бремя тем и другим способом: потому что одинаково несет на себе, висит ли на нем тяжесть, или ладонью подпирает несомое. Итак, поелику Господь говорит, что «в сию обою заповедю весь закон и пророцы висяте»; а невеста говорит теперь, что тело несут на себе два столпа, утвержденные на золотых стоялах, то хорошо будет с обозрением загадки о «лыстах» принять в рассмотрение две оные заповеди, из которых одну Господь именует первую, а другую – подобною первой, говоря, что любить Бога от всего сердца всею душею и силою, есть первая заповедь; а любить ближнего, как самого себя, равносильная первой. Да и Павел, как бы в некий дом к принятию Бога уготовляя великого Тимофея, ставит в нем два сии столпа, одному придавая имя веры, а другому – совести (1Тим. 1, 5), верою означая любовь к Богу от всего сердца, всею душею и силою, а благою совестью – исполненное любви расположение к ближнему. Может быть, найденный теперь смысл не противоречит прежнему понятию, потому что тем и другим способом можно соделаться столпами, подобными Петру, Иакову и Иоанну, и если кто иной, подобно им, соделался или соделается достойным такого имени. Ибо кто совершен в сих двух заповедях, тот устрояет себя, по слову Апостола, «в столп и утверждение истины» (1Тим.3, 15); потому что сими двумя преспеяниями целое тело истины подпирается, как бы какими «лыстами», и золотое основание стояла веры дает помыслам неуклонность, неизменность и твердость во всяком добре.

После сих похвал, как бы в сокращении представляя всю красоту Женихову, невеста говорит: «вид Его, яко Ливан, избран яко кедрове. Гортань Его сладость, и весь желание: Сей Брат мой, и Сей ближний мой, дщери иерусалимли». Сим, думаю, яснее обозначает невеста, что похвала относится к красот

Жениховой в видимом, видимым же называю то, что Апостол из отдельных членов, составляющих собою Церковь, представляет в виде тела. Один вид у Него, – говорит невеста, – тьмы кедров, которыми повсюду покрыт Ливан, давая знать сказанным, что ничто низкое и пресмыкающееся по земле не служит к благообразию тела, если не возвысится, подобно кедру, и не поспешит достигнуть вершины. Лучше же выразим сперва сравниваемое в словах сих. «Вид Его», – говорит, – яко «Ливан избран». Избрание же всякой вещи бывает вследствие сравнения с противоположным. Посему, так как доброе одноименно, действительно ли оно таково, или и не таково, но признается таковым по обольщению и представляется тем, чем оно не является, то непогрешающий в суждении о хорошем избранное действительное добро предпочитает обманчивому. Поелику здесь вид Жениха невеста уподобила избранному Ливану, то вследствие сего предполагается словом, что должно разуметь два Ливана, – один лукавый и отверженный, по пророчеству, сокрушаемый, подобно тельцу, вместе с кедрами ливанскими (Пс.28,5–6), а другой – избранный и досточестный, которого красота боголепна и богоподобна. Разумеемое же в сказанном таково: в смысле собственном, истинном и первоначальном один есть Царь, Царь всякого создания; однако же и миродержитель тьмы величает себя царским именем. Легионы Ангелов у истинного Царя, и легионы демонов у князя власти темные.

Начала, Власти и Силы у Царя царствующих и Господа господствующих; но и тот, по слову Апостола, имеет у себя начала и власти, и силы, которые будут приведены в бездействие, когда зло обратится в ничто, как бы несуществующее; «егда, – сказано у апостола, – испразднит всяко начальство и власть, и силу» (1Кор. 15, 24). «На Престоле высоце и превознесенне» видит Пророк «седаща» Царя славы (Ис.6, 1); и тот возвещает, что выше звезд поставит престол свой и будет «подобен» Вышнему (Ис.14,13). Сосуды избранные «в велицем дому» Своем имеет Владыка вселенной; и у того есть «сосуды гнева совершены в погибель» (Рим. 9, 22). Еще жизнь и мир чрез Ангелов подает достойным Владыка Ангелов;

и тот «ярость и скорбь, и гнев посылает ангелы лютыми» (Пс.77, 49). И нужно ли подробно говорит о всем, чем противник превозносится пред Естеством добра?

Итак, поелику гора Ливан, повсюду заросшая и покрытая высокими кедрами, для чувств замечательное зрелище, то по сему самому гора сия очевидными примерами делится в Писании по противоположным понятиям, будучи взята для особой цели в том или другом значении. Так у одних и тех же Пророков можно видеть одно и тоже имя с разными значениями, употребляемыми в похвалу и в осуждение. «Господь» то сокрушает кедры ливанские», и весь Ливан с кедрами на нем «истнивает» (Пс.28, 5–6), подобно слитому в пустыне тельцу (и сим пророчество научает, что самый порок и всякая поражаемая им высота, превозносящаяся над боговедением, обратится в ничто); то приемлет слово сие в лучшем его значении, говоря: «праведник, яко финикс процветет, яко кедр, иже в Ливане, умножится» (Пс.91,13). Ибо истинно праведный (а праведный есть Господь), нас ради происшедший от земли, сей высоковетвистый «финикс», возросший в лесу естества нашего, делается горою, на которой «умножаются» кедры, укореняющиеся на ней верою. Они то, как скоро «насаждены» будут «в дому» Божиим, «процветут во дворах Бога нашего» (Пс.91,14). Под домом же, в котором происходит насаждение кедров Божиих, по руководству Апостола, уразумели мы Церковь; а под дворами – вечные скинии, в которых будет цветение, а в надлежащие времена и явление благих надежд. Итак, поелику тело Христово составляется из отдельных членов, и многие члены делаются единым телом, как говорит Апостол (1Кор.12,12); то по сему самому всецелую красоту Жениха наименовала невеста «избранным Ливаном», определяя сим разность Ливана избранного с отверженным. Этот Ливан, по слову Исаии, падет вместе с высотами, когда «цвет от корене Иессеоеа взыдет», и произрастет жезл власти (Ис.11,1), который естество льва, рыси и аспидов превратит в ручное и кроткое, так что «с тельцем лев вкупе пастися будут, и с козлищем рысь почиет» (Ис.11, 6), а управлять ими станете То «Отроча» мало, Которое «родися нам» (Ис.9,6), которого рука

бывает в пещере аспидов, прикасается к исчадиям аспидским и в бездействие приводит яд их. Когда совершится это, говорит Пророк, «Ливан с высокими падет» (Ис.10, 34). На что указывает пророчество сими загадочными выражениями, излишне было бы излагать в точности, так как для всякого это явно. Ибо кто не знает родившееся нам Отроча, касающееся рукою аспидов, власть Которого губительных зверей делает приходящими в забвение о природной своей лютости, способными жить вместе с животными кроткими. Итак, поелику чрез это падает Ливан, – эта злоба, а вместе с тем падает и начало зла, – эти возношения на истину, то и невеста красоты Господа уподобляет Ливану избранному, выражая сие словами так: «вид Его яко Ливан избран, яко кедрове».

Но невеста присовокупляет сообразную похвалу и гортани, именуюя ее сладостью и желанием. Буквально же читается это так: «гортань Его сладость, и весь желание». А наше о сем разумение таково: часть, лежащую ниже подбородка, обыкновенно называем гортанью. В ней, говорят, зарождается звук, приводимый в движение приражением воздуха из дыхательной жилы. Поелику прекрасные слова суть сот медовый, а орудие слова есть голос, зарождение которого в гортани, то не погрешит, может быть, кто разумеет так, что сим именем означаются те служители и истолкователи слова, в которых глаголет Христос. Ибо и великий Иоанн на вопросы кто он, назвал себя «гласом» (Иоан.1, 23), потому что был предтечею Слова. И блаженный Павел представил опыт «глаголющего» в нем «Христа» (2Кор. 13, 3); у Него заимствовав себе глас, был сладостью, когда говорил Им. И все Пророки, орудия своего голоса предоставив Духу, издававшему ими звуки, соделались «сладостию», из своей гортани источая Божественный мед, которым и цари, и простолюдины пользуются во здравие, и наслаждение им не пресекает пожелания сытостью, но приобщением вождеваемого еще более питает желание. Посему то невеста всего Его и называет желанием, сим словом, как бы определением каким, описывая красоту Искомого: «весь Он желание», говорит она. Как блаженны те члены, ради которых целое делается «желанием»,

по причине совершенства во всяком добре, и которые производит свою совокупность слиянную достолюбезную красоту, так что целое вожденно не по очам только и рукам, или кудрям, но и по ногам, и рукам, и лыстам, а подобно и по гортани; и ни один из членов не уступает другим в избытке красоты.

«Сей, – говорит невеста, – Брат мой, и Сей, – продолжает она, – ближний мой, дочери иерусалимли». В словесном этом изображении представив взорам их все признаки, по которым возможно было открытие искомого, наконец, выражается указательно, говоря: вот искомый. Тот, Который, соделавшись Братом, воссиял нам от Иуды, стал ближним «впадшему в разбойники», исцелил раны елеем, вином и обвязаниями, всадил на своего скота, успокоил в гостиннице, дал два динария, заботясь об его жизни, и обещал при возвращении отдать, что будет прибавлено на это заповеданное дело (Лук. 10:30–35).

Без сомнения же явно, к чему клонится каждое из сих действий. Ибо законнику, которому хотелось показать, что он выше других, и который по гордости пренебрегал иметь равную с другими честь, когда искушал он Господа вопросом: «и кто есть ближний мой» (Лук. 10, 29), тогда в виде рассказа Слово изложило все человеколюбивое домостроительство, представляя нисхождение человека с горней страны, козни разбойников, совлечение нетленной ризы, греховные язвы, возобладание смерти над половиною естества, потому что бессмертною остается только душа; и бесполезное прохождение закона, так как ни священник, ни левит не у врачевали ран впадшего в разбойники; «невозможно бо крови юнчей и козлей отпущати грехи» (Евр. 10, 4). А Кто возложил на Себя все человеческое естество в начатке смешения, в котором была часть каждого народа: иудея и самарянина, и еллина, и решительно всех людей, Тот с телом, то есть с подъяремником, пришедши на место человеческого злострадания, врачевал язвы, упокоил, всадив его на свой скот, и гостинницу соделал для него местом человеколюбивого смотрения, где упокоиваются все труждающиеся и обремененные. А кто в Нем,

тот, без сомнения, принимает в себя Того, в Ком пребывает, ибо так изрекло Слово: «во Мне пребывает, и Аз в нем» (Иоан. 6, 56). Посему приявший Его в собственном своем помещении дает в себе пристанище Невместимому, приемлет от Него два сребряника, из которых один – любовь к Богу от всего сердца, а другой – любовь к ближнему, как к самому себе, как отвечал и законник. И как «не слышателие закона праведны пред Богом, но творцы закона оправдятся» (Римл. 2, 13), то не принять только надлежит сии два сребряника, разумею веру в Бога и добрую совесть к единоплеменникам, но должно и самому привнести нечто делами к исполнению сих заповедей. Потому Господь и говорит гостиннику, что все, сделанное им в услугу злостраждущему, во второе Свое пришествие примет по достоинству рачения. Итак, Кто по таковому человеколюбию стал нашим ближним, как возсиявший нам от Иуды соделался Братом, – Того отроковицам указывает слово невесты, Того чистая невеста объявляет дочерям Иерусалимским, когда говорит: «Сей Брат мой, и Сей ближний мой, дочери иерусалимли».

По сим объявленным признакам да найдем и да примем Его и мы ко спасению душ наших, по руководству Святого Духа. Ему слава во веки веков! Аминь.

Беседа 15. Толкование на Песн. 5:17–6

Песн.5:17. Камо отъиде Брат твой, добрая в женах? Камо уклонися Брат твой? И взыщем Его с тобою.

Песн.6:1. Брат мой сниде в вертоград Свой, в фиалы аромат, паствити в вертоградех и собирати крины.

Песн.6:2. Аз Брату моему, и Брат мой мне, пасый в кринех.

Песн.6:3. Добра еси ближняя Моя, яко благоволение, красна яко Иерусалим, ужас яко воинства вчиненны.

Песн.6:4. Отврати очи Твои от Мене, яко тии воскрилиша мя. Власи твои, яко стада коз, яже взыдоша от Галаада.

Песн.6:5. Зубы твои, яко стада остриженных, яже взыдоша от купели, вси близнята родящи, и безчадныя несть в них: яко вервь червлена устне твои, и беседа твоя красна.

Песн.6:6. Яко обращение шипка ланиты твоя, кроме замолчания твоего.

Песн.6:7. Шестьдесят суть цариц, и осьмдесят наложниц, и юнот, имже несть числа.

Песн.6:8. Едина есть голубица Моя, совершенная Моя, едина есть матери своей, избранна есть родившей ю.

Об Апостоле Филиппе засвидетельствовано, что он был из города Андреева и Петрова. Ибо, кажется мне, в похвалу Филиппу служит то, что был он согражданином братьев, которые повествуемым о них в Евангелии первые возбудили удивление. Ибо Андрей, по указании Крестителем, кто есть Агнец, вземлющий грех мира, и сам уразумел таинство, последовав по стопам указанного и дознав, где Он пребывал и брату своему благовествует, что пришел предуказанный пророчеством. А брат, едва не предварив слух верою, всею душою предается сему Агнцу и с изменением имени претворяется Господом в нечто Божественнейшее, вместо Симона наименован и соделан Петром. Аврааму и Сарре по прошествии многих лет, после многих Богоявлений, преподает Господь благословение в именах, претворением имен Авраама поставив отцем, а Сарру – начальницею. Также и Иаков после всенощной борьбы удостоивается проименования Израилем и силы. А великий

Петр, не постепенно возрастая, достиг сей благодати, но вместе и услышал брата, и поверил Агнцу, и усовершенся верою, и, прицепившись к камню, стал Петром. Итак, сей Филипп, достойный согражданин стольких и столь великих Апостолов, когда, став обретением Господним, как говорит Евангелие: «обрете» Иисус «Филиппа», соделался последователем Слова, изрекшего: «гряди по Мне» (Иоан.1,43), тогда, приблизившись к истинному свету, подобно светильнику, привлек от Него и себе общение света и озаряет Нафанаила, возгнетя пред ним тайну благочестия сказанным: «Его же писа Моисей и Пророцы, обретохом Иисуса, иже от Назарета Галилейского» (Иоан.1,45). Нафанаил же разумно принял сие благовестие, потому что он во всей точности научен был пророчеством тайне о Господе и знал, что первое Богоявление во плоти будет из Вифлеема, и что, по месту жительства у назореев, Господь наречется Назореем. А посему обращает внимание на то и другое и рассуждает, что в Вифлееме Давидовом, по домостроительству рождения во плоти, необходимо должно было совершиться тайне вертепа, пелен и яслей, а Галилея (место жительства язычников) получит некогда сие наименование от добровольного пребывания Слова у язычников. Поэтому и соглашается с показавшим ему свет ведения и говорит: «от Назарета может ли что добро бытии?» (Иоан.1,46) Тогда то Филипп делается путеводителем к благодати, говоря: «прииди и виждь». В следствие сего Нафанаил, оставив смоковницу закона, тень которой препятствовала причастию света, приемлет Того, Кто за бесплодие добра иссушает листья смоковницы. Почему и свидетельствует о нем Слово, что он искренний, а не притворный израильтянин, нелъстивым произволением показывающей в себе чистые черты патриарха. Ибо говорит Господь: «се воистинну израильтянин, в немже лъсти несть» (Иоан.1,47).

А что касается до того, к чему клонится сие повествование в начале беседы, сие без сомнения, для слушателей более понятливых явно из предложенного нам по порядку чтения из Песни песней. Как Андрей, гласом Иоанна путеводится к Агнцу, а Нафанаил, просвещаемый Филиппом, исшедши из

объемлющей его тени закона, вступает в свет истинный, так и отроковицы к приобретению указанного им блага употребляют в руководство душу совершенную по красоте, говоря ей: «камо отъиде Брат твой, добрая в женах? Камо уклонися Брат твой? И взыщем Его с тобою». Не без основания же души-девы предлагают вопрос наставнице. Ибо сперва вели он речь о том, что такое Брат невесты, в вопрос, предшествующем сему изречение, говоря: «что Брат твой, добрая в женах?» И наученные тому сказанными признаками, а именно, что Он «бел и чермен», и имеет прочие черты, какими невеста изображает вид Желанного, спрашивают о местопребывании. Посему говорят: «камо отъиде Брат твой, или камо уклонися?» Чтобы, без сомнения, дознав, где Он, поклониться на месте, где стояли ноги Его, и известясь, куда уклонился, самим стать в таком положении, в котором была бы видима ими слава Его, чье явление делается спасением для взирающих, как говорит Пророк: «просвети лице Твое, и спасемся» (Пс. 79, 4).

И наставница, подобно Филиппу, сказавшему: «прииди и виждь», ведет всех уловить Искомое и вместо того, чтобы сказать: «виждь», – указывает место, где Искомый, и куда готов идти, ибо говорит: «Брат мой сниде в вертоград Свой, в места аромат». В сих словах Писанием означает только место, где Жених. А с сих слов наставница показывает в речи своей, что имеет Он в виду, и куда устремляет взор, говоря: «паствити в вертоградех и собирати крины». Вот чувственное путеказание Слова отроковицам, по которому дознают, где Жених и куда устремляет взор. Без сомнения же, при помощи духовного обозрения, надлежит познать, что полезного в этом богодухновенном Писании.

Посему, когда услышим, что «Брат сниде в вертоград Свой», дознаем из сказанного евангельское таинство, потому что каждое именование уясняет нам таинственное сие учение. Во плоти явившийся Бог, потому что воссиял от Иуды, озарил же язычников, сидящих во тьме и сени смертной, прекрасно и прилично приемлет имя Брата от уневещенной Ему в вечное сочетание сестры – народа иудейского. Слово же «сниде» дает разуметь, что снисшел ради нисходившего из Иерусалима в

Иерихон и впадшего в разбойники; потому и Сам нисходит путем нисхождения ставшего добычею врагов, а сим означает от неизреченного величия до смирения естества нашего совершившееся снисхождение. А из загадочного значения слова «вертоград» дознаем то, что истинный Делатель делание Свое – нас, человеков, насаждает вновь; ибо мы, по слову Павлову, «Его тяжание» (1Кор. 3, 6). Итак, поелику Он и в начале в раю возделал естество человеческое, которое насадил Отец Небесный, то, когда «уединенный дивий пояде» вертоград наш, и «озоба» Божественную ниву (Пс. 79, 14), снисшел Он пустыню снова сделать вертоградом, украшающимся насаждением добродетелей, при тщательном уходе за таковыми растениями открыв в слове свободное течение чистому и Божественному источнику учения. А «места аромат» (точнее: фиалы аромат) в описании красоты взяты в похвалу ланитам, при содействии которых раздробляется духовная пища в питающихся; слово же показывает, что здесь местопребывание Жениха, так как дознаем, что Жених водворяется не в запустившей добродетелями душе, но разве в том, кто, по изложенному выше учению, соделается фиалом аромата, источающим благовонные масти; таковой, став чашею премудрости, приемлет в себя Божественное и чистое вино, от которого в приившем бывает веселие. А следующее за сим слово научает нас, на каких пажитях тучнеют стада доброго пастыря. Ибо не в пустынные какие-либо и тернием поросшие места выгоняет овец щипать там травянистую зелень, но предлагаются им в пищу ароматы из вертоградов, а вместо травы служит крин, который, – говорит невеста, – собирается Пастырем в корм овцам. Сие то любомудрое учение предлагает нам в этом слово, а именно, что объемлющее Собою существа Естество и Могущество, все содержа в Себе, местом для Себя и вместилищем делает чистоту приемлющих, в которых разнообразно возделываемый добродетелями вертоград украшается цветами кринов и орошает плодоношением ароматов. Ибо крины загадочно означают ясность и чистоту разума, а благоухание ароматов – отвращение от всякого греховного зловония. Так, подобным сему, по словам невесты, занимается Приставник словесного

стада, пася в вертоградах, и для корма овцам срывая и собирая крины, какие и предлагает овцам чрез великого Павла, который из Божественного хранилища выдает нам эту из кринов пищу, то есть, «елика истинна, елика честна, елика праведна, елика прелюбезна, елика пречиста, елика доброхвальна, аще как добродетель, и аще кая похвала» (Фил. 4, 8). Вот, по моему рассуждению, те крины, которыми питается стадо у доброго пастыря и учителя.

Следующее за сим слово, которое произносит чистая и нескверная невеста, говоря: «аз Брату моему, и Брат мой мне», есть правило и определение совершенства в добродетели. Ибо дознаем из сего, что душе, достигшей чистоты, должно не иметь в себе ничего, кроме Бога, и ни на что иное не обращать внимания, но только быть чистою от всякого вещественного дела и понятия, чтобы, всей и всецело претворившись в мысленное и невестественное, соделать себя самым явственным изображением красоты первообраза. И как тот, кто видит на картине список, точно снятый с подлинника, утверждает, что один образ и в списке, и в подлиннике, говоря, что в изображении сохранена красота подлинника, и он явственно виден в подражании; подобно сему говорящая: «аз Брату моему, и Брат мой мне», утверждает о себе, что она сообразна стала Христу, восприяв собственную свою красоту, первобытное блаженство естества нашего, украсившись по образу и подобию первой истинной и единственной красоты. И что, например, бывает с зеркалом, когда оно устроено искусно и сообразно с потребностью, тогда на чистой своей поверхности в точности показывает черты видимого в нем лица: тоже произошло и с душою; уготовав себя сообразно с потребностью и отринув от себя всякую вещественную скверну, отразила она в себе чистый образ ничем неповрежденной красоты. Посему следующую речь произносит это произволением одаренное и одушевленное зеркало: «поелику в целой окружности вижу лице Брата, то поэтому всецело видна во мне красота Его образа». Сим именно словам подражает Павел, говоря, что живет он Богу, став мертвым для мира, и что в нем живет один Христос. Ибо, сказав: «мне еже жити, Христос» (Фил. 1, 21), громогласно

чрез это вызывает: не живет во мне ни одна из человеческих и вещественных страстей, ни сластолюбие, ни скорбь, ни раздражительность, ни страх, ни робость, ни смятение, ни кичливость, ни дерзость, ни злопамятство, ни зависть, ни какое-либо мстительное расположение, ни любостыжательность, ни другое что-либо оскверняющее душу какою-либо связью. Но во мне живет Тот один, в Ком нет ничего из перечисленного. Ибо, отрясши все, усматриваемое вне оного естества, не имею в себе ничего такого, чего нет в Нем. Поэтому «мне еже жити, Христос», или, как говорит невеста: «аз Брату моему, и Брат мой мне». Он – освящение, чистота, нетление, свет, истина и все сему подобное, что доставляет пажить душе моей не на каких-либо луговых травах или между кустарниками, но во светлостях святых, потому что естество кринов белизною своей доброцветности наводит нас на эту мысль. Итак, «Пасый в кринех» для того и ведет стадо Свое на луга кринов, чтобы «на нас была светлость Господа Бога нашего» (Пс. 89,17). Ибо с родом пищи сообразуется, конечно, и питаемое. Скажу для примера; предположим, что будет пустой сосуд, из стекла сделанный; в нем насквозь видно все влагаемое, что такое ни было бы положено, черное ли что или нечто более чистое и светлое. Посему Вложивший в души белизну кринов посредством их белыми делает и самые души, потому что вложенное видно насквозь совне. Но чтобы до большей ясности довести нам мысль сию, скажем, что душа питается добродетелями, а добродетели загадочно названы кринами. Кто при добром поведении наполнен ими, тот делает себя явным по жизни, показывая в нравах вид каждой добродетели. Пусть будет в тебе чистым крином целомудрие, справедливость, мужество, благоразумие и вся, «елика», по слову Апостола, *истинна, елика честна, елика прелюбезна, елика праведна, елика пречиста, елика доброхвальна, аще кая добродетель, и аще кая похвала*». Ибо все это, находясь в душе, обнаруживает себя чистою жизнью, и обладающего сим украшая, и само украшаясь приившим это.

Итак, в непосредственно следующем за сказанным доселе выслушаем, чего сподобляется возложившая упование на Брата

и красоту Возлюбленного приявша в собственный свой образ, от прославляющего прославляющих Его. Ибо Слово говорит невесте: «добра еси ближняя Моя, яко благоволение, красна яко Иерусалим, ужас яко воинства вчиненны». Что небесным воинством во услышание пастырей воссылается «слава в вышних Богу» за благоволение «в человецех», когда увидели рожденный на земли мир (Лук. 2, 14), и что Владыка всей твари именует Иерусалим градом «Великаго Царя» (Матф. 5, 35), это известно всякому читавшему евангельские книги, а поэтому не может он не знать, о какой красоте невесты свидетельствует Слово сравнением ее с Иерусалимом и благоволением. Ибо, как явно, Слово показывает сим, что душа в благоуспешном восхождении значительно возвысилась и простирается уже до чудес Владычных. Ибо, если в вышних Бог, сый в лоне Отчи, по «благоволению в человецех», вступает в общение с плотью и кровию, чтобы произошел на земле мир, то явно, что сему благоволению уподобившая красоту свою, с преспеянием подражает Христу, тем став для других, чем соделался Христос для естества человеческого, как поступил подражатель Христов Павел, отлучая себя от жизни, чтобы собственным своим страданием искупить спасение Израилю, говоря: «молил бых ся сам аз отлучен быти от Христа по братии моей, сродницех моих по плоти» (Рим. 9, 3). К сему справедливо применяется сказанное невесте: такова красота души твоей, каково было благоволение к нам Владыки, Который «Себе истощил зрак раба прием» (Фил. 2, 7), отдал себя в искупительную цену за жизнь мира, «нас ради обнища богат сый, да» мы смертью Его будем живы и «нищетою обогатимся» (2Кор. 8, 9), и в рабском зраке Его воцаримся. А величие невесты и красота Иерусалима равно указуют на «вышний Иерусалим», свободный, и «матерь» свободных (Гал. 4, 20), который, как дознали мы из слов Владычных, есть «град Великаго Царя». Ибо вместившая в себе Невместимого, так что в ней и живет, и ходит Бог, украсившись красотою живущего в ней, делается Иерусалимом небесным, прияв на себя красоту его. Красота же и убранство Царского города, без сомнения, есть красота Самого Царя. Ибо, по слову псалмопения, убранством и красотою служит Тот, Кому говорит

пророчество: «красотою Твоею и добротою Твоею: и наляцы, и успевай, и царствуй истины ради и кротости, и правды» (Пс.44, 5), ибо ими, то есть истиною, правдою и кротостью отличается Божество. Посему по таким красотам образовавшая себя душа делается изукрашенной, как Иерусалим, красующейся Царским убранством. Но в этом, очевидно, заключается похвала красоте невесты, выраженная сравнением с благоволением и Иерусалимом.

Не сомневаемся также, что и продолжение речи служит в похвалу же невесте. Но в каком смысле таковою похвалою величается удостоившаяся сей доброй о себе славы, сего невозможно дознать с первого взгляда. Ибо читается сие так: «ужас яко» Силы «вчиненны».

Иной, следуя рассмотренному прежде, скажет, может быть, что сравнением с премирным естеством в слове возвеличивается похвалами невеста. Ибо там «вчиненные силы», где Власти, которые всегда господствуют, Господства, которые всем обладают, Престолы, которые неколеблемо возвышаются, Начала, которые пребывают нерабственными, Силы, которые неумолчно благословляют Бога, где парение Серафимов не останавливается и стояще не преходит, где Херувимы не престают придерживаться высокому и превознесенному Престолу, где не прекращают служения слуги, делающие дело и слушающее слово (Пс.102, 20–21). Итак, поелику власти сии установлены от Бога, и чин разумных и премирных сил навсегда пребывает неслитным, так как никакой порок не извращает благочиния, то посему и душа, в подражание оным силам, все «по чину и благообразно» делая, такое возбуждает к себе удивление, какое бывает к оным вчиненным силам. Ибо значение слова «ужас» толкуется словом «поразительность», под словом же «поразительность» разумея удивление, не погрешаем против истины.

Но вслед за сим читаемое изречение делает сомнительным, каким лицом оно произнесено, и кому сказано: «отврати очи Твои от Мене, яко тии воскрилиша мя». По мнению некоторых, Владыкою сказано это чистой душе, а я предполагаю, что гораздо приличнее изречение сие приложить к невесте. Ибо ей

соответственным нахожу смысл выражаемого словом. И как мне представляется это, изложу кратко. Во многих местах Богодухновенного Писания, слышу, говорится, что у Бога есть крылья, по словам пророчества: «в крове крилу Твоею покроеши мя» (Пс. 16, 8); и еще: «под криле Его надеешься» (Пс. 90, 4); так Моисей еще в великой песни описывает сие, когда говорит: «простер криле Свои и прият их» (Втор. 32, 11); таково и сказанное Господом Иерусалиму: «колькраты восхотех собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под криле свои» (Матф. 23, 37). Все же сие, как скажет иной, смотря на связь речи, недалеко от предлагаемой здесь мысли. Посему, если на каком-либо таинственном основании Богодухновенное слово о Божественном естестве определяет, что у Него крылья, а первое устройство человека свидетельствует, что естество наше сотворено по образу и подобию Божию, то, конечно, созданный по образу во всем был подобен первообразу. Но по Священному Писанию первообраз окрылен. Посему и естество человеческое уготовано было окрыленным так, что и в крыльях имело Божие подобие. Явно же, что именование крыл в некоем переносном образе воззрения взято будет в каком-либо Боголепном смысле, так что названием крыл означаются сила, блаженство, нетление и подобное сему. Итак, поелику было это и в человеке, пока во всем уподоблялся Богу, но после сего преклонность к пороку лишила нас таковых крыл (ибо, став вне крова крыл Божиих, утратили мы и собственные свои крылья), то явилась посему Божия благодать, просвещающая нас, чтобы, отложив нечестие и мирские похоти, снова окрылились мы преподобием и правдою (Тит. 2, 12). По сему, если не далеко это от истины, то прилично невесте признать благодать, явленную на ней очами Божиими. Ибо вместе и Бог воззрел на нас очами человеколюбия, и мы окрылились первобытною благодарю. Сие то, думаю, показывает слово в сказанном, о чем, молясь, Давид в шестнадцатом псалме, говорит Господу: «очи» Твои «да видита правоты», то есть мои. Ибо продолжает: «искусил еси сердце мое, посетил еси нощию, искусил мя еси, и не обретеса во мне неправда» (Пс. 16, 2–3). Посему сказать: «очи» Твои «да видита правоты», значит то же, что – очи Твои да не

усматривают противного. Ибо кто видит прямое, тот не видит кривого, и кто не видит кривого, тот, без сомнения, видит прямое. Посему изъятием противоположного Пророк показывает доброе в Божественных очах, которыми снова окрыляется душа, за преслушание первозданных обескрылившая.

Итак, сие уразумели мы из сказанного: когда очи Твои взирают на меня, тогда отвращаются от противного, потому что не увидят во мне ничего сопротивного мне. От сего происходит, что от очей Твоих снова окрыляюсь, и за добродетели возвращаю себе крылья как бы голубицы, при которых появляется у меня способность летать, так что могу и продолжить полет, и упокоиться тем именно покоем, каким почил Бог от дел Своих.

За сими словами следует опять описание невестинной красоты, при чем каждая черта, служащая к полноте красоты, величается в слове каким-либо приличным уподоблением. Ибо восхваляются – красота ее волос, положение зубов, цвет уст, сладость голоса, румянец ланит. Притом похвала всего поименованного у невесты восполняется каким-либо приличным сравнением и сличением. Ибо волосы уподоблены стадам коз, появившимся с Галаада, а стада остриженных, хвалящийся двойным приплодом, по уподоблению служат похвалою зубам; верви же червленной приравняются уста и оброщением шипка украшаются ланиты. Буквально читается сие так: «власа твои, яко стада коз, яже взыдоша от Галаада. Зубы твои, яко стада остриженных, яже взыдоша от купели, еси близнята родящи, и безчадные несть в них, яко вервь червлена, устне твои, и беседа твоя красна, яко обращение шипка ланиты твоя, кроме замолчания твоего». Поелику все сие достаточно исследовано в сказанном доселе, то излишним было бы делом речь делать скучною повторением тех же взглядов. Но если кто и теперь потребует слова о том же, то ради неслышавших прежних объяснений на речения сии, кратко перескажем значение загадок. Волосы на теле имеют свое особое от прочего тела естество. Когда всему телу служит сила чувствующая, без которой и естество жизни невозможно, потому что чувствование есть телесная жизнь; видим, что одни волосы, составляя часть

тела, не имеют части в чувствительности. Особенность же сия в этой части тела доказывается тем, что волосы, ни при жжении, ни при резании, не чувствуют боли, подобно другим частям тела. Итак, поелику, по слову Павлову, слава жен – волосы (1Кор.11,15), украшающие голову плетениями, то похвалою волос у невесты научаемся, что власам, усматриваемым на главе невесты, которыми славится Церковь, надлежит быть совершеннейшими чувств, мудростью прикрывать чувство, как и притча говорит: «премудрии скрывают чувство» (Прит.10,14). У них не зрение служит в отличении хорошего, не вкусом изведывается доброе, не обоняние, не осязанию, не другому какому чувствилищу вверяется суд о прекрасном, напротив того, по умерщвлении всякого чувства, одною душою касаются и вождедевают они благ, представляющихся мысленно, и таким образом прославляют жену – Церковь, ни почестями не надмеваясь, ни от малодушия не теряя духа в обстоятельствах скорбных; но хотя бы стали резать за веру во Христа, хотя бы повергли зверям или в огонь, хотя бы заставили терпеть другое что скорбное, при испытании мучений показывают вид бесчувственности волос. Таков был Илия, пришедший из Галаада в поросшем волосами и иссохшем теле, покрытый козьей кожей, неустрашаемый никакими угрозами мучителя. Посему все те, которые, из подражания великодушию сего Пророка, стоят выше всего мира, «лишены, скорбяще, озлоблены, в горах и в вертепах, и в пропастях земных, ихже не достоин мир» (Евр.11,37–38), – все они, как бы в виде стада, видимые окрест Главы всяческих, делаются славою Церкви, вместе с обитателем Галаада восходя к небесной благодати.

Животное же коза взято в похвалу волосам, может быть, или потому что по естественному свойству животное сие устроено способным к произращению волос, так что, по природе обросши волосами, служит оно загадочным знаком красоты в волосах, или потому что коза не скользя ходит по скалам, носится по вершинам гор, смело совершает путь по непроходимым и обрывистым стезям, что весьма применимо к преуспевающим на негладком пути добродетели. А с большим правом, может быть, иной скажет: козы служат в похвалу глав,

потому что животное сие законодателем взято во многих случаях на законное священнослужение. А я знаю, что в загадочных сказаниях притчи между четырьмя, «яже благопоспешно ходят» считается одно животное, «еже добре проходит», и это – «козел, предводитель стаду» (Прит.30, 29, 31). Гадательно же разумею под сим следующее. Всякое промышленное занятие, начинаемое одним, передается от него многим. Так Писание, назвав Фовела изобретателем искусства ковать, к нему возводит знание всех, после него усвоивших себе обработку железа. Так в пастушестве первым был Авель, а в земледелии Каин; Неврода Писание называет начальником в охотничьем деле, а Ноя – в возделывании винограда, об Эносе говорит, что начал уповать на Бога (Быт.4, 26). И много подобных сведений можно почерпнуть в Святом Писании о том, кто один полагал чему-либо начало, и дело по подражанию входило в жизнь. Так, поелику Илия по преимуществу был примером в самой высокой степени Божественной ревности, то и все, которые после него, подражая его ревности, шли по тем же следам дерзновения пророка, соделались стадом предводительствовавшего в такой жизни; и они то составляют славу и похвалу Церкви, заменив собою красоту волос, которым несвойственна и чужда жизнь чувств.

Подобными сим качествами наполняет Слово похвалу и зубам. Ими могут быть те, которые питают собою тело Церкви; и их то желает оно видеть всегда чистыми, как бы только что вышедшими из купели, никогда не имеющими излишества в волосах, как после недавнего острижения, но по приплоду добродетелей двоеплодными, отцами сугубой чистоты, усматриваемой и в душе, и в теле, так что быть не родящими всего лучшего есть нечто невозможное для сих зубов.

Верь же, положенная на устах, загадочно дает разуместь мерное служение слову, что Пророк назвал хранением и дверью ограждения (Пс.140, 3), когда уста во время отверзаются и во время закрываются для слова. А что верь – наименование меры, дознали мы сие из пророчества Захарии. «Глаголюй» в нем «Ангел» имел в руках «уже землемерно» (Зах.2,13). Слово же тогда наипаче бывает в меру, когда прикрашено стыдливим

румянцем, что служит загадочным знаком Крови Искупившего нас. Если кто, подобно Павлу, имеет «глаголющего» в себе «Христа» (2Кор. 13, 3), Своею Кровью искупившего нас, то он имеет «уже землемерно» на устах, украшенное тем, что оно кровавого цвета.

Следующее за сим слово есть истолкование прежней загадки. Ибо «красною беседою» именует Слово «червленую вервь», чем опять означает благовременность и соразмерность.

В точности прекрасное и появляющееся именно в свое время, не бывает ни прежде временным, ни безвременным. «Обращением» же «шипка» украшая яблоко ланиты, свидетельствует о некоем великом усовершении невесты в добре; ибо дает знать, что не в ином чем уготовано для нее сокровище, но что сама для себя служит сокровищем и в себе содержит приуготовление всякого добра.

Ибо как в «обращении» заключается все, что в шипке есть снадного, так видимою красотою жизни показывается, что внутри ее заключается сокровище. Оно то и есть тайное сокровище надежд, этот собственный плод души, содержимый в доблестной жизни, как в обращении каком шипка. Сказанное же: «кроме замолчания твоего», по моему мнению, такой имеет смысл: похвала тебе не столько слагается из видимого, из того, что указывается словом, но паче из того, что покрыто молчанием, избегая указания словом. Ибо как под молчанием разумеется, что вне слова, так не погрешит, кто под словом разумеет, что вне молчания. Ибо умалчиваем то, чего не можем объявить словами. Посему, если что вне слова, то разумеется как молчание, непременно следует, что вне молчания, то признавать словом. Следовательно, сказавший: «кроме замолчания твоего», ясно выражает словом следующее: хотя прекрасно и велико и то, что может быть изображено словом что «кроме замолчания твоего»; однако же, что вне слова, покрывается молчанием, неизреченно и неизразимо, то, без сомнения, удивительнее высказываемого.

Но выслушаем и продолжение похвал; их смысл подобен известному в бытописании кладязю, у которого некий камень, загрождая устье, для приходящих со стадами де

воспользоваться водою делает невозможным, но Иаков, восстав, отваливает камень от устья, и из чего поили скот, то, наполнив водою, дает овцам в волю насладиться влагой. Посему, что же уподобляем такому кладязю? «Шестедесят суть цариц, и осмездесят наложниц, и юнот, имже несть числа. Едина есть голубица Моя, совершенная Моя, едина есть матери своей, избрана есть родившей ю». Итак, кто же отвалит нам камень этой неясности? Кто почерпнет воду понятий, стоящую на такой глубине, что она недоступна нашему разуму? Но всего лучше, кажется мне, засвидетельствовать вашему слуху, что знать сие возможно тем одним, которым говорит Апостол: «во всем обогатитесь, во всяком слове и всяком разуме» (1Кор. 1, 5). А наша нищета не в состоянии обнять предлагаемых в слове сокровищ. Впрочем, чтобы не подпасть обвинению в не деятельность, ради Вменившего нам в закон испытывать Писания (Иоан.5, 39), не поленимся и над сим пролить хотя несколько пота. Посему говорим, что заключающееся в словах сих любомудрие в похвалах невесте предлагает нам некое тонкое учение. И учение сие таково. Не в той же последовательности и не в том же порядке существа создаются и воссоздаются. Когда естество твари первоначально приводимо было в бытие Божиею силою, в каждом существе неразрывно с началом связуем был и конец, потому что все, пришедшее из небытия в бытие, совокупно с началом получило и совершенство.

Но и человеческое естество есть одно из сотворенных, и оно, по подобию других тварей, не постепенно приходило к совершенству, а с самого начала бытия имело в себе совершенство, с каким было создано, приведено же в бытие, как говорит Писание, «по образу и по подобию Божию» (Быт.1, 26), что показывает самое высшее и совершеннейшее из благ. Ибо можно ли найти, что выше уподобления Богу? Так в первой твари неразрывно с началом виден стал и конец, и естество начало свое бытие совершенством. Но тогда, по тесной связи с пороком освоившись с смертью, удалилось оно от пребывания в добре; тогда не вдруг восприимлет совершенство, подобно первому составу, но неким путем доходит до высшего

состояния, с какою-то последовательностью и порядком, понемногу истребляя в себе пристрастие к противоположному. Ибо при первом устроении ничто не препятствовало совершенству естества сойтись с вступлением в бытие, потому что не было греха.

А при вторичном воссозидании возвратное следование к первоначальному благу необходимо сопровождается продолжительным переходом. Почему сердце наше, по причине порока связанное вещественным пристрастием, как бы вырываясь от некоторой лежащей на нем коры, понемногу очищаясь более исправным поведением, отрешается от связи с худшим. Посему то научены мы, что у Отца «обители многи суть» (Иоан.14,2), потому что всем уготовано воздаяние, каждому по мере склонности его к хорошему и удалению от худого. Ибо иной едва начинает вкушать лучшую пищу, как бы изникнув только из некоей глубины порочной жизни для приобщения истины; а у другого, по его рачительности, произошло уже некое приращение лучшего; другой возрос наиболее вожделением благ, а кто держится среднего восхождения на высоту, иной же перешел уже и за средину; некоторые же и сих превысили собою, а иные опередили и последних; другие же и далее их простираются в течении к горнему. И совершенно согласно с многообразным различием произволений приемлет Бог каждого в собственном его чине, всем уделяя, кто чего достоин, награды благами соединяя во едино для высших, и соразмеряя для низших. И по нашему разумению сие самое любомудренно излагает Слово в предложенных изречениях, отдельно представляя нам в сказанном различие душ, взирающих на Жениха. Ибо одних называет «юношами», а именно те, которым множеством превзошли возможность выразить их числом; об иных говорит, что он «наложницы», а об иных, что они «царицы». Число наложниц определив осмидесятью, и сказав, что число цариц простирается до шестидесяти, выше всех ставит в одиночестве усматриваемую совершенную голубицу, о которой выражается, что она «едина есть матери своей, избрана есть родившей ю». Итак, Божественными сими изречениями приводимся к той

мысли, что одни, едва освободившиеся из какой-то во глубине сокрытой утробы прелести, будучи еще новорожденными и неспособными членораздельно произнести слово, не по разуму соглашаясь на принятие веры, усматриваются в бесчисленном множестве. Они уверовали, что слово таинства спасительно, содержа, впрочем, в себе истину, неутвержденную на каком-либо знании и на несомненности, почерпнутой в Писании. Это – так названные «юноты», потому что проходят юный духовный возраст; рожденные словом веры, еще не сделали они по надлежащему возрастанию такими, чтобы прийти в зрелость для брака, достигнуть в мужа совершенна, в меру брачного возраста, и быть в состоянии зачать во чреве страх Господень и породить дух спасения, напротив того, по младенчеству и несовершенству еще разумения живут как бы с неразумным расположением.

Впрочем, и они в числе спасаемых, как говорит Пророк: «человеки и скоты спасеши, Господи» ([Пс.35,7](#)), скотами называя неразумную часть спасаемых.

А в тех, которые при надлежащем попечении возросли разумением и оставили уже детство, по указанию слова узнаем двоякое различие. Ибо сотелесниками Слову бывают те и другие души; но одни прилепляются с каким-то расположением пламенной любви, каковы были душа Давидова и душа Павлова, из которых одна говорит: «мне же, прилепятся Богу благо есть» ([Пс.72,28](#)), а другая: никто не разлучит нас от любви Христовой, «ни живот, ни смерть, ни настоящая, ни грядущая, ни что другое из существующего» ([Рим.8,35–39](#)). Другие же души по страху наказания избегают прелюбодейных искушений. Ибо и они пребывают в нерастлении и святине, но наставляемые более страхом, нежели одною любовью, не допускают до себя худого. Посему те, которые при более совершенном расположении, любовью к нерастлению вошли в единение с Божиею чистотою, по общению в царстве именуются «царицами»; а тех, которые по страху угрозы трудятся в добродетели, Слово называет «наложницами». Ибо ни одна из них не в состоянии сделаться матерью Царя и сообщницею в сани. Ибо как было бы сие возможно душе, которая не

восприняла еще в себя неподчиненности и самовластия доблестного образа мыслей, но рабским страхом удерживается от общения с злом? А примером сказанного о царицах служит подобие их сподобившимся стояния одесную, которым Царь говорит: «приидите, благословенны Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие» (Матф.25,34). Ко второму и низшему чину принадлежать те, которым Господь говорит: «убойтесь имущаго власть по убиении вовреши в дебрь огненную» (Лук.12,5). Такое различие двух чинов, кажется мне, загадочно дает видеть и разность в числах. Почему говорю это? Шесть заповедей, за исполнение которых царствие Божие уготовляется десным. Представим себе, что каждая из них есть владычней талант, который доброму и верному рабу надлежит удесятить в делании, чтобы таким образом, в малом оказавшись верным, и будучи поставленным над многими, войти в радость Господа своего. Итак, если за сии шесть заповедей бывает в душе общение царства (совершенство же делания каждой из заповедей состоит в том, чтобы удесятить ее, как сказал добрый оный раб: один твой талант приобрел десять талантов), то вследствие сего находим, что до шестидесяти возрастает одна царица, за десятикратно взятое исполнение шести заповедей приемлемая в общение царства, так что одна, разделенная, по многообразному отличительному свойству заповедей, на части, и в каждом преспеянии получившая свой особенный образ, обращается во многие. Посему так на шестьдесят цариц делится одна, будучи разделяема по родам заповедей, и участницею царства Христова делается невеста, одна обратившаяся в целое племя цариц, исчисленная по столь многим достоинствам относительно к заповедям.

Если же не без основания принята нами эта мысль, что шесть заповедей, до десятикратности возделанные в одной душе, загадочно означаются шестидесятью царицами, то вследствие сего скажем, что в подобном загадочном смысле осьмидесятью изображается тайна о «осьмей» (Пс.6,11), взирая на которую, руководимые страхом удерживаются от общения с злом. Ибо так дознали мы в псалмопениях, в надписании

которых стоит слово: «осьмая», где ясно слышны вопли наказуемых, по страху ожидаемого преклоняющее слух Судии на милость. Ибо обращающий взор к «осьмой» говорит страшному Судии: «Господи, да не ярости Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажешь мене. Помилуй мя, Господи, яко немощен есмь, исцели мя, Господи, яко смятошася кости моя» (Пс.6,2–3), – и что в след за сим продолжается в прощении неподкупному Судии, где молящийся сетует, что в смерти нет памятования о Боге (Пс.6,6). Ибо осужденным на плачь и скрежет зубов возможно ли находить веселие в памятовании о Боге? Между тем, так говорит Пророк в другом месте: памятование о Бог производит веселие (Пс. 76, 4). Сие то и иное, нечто подобное сему взывая Богу, убоявшийся осьмой приходит в ощущение приобщения милости, говоря: «яко услыша глас плача моего» (Пс.6,9). А как в Священном Писании много показано блаженных страхов, то, сходно с сказанным о шести заповедях, возможно будет и их десятикратное приумножение, так что наученный псалмопением, как преуспевает страх Господень, если уклониться «от зла» и сотворит «благо» (Пс.33, 15), как некий мнас или талант, удесятрит деланием достояние страха Божия. И таким образом, второе после царицы место занимающая душа, которая делает добро по страху, а не по любви, возводится до числа осьмидесяти; каждый род преспеяний, совершаемых по страху, показывает она в жизни своей неслитно и не скрытно; так что понятие и о сей осьмой расширяется возрастанием до десятикратности, и душа, приступающая к добру по рабскому страху, а не по невестинной любви, делается вместо царицы наложницею, страхом «осьмая», до десятикратности увеличенным преспеяниями, пришедши в число «осьмидесяти». Ей, послужившей на время незаконному и неблагородному рождению, по сказанию истории, повелевается не до конца жить вместе с царицею, так как рабскому роду нет царского наследия наравне с свободно рожденным. Сказано: «измени рабу, и сына ея, не имать бо наследовати сын рабынин с сыном свободных» (Гал.4, 30). Если же кому взгляд сей на представляемое в рассматриваемых

изречениях число кажется принужденным, то пусть вспомнит, что в начале засвидетельствовали мы о невозможности достигнуть в этом истины и о намерении коснуться сего с такою только целью, чтобы иносказания сии не были вовсе оставлены без приложения к ним нашего труда.

Впрочем, если по написанному: «совершенна любы вон изгоняет страх» (1Иоан.4,18), то пусть и страх, претворившись, сделается любовью. Спасаемое оказывается тогда единицею по взаимном между собою соединении всех в сродстве с единым благом, вследствие совершенства, какое есть в голубице. Ибо подобное нечто разумеет в следующем слове, которое говорит: «едина есть голубица Моя, совершенная Моя, едина есть матери своей, избранна есть родившей ю». А это яснее истолковано в Евангелии Господним словом. Ибо, благословением вложив в учеников Своих всякую силу, и иные блага дарует святым произнесением слов ко Отцу, присовокупляет же, как главизну благ, – то, чтобы они, и при каком-либо различии произволений, не делились более в суждении о добром, но все пребывали едино, соединенные единым и единственным благом, так чтобы при единстве Святого Духа, как говорит Апостол, связуемые союзом мира все соделывались единым телом и единым духом, «в едином уповании, якоже звани» (Ефес.4,3.4). Но лучше буквально предложить Божественные изречения Евангелия: «Да вси едино будете: яко же Ты, Отче, во Мне и Аз в Тебе, да и тии едино будут» (Иоан.17, 21). А связующим в единение сие есть слава. И что славою называется Дух Святой, сему не будет противоречить никто из людей разборчивых, обратив внимание на собственные слова Господа. Ибо говорит: «славу, юже дал еси Мне, дах им» (Иоан.17,22), потому что действительно дал ученикам таковую славу Сказавший им: «приимите Дух Свят» (Иоан.20, 22). Приял же сию славу, которую всегда имел, «прежде мир не бысть» (Иоан.17, 5), Облекшийся в естество человеческое, по прославлении Которого Духом совершается «всему» сродственному раздаяние славы Духа, начавшись с учеников. Посему говорит Господь: «славу, юже дал еси Мне, дах им, да будут едино, якоже Мы едино есма. Аз в них и Ты во

Мне: да будут совершени во едино» (Иоан.17,22–23). Посему, кто возрастанием из младенца пришел в мужа совершенна и достиг в меру умственного возраста, из рабы и наложницы приял на себя сан царицы, по бесстрастию и чистоте соделался достойным причаститься славы Духа, тот есть совершенная голубица, на которую взирает Жених, говоря: «едина есть голубица Моя, совершенная Моя: едина есть матери своей, избрана есть родившей ю». Конечно же, узнавая дерево по плоду, не не знаем и мать голубицы. Как, увидев человека, не сомневаемся, что он от человека, так и отыскивая мать избранной голубицы, уразумели мы не иную какую, как оную голубицу. Ибо в чаде, без сомнения, усматривается естество родившего. Итак, поелику «рожденное от Духа, дух есть» (Иоан.3, 7), а чадо есть голубица, то, конечно, и мать чада – также голубица, слетевшая с небес на Иордан, как говорит и свидетельствует Иоанн. Ее ублажают «юноты», ее восхваляют «наложницы» и «царицы», потому что всем душам всякого чина предлежит общий путь к таковому блаженству. Посему говорят: «видеша ю дщери и ублажиша ю, наложницы и царицы восхвалиша». А всякому естеству свойственно простираться пожеланием к блаженному и похвальному. Поэтому, если дщери ублажают голубицу, то, конечно, и сами вождедевают стать голубицами. И то, что восхваляется голубица наложницами, служит знаком, что и они имеют рачение о восхваляемом, пока (так как все соделаются едино, будут иметь в виду одну и ту же цель пожелания, ни в ком не останется никакого порока) не будет Бог «всяческая во всех», взаимным между собою единением срастворенных в общении блага, о Христе Иисусе Господе нашем. Ему слава, и держава, во веки веков! Аминь.